

Ш 141.12

Г 256

МИР знаний

Ю.А. ГВОЗДАРЕВ

Рассказы о русской фразеологии

Ш 141. 12
Г 256

«МИР ЗНАНИЯ»

Ю.А. ГВОЗДАРЕВ

Рассказы о русской фразеологии

*Книга для внеклассного чтения
учащихся старших классов*

860759

НАГАДАНСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1988

ОТДЕЛ
АБОНЕМЕНТА

ББК 81.2Р
Г25

Рецензенты —
заслуженный деятель науки РСФСР,
доктор филологических наук,
профессор Новгородского

государственного педагогического института *В. П. Жуков*,
учитель школы № 78 г. Москвы *Г. И. Кириченко*

Гвоздарев Ю. А.
Г25 Рассказы о русской фразеологии: Кн. для внеклас.
чтения учащихся ст. классов. — М.: Просвещение,
1988. — 192 с.: ил. — (Мир знаний).

ISBN 5-09-000348-3

В книге в популярной и занимательной форме рассказывается
об одном из разделов науки о языке — фразеологии.

Автор показывает, как интересен мир русской фразеологии, как
неразрывно он связан с жизнью народа.

Книга, адресованная школьникам, учит вслушиваться в живую
русскую речь, зовет в увлекательный мир языка.

Г $\frac{4306020000-740}{103(03)-88}$ 245—88

ББК 81.2Р

ISBN 5-09-000348-3

© Издательство «Просвещение», 1988

Памяти учителя,
Владимира Леонидовича Архангельского,
посвящается

Первое слово

В середине XX в. ученые, изучающие наш язык, увидели, что, кроме огромного количества слов, составляющих язык, есть еще особый пласт — несколько десятков тысяч устойчивых сочетаний слов, которые, как и слова, помогают нам строить речь. Причем речь образную, особенно емкую.

Конечно, о существовании таких выражений знали и раньше. Еще великий М. В. Ломоносов говорил, что их нужно включать в словари. Он называл их «российскими пословиями», «фразесами», «идиоматизмами». Последний термин образован от греческого слова *idioma* (идиома), что значит «своеобразная».

М. А. Шолохов очень хорошо сказал о роли устойчивых сочетаний: «Необозримо многообразие человеческих отношений, которые запечатлелись в чеканных народных изречениях и афоризмах. Из бездны времен дошли до нас в этих сгустках разума и знания жизни радость и страдания людские, смех и слезы, любовь и гнев, вера и безверие, правда и кривда, честность и обман, трудолюбие и лень, красота истин и уродство предрассудков».

Ученые поняли: таких устойчивых сочетаний довольно много, они создают как бы особый «ярус» в языке и требуют специального, системного подхода к изучению.

Сделанное открытие привлекло к этому материалу внимание очень многих ученых. Родился новый раздел науки о языке — фразеология. Внимание к устойчивым образованиям позволило уста-

новить, что они особо, по-своему отражают жизнь нашего народа с очень далеких времен, в них выражен дух народа, его история, обычаи и т. д.

Фразеология еще очень молода, ей около тридцати лет. Но за эти годы сделано немало, поставлены и решены теоретические вопросы, изучен огромный материал. Сегодня мы уже знаем происхождение многих фразеологических выражений. Но далеко не все тайны открыты. Задачи, стоящие перед фразеологией, еще очень велики.

Об этом и пойдет речь в книге, которую вы держите в руках.

Итак, в путь!

Глава I СУЩНОСТЬ ДОВОЛЬНО СЛОЖНЫХ ЯВЛЕНИЙ

ВСЕ ЕСТЬ СЛОВА

Х ватает ли нам слов русского языка? Нередко в разговоре можно услышать: «Нет слов, чтобы выразить...», «Нет слов, чтобы описать это...». Как бы отвечая на подобные реплики, А. Твардовский писал:

Все есть слова — для каждой сути,
Все, что ведут на бой и труд...

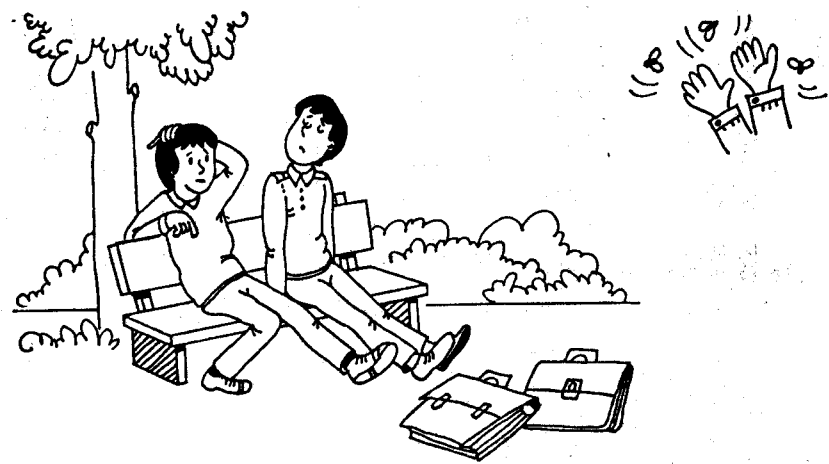
И это действительно так. В нашем языке вполне достаточно слов, чтобы выразить, обозначить любое понятие, любое явление.

Слова очень разные. Одни из них просто называют предметы, признаки, действия, не давая им никакой оценки или окраски: *троллейбус, карандаш, часы, цифра...* Но есть и более выразительные слова, которые содержат оценку или окраску. Такие слова могут вести «на бой и труд»: *умница, работяга, герой*, а могут и наоборот — осуждать: *болтун, неряха, ловкач...*

Слова, содержащие оценку, чаще всего связаны с важнейшими жизненными понятиями и явлениями. Эти слова обычно объединяются в синонимические ряды. Язык как бы предоставляет нам возможность выбрать наиболее подходящее для каждого конкретного случая.

Здесь, конечно, может возникнуть вопрос: а что следует считать наиболее важным в жизни? Ответы на этот вопрос у разных людей будут очень разными. И все-таки есть понятия, которые каждый человек признает важными. Причем сам язык как бы подсказывает такие понятия: они выражаются наиболее полными синонимическими рядами, для них в языке создано больше слов.

Вот, например, труд. Точнее, отношение людей к труду. В нашем языке немало слов, одобряющих тех, кто

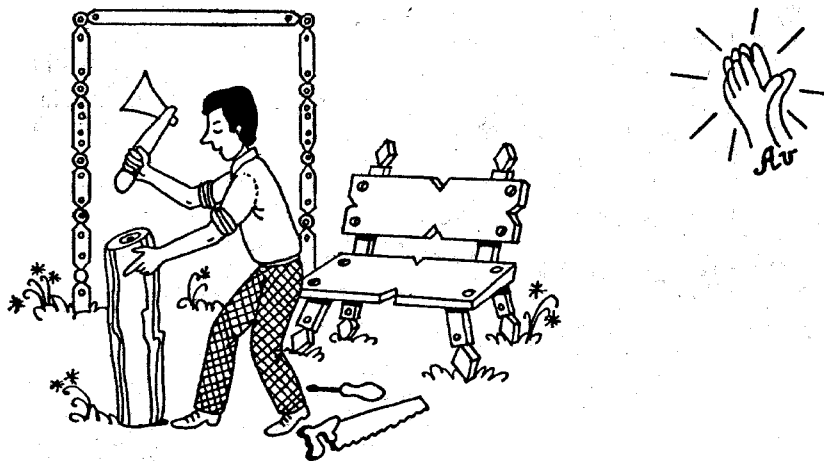

любит трудиться: *труженик, работающий, умелец, мастер.* Есть и слова, осуждающие бездельников: *лодырь, лентяй, лежебока, оболтус, тунеядец, лоботряс, обломов...*

Но это слова общеупотребительные, которые знают все русские люди. А если заглянуть в словари народных говоров, где собраны слова, известные только людям на определенной территории, в определенной местности, то откроется потрясающая картина. Так, в говорах Смоленской области, как установил Л. В. Граве, для бездельников заготовлен огромный арсенал: *алагырь, алахарь, балахрист, базарник, байдуга, байбак, байтус, банцуй, балтежник, висляй, гультяй, дендюря, лында, латрыга, ляга, ошарь, опока, постогряк, тагарик, дырда, луйда, сябёр, воронёха, лепа, плеха, пяхтирь, телепень, тельпух, кавзель, апоик, тырбыль, страбуль.* Удивительная коллекция лентяев!

И возникает вопрос: почему слов с отрицательной оценкой больше, чем с положительной? Вопрос непростой. Почему хорошее меньше нуждается в разнообразии, чем плохое?

Давайте обратимся к Л. Н. Толстому: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастлива по-своему» — так начинается роман «Анна Каренина». Применительно к нашему вопросу можно рассуждать так: трудолюбие, например, — явление нормальное для человека, поэтому особенного разнообразия для его обозначения не требуется. А вот лень

аномалия, ненормальность отсюда и набор слов, бичующих лентяев.

Однако определение лентяев не ограничивается словами. Есть и более сложные единицы языка, устойчивые словосочетания, которые тоже нелестны для бездельников. О таких людях говорят, что они *гоняют лодыря, ловят мух, бьют баклуши, валяют дурака, бьют байдуди, не ударяют палец о палец, спят на ходу, не берутся ни за холодную воду* и т. д.

Выходит, что слов оказалось недостаточно и были созданы еще дополнительно словосочетания для обозначения лодырей. Есть, конечно, устойчивые сочетания и для похвалы трудолюбивых — *(мастер) золотые руки, (работа) в руках спорится, (работа) горит в руках, на все руки (мастер).* Но их опять-таки гораздо меньше.

Устойчивых сочетаний, состоящих из нескольких слов, подобных приведенным, в нашем языке десятки тысяч, они еще не все выявлены и описаны, хотя такая работа ведется сейчас очень активно. Называют их фразеологическими единицами, фразеологизмами, устойчивыми сочетаниями, идиомами.

КРЫЛАТЫЕ СЛОВА ЗВУК

Чем же замечательны фразеологические сочетания, для чего они создавались, хотя можно как будто обойтись и без них, выразить мысль обычными словами? Но

можно ли? Во-первых, они вносят в нашу речь образность, делают ее более яркой. Во-вторых...

В. И. Ленин в своей статье «Соседи по имению» очень точно отметил, что есть устойчивые сочетания, которые «...выражают сущность довольно сложных явлений» (Полн. собр. соч. — Т. 25. — С. 138).

Вот что составляет «во-вторых» (а может быть, даже «во-первых»). Оказывается, фразеологизмы позволяют довольно экономно выражать сложные понятия, представлять сложные явления жизни.

Такие сочетания доставляют, однако, немало забот тем, кто изучает родной язык, а еще больше тем, кто изучает чужой язык. Изучение фразеологии — высший этап овладения языком, и дается этот этап нелегко. Дело в том, что в устойчивых сочетаниях слова приобретают особые значения, что требует запоминания фразеологизмов целиком: нужно запоминать и их словесный состав, и их значение. Но и этого оказывается мало. Необходимо знать ситуацию, в которой можно употребить то или иное сочетание, понимать образную основу, заложенную в нем. Нередко они имеют такие оттенки значений, которые не отражены даже в словарях. Чтобы почувствовать это, давайте проведем небольшой эксперимент. Из «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А. И. Молоткова (5-е изд. — М., 1987) выпишем три сочетания, имеющие примерно одно и то же значение — «мало», и толкование их значений в словаре:

с гулькин нос — «очень мало»;

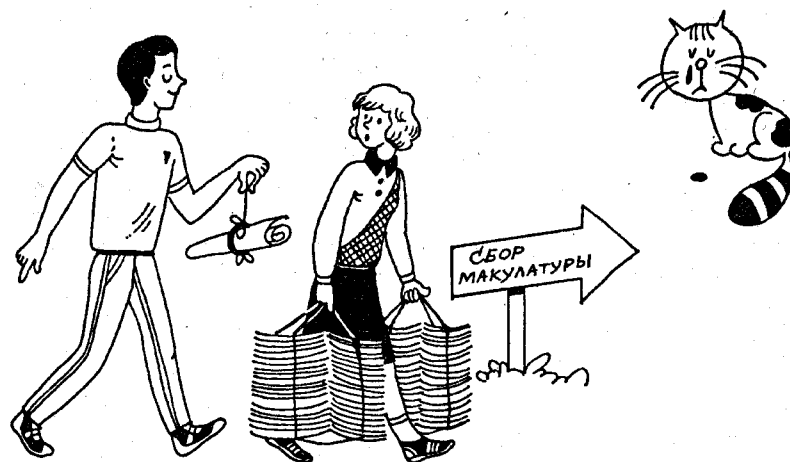
раз-другой и обчелся — «о незначительном, недостаточном количестве кого-либо или чего-либо»;

кот наплакал — «очень мало. О незначительном, недостаточном количестве кого-либо или чего-либо».

Добавим к ним еще одно выражение, не представленное в словарях: *в большом горшке на доньшке* — «очень мало».

А теперь попробуйте соединить каждое из этих сочетаний со словами *работа, молоко, книжка, забота* и решите, можно ли так сказать по-русски.

Проверили? Результаты должны вас убедить, что далеко не во всех случаях можно соединить эти единицы. Можно сказать «(молока) *в большом горшке на доньшке*», но нельзя сказать «забот *в большом горшке на доньшке*» или «забот *раз-другой и обчелся*». Не говорят

«молока *с гулькин нос*» или «книжек *с гулькин нос*», хотя можно сказать «книжек *раз-другой и обчелся*». А вот иностранец, пользуясь толкованием словаря, может допустить подобные ошибки очень легко, что нередко и бывает.

О чем это говорит? О том, что мало знать общее значение фразеологизма, нужно еще понимать его образную основу, знать, где его можно употребить, какие оттенки он содержит, какую окраску имеет. Большинство фразеологизмов имеет положительную или отрицательную окраску, которая также определяет сферу его применения.

И еще одно. Фразеологические выражения называли «крылатыми словами». Почему «крылатыми»? Название восходит к Гомеру, в поэмах которого — «Илиаде» и «Одиссее» — оно встречается несколько раз. Гомер видел такие выражения по-своему: они как бы «летят» из уст говорящего к уху слушающего. Название «крылатые слова» было подхвачено филологами. В 1864 г. вышла книга немецкого ученого Георга Бюхмана, в которой были собраны устойчивые выражения. Он назвал книгу «Geflügelte Worte», т. е. «Крылатые слова». С тех пор во многих странах издавались сборники устойчивых выражений с таким названием.

Однако это сочетание уже перестает быть термином. Дело в том, что под крылатыми словами понимаются самые различные единицы языка. В нашей стране так назывался сборник народных выражений, составленный

этнографом С. В. Максимовым. Максимов не был лингвистом, а выражения он использовал для того, чтобы рассказать о явлениях народной жизни, с ними связанными. Второй сборник с тем же названием содержал совсем другой материал. Это книга Н. С. и М. Г. Ашукиных, в которой собраны и объяснены «литературные цитаты и образные выражения», а также отдельные слова, вышедшие из литературных произведений и имеющие символический, обобщающий характер.

Если термин приобретает много значений, он не годится для научного изложения. Поэтому сейчас термин «крылатые слова» либо вообще не употребляется учеными, либо под ними понимаются только цитаты из литературных произведений, в которых слова сохраняют свое обычное значение. Примером могут быть цитаты из «Горе от ума» А. С. Грибоедова: *служить бы рад, прислуживаться тошно; а судьбы кто?; есть от чего в отчаянье прийти* и т. п.

Однако и в художественных произведениях могут рождаться подлинные фразеологизмы. Большое количество фразеологизмов родилось в произведениях А. П. Чехова, в баснях И. А. Крылова.

ЧТО ЕСТЬ ЧТО

Чем же характерны фразеологизмы русского языка, каковы их особенности?

Начнем с «обязанностей» фразеологизмов, или, как говорят языковеды, с их функций. Прежде всего они выполняют в составе предложений определенную синтаксическую роль — являются членами предложения. Каждый целиком. Вот, например, предложение из «Дубровского»: *Миша приказал долго жить*. Смысл этого предложения — «Медведь сдох». Следовательно, фразеологизм *приказал долго жить* не может члениться на члены предложения, он весь составляет о д и н ч л е н предложения. Как член предложения, он связан грамматически и по смыслу с другими членами предложения. Но бывает и так, что фразеологизм в составе предложения как бы изолирован, т. е. выступает в качестве вводного слова: «...душ со сто продала, — да с этою-то суммой и пустилась я, *шутка сказать*, тысячу душ покупать» (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы). Выражение *шутка сказать* всегда выступает в качестве вводного слова предложения.

Однако и слова тоже выполняют роль членов предложения. Выходит, что у слов и фразеологизмов одна и та же синтаксическая роль. Да, в этом случае; но есть и различия. Здесь мы опять вернемся к замечанию В. И. Ленина о том, что устойчивые сочетания могут выражать сущность довольно сложных явлений. Следовательно, можно установить еще одну функцию фразеологизмов — обобщающую.

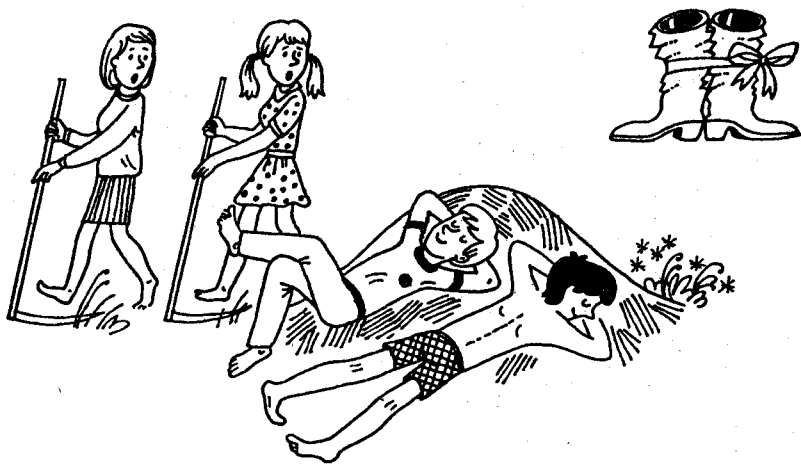
Попробуйте одним словом определить сущность Беликова из повести А. П. Чехова «Человек в футляре». Вам это не удастся. Для того чтобы представить Беликова, нужно рассказать, хотя бы вкратце, повесть Чехова. А автор повести нашел для него великолепную формулу — *человек в футляре*. И еще пример. Характер Хлестакова, героя комедии Н. В. Гоголя «Ревизор», определить не так просто. А Гоголь в «Замечаниях для г.г. актеров» сделал это очень хорошо, используя фразеологизм *без царя в голове*: «Хлестаков, молодой человек лет 23-х, тоненький, худенький, несколько приглуповат и, как говорят, *без царя в голове*».

Обобщающий характер фразеологизмов способствует их использованию в качестве заголовков. Г. Успенский, например, часто называл свои очерки устойчивыми сочетаниями: «Через пень колоду», «Как рукой сняло», «Взбрело в башку», «Вольные казаки», «Земной рай».

Кроме обобщающей функции, фразеологизмы выполняют характеризующую функцию. Фразеологизмы характеризуют людей, литературных персонажей. Например, Л. Н. Толстой, изображая семейства Ростовых и Курагиных, ввел в речь членов семьи Ростовых большое количество народных фразеологизмов, показывая тем самым их близость к народу, что несвойственно семье Курагиных.

Фразеологизмы в своем большинстве имеют оценочный характер. Поэтому их часто используют для характеристики человека. Эти характеристики могут быть различными; по внешнему виду — *верста коломенская, драчная кошка, краше в гроб кладут*; по внутреннему состоянию — *кошки на душе скребут, мороз по коже дерет, камень с души свалился (у кого-то)*; социальная оценка — *ни два ни полтора, и нашим и вашим* и т. д.

Некоторые фразеологизмы характеризуют людей сопоставительно. Так, ряд фразеологизмов, указывая на сходство двух людей, содержит при этом отрицательную

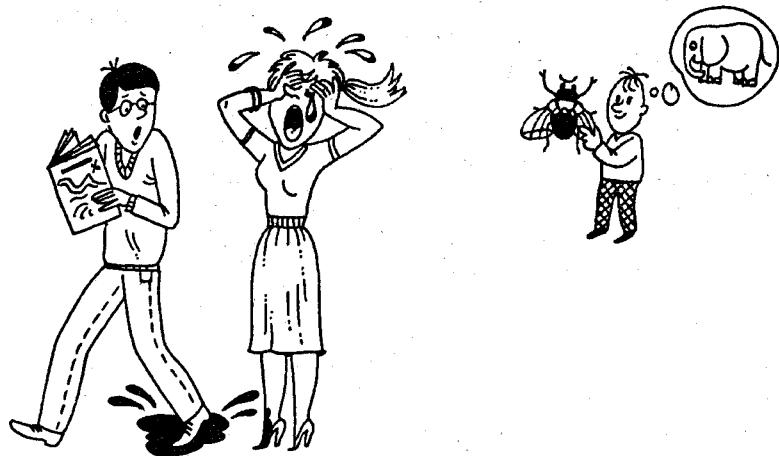
окраску: *два сапога пара, одним миром мазаны, один другого стоит.*

Все эти свойства фразеологизмов оправдывают их состав: хотя они и состоят из нескольких слов, все равно они «экономичны».

Теперь рассмотрим еще ряд признаков, которые помогают отличать фразеологизмы от свободных словосочетаний и от пословиц. Таких признаков указывают обычно несколько: устойчивость словесного состава, целостность (монолитность) значения и воспроизводимость в речи в готовом виде.

От слов фразеологизмы отличаются тем, что они состоят из двух или нескольких слов, причем одно из слов может быть служебным: *на глазок* — «примерно»; *за глаза* — «заочно, без присутствия кого-то (говорить о нем)»; *до лампочки* — «безразлично» и т. д.

Устойчивость состава — характерный признак фразеологизмов. В составе фразеологизма нельзя просто так заменять слова; говорят так, как установлено традицией. Не говорят, например, «делать из мухи бегемота» или «делать из таракана слона», а говорят *делать из мухи слона*, т. е. «преувеличивать». Но здесь не следует забывать, что все относительно. Относительна и устойчивость состава фразеологизмов. Можно, например, сказать *не робкого десятка*, а можно и *не трусливого десятка*; говорят и так и так. Следовательно, фразеологизмы могут иметь различные варианты.

Целостность значения фразеологизмов сначала усматривали в том, что они могут (но не всегда) соотноситься со словом по значению. И это в общем-то верно. Так, соотносимо слово *много* и фразеологизмы *хоть пруд пруди*, *вагон и маленькая тележка*, *как песку морского*, *как собак нерезаных*; или *далеко и у черта на куличках*, *куда ворон костей не заносил*, *бог знает где*; *за тридевять земель*. Определенная целостность, монолитность значения проявляется уже в том, что они выступают в качестве одного члена предложения.

Но бытовавшее одно время мнение о том, что фразеологизмы по значению равны словам, в настоящее время оспорено. Зачем же выражать несколькими словами то, что можно выразить одним словом? Это не по-хозяйски, а язык очень хороший хозяин и лишнего не терпит.

И наконец, еще один признак — воспроизводимость в речи в готовом виде. Уже говорилось, что мы обязаны помнить фразеологизм и по составу и по значению. А еще нужно знать о его окрашенности и о том, в какой ситуации он употребителен. Если этого не знать, получаются курьезы. Так, на одном совещании директор научно-исследовательского института, отчитываясь о работе, сказал, что их институт проделал огромный *сизифов труд*. В зале раздался смех. Дело в том, что, хотя выражение *сизифов труд* и имеет значение «большой тяжелый труд», оно еще, кроме того, означает «беспольный труд». В его образной основе лежит легенда из грече-

ской мифологии. Сизиф, по описанию Гомера, был хитрым, корыстолюбивым человеком, который за свои грехи был наказан после смерти. Он был принужден вкатывать на гору тяжелый камень, который, достигая вершины, снова скатывался вниз, и всю работу нужно было начинать снова. Теперь можете себе представить, как выглядела работа института, если ее сравнивать с работой Сизифа. Вот что значит не учитывать образную основу фразеологизма!

Кстати, эти особенности фразеологизмов доставляют немало забот переводчикам. Если переводчик плохо знает жизнь и быт народа, с языка которого он переводит, то не избежать казусов. Такого рода забавный случай приводит Эд. Вартаньян в своей книге «Путешествие в слово» (М., 1975). В знаменитой пьесе И. С. Тургенева «Месяц в деревне» один помещик рассказывает другому о недавних выборах предводителя дворянства. «Ну, и прокатили его, беднягу, на воронных», — сообщает он. Французы перевели это предложение буквально: «Ну, и устроили ему прогулку на черных лошадях».

Читатель-француз, конечно, может недоумевать, почему в России катание на черных лошадях считается наказанием. А на самом деле все иначе. *Прокатить на воронных* до революции означало «проголосовать против (чего-либо)». Голосование велось белыми и черными шарами. Белый шар — «за», черный — «против». Однако образная основа связана была с катанием на лошадях, потому что слово *вороной* — «черный» — сочетается только с наименованием лошадей.

Здесь нужно указать еще один признак фразеологизмов: они носят национальный характер. Убедиться в этом нетрудно, если сопоставить несколько выражений из разных языков, имеющих общее значение.

Значение «поздно, после того, как что-то уже случилось»:

русск. — *после ужина горчица*;

франц. — *после смерти лекарства*;

греч. — *после войны союзники*.

Значение «нарядный, красиво одетый во все новое (человек)»:

русск. — *как с иголки*;

франц. — *натянутый на четыре булавки*;

румынск. — *как вытасченный из ящика*.

Национальная особенность сразу бросилась в глаза исследователям фразеологии, поэтому фразеологизмы и определили термином «идиома», что в переводе с греческого означает «своеобразная». Утверждали даже, что фразеологизмы непереводимы на другие языки.

Национальный характер фразеологизмы в своем большинстве, конечно, имеют. Однако существует большое количество интернациональных выражений, которые были заимствованы из древних культур. Так, многие выражения пришли в европейские языки из греческой мифологии, из Библии.

По поводу перевода фразеологизмов существуют различные взгляды.

Многие переводчики, переводя тексты, стремятся заменить фразеологизмы их эквивалентами в другом языке.

Казалось бы, текст становится понятней читателю. Но на самом деле это приводит к искажению. Например, переводя Диккенса на русский язык, один переводчик вставил в уста героя типично русские выражения *не льком шиты и ласы точить*, что выглядело весьма странно.

Есть на этот счет и другая точка зрения. Известный писатель и переводчик К. И. Чуковский полагал: «...Переводить иностранные пословицы и поговорки нужно дословно, а не заменять их параллельными русскими. Если у Гейне сказано: «Шпареная кошка боится кипящего котла!» — нельзя переводить «Пуганая ворона куста боится». Сохраняя буквальный перевод, если, конечно, он понятен, читателю предоставляется возможность познакомиться с юмором народа, на языке которого создано это литературное произведение».

Приведем пример. Л. Н. Толстой в «Анне Карениной» вкладывает в речь Бетси английское выражение, которое переведено буквально: «Вы мне не сказали, когда развод. Положим, я *забросила свой чепец через мельницу*, но другие поднятые воротники будут бить вас холодом, пока вы не женитесь». В английском языке выражение *забросить чепец через мельницу* означает «не обращать внимания на мнение света». Есть русский эквивалент *пуститься во все тяжкие*, но он не вполне отвечает этому английскому. И вот Толстой познакомил нас с английским выражением, смысл которого вполне понятен из текста.

А теперь, когда мы рассмотрели признаки фразеологизмов, попробуем выяснить их отношение к пословицам. Для этого сначала определим, что такое пословица. Существуют различные определения пословиц, сделано немало попыток разграничить пословицы и поговорки.

В. И. Даль, например, писал так: «Пословица — коротенькая притча... Это суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности». И еще: «Поговорка, по народному же определению, цветочек, а пословица — ягодка. И это верно. Поговорка — окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы».

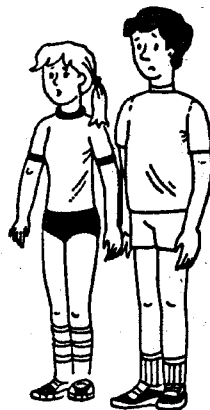
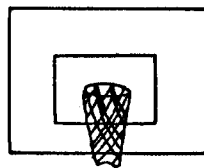
Более современна точка зрения советского языковеда В. П. Жукова, который в своем «Словаре русских пословиц и поговорок» (М., 1966) различает три типа пословичных выражений, оформленных как суждение:

1) предложения с прямым смыслом составляющих их слов: *Деньги — дело наживное, Коса — девичья краса*; их он называет поговорками;

2) предложения, имеющие два плана, т. е. прямое значение и переносное; их можно понимать и так и этак в зависимости от текста: *Кашу маслом не испортишь* (т. е. масло делает кашу лучше и «необходимое никогда не вредит, даже в излишнем количестве»);

3) предложения, которые понимаются только в переносном, образном смысле: *Горбатого могила исправит*, т. е. «устоявшиеся пороки или убеждения кого-то изменить нельзя».

Пословицы двух последних типов, с образным значением, имеют много общего с фразеологизмами: они устойчивы в составе, воспроизводятся в речи готовыми, а не строятся, как обычные предложения. Из-за этих свойств их нередко относят к фразеологизмам. Однако у них есть и заметное отличие: если фразеологизмы выражают понятия и выступают членами предложения, то пословицы выражают суждения и выделяются в самостоятельные предложения. Правда, пословица-предложение может входить в состав более сложного предложения, особенно в предложениях с прямой речью. Чаше всего так и бывает: «— *Любишь кататься — люби и саночки возить!* — заметила Софья Ивановна и ушла в больницу» (Ю. Герман. Дело, которому ты служишь);

«— Видимо, братчик, от яблоньки — яблочки, а от елки шишки» (т. е. «каждому свое». — Ю. Г.) (С. Подъячев. Разлад).

Но пословицы могут оформляться и в самостоятельные предложения: «— Я этого не приказываю и не позволяю, но и взыскивать не могу. Без этого нельзя. *Дрова рубят — щепки летят*» (Л. Толстой. Война и мир).

Здесь нужно заметить, что пословицы также выполняют обобщающую функцию. Недаром Л. Н. Толстой, как и другие писатели, ставит их обычно в конце рассуждения, как бы подытоживая сказанное.

И все-таки, несмотря на заметные различия, пословицы не стоит отгораживать стеной от фразеологии. Помимо того что у них немало общего, наблюдаются еще такие процессы: из пословиц вычлениются фрагменты, которые становятся фразеологизмами, а фразеологизмы могут разворачиваться в пословицы. Так, из пословицы *Собака на сене лежит, сама не ест и скотине не дает* вычленился фрагмент, ставший фразеологизмом, — *собака на сене*: «Он говорил куда-то в пространство. — Ты оказался собакой на сене, Ефрем. Если бы я не лежал по твоей милости в госпитале, меня назначили бы на его место. Ты вернее, чем я, мог получить назначение. Не захотел» (С. Сартаков. Философский камень).

А вот из фразеологизма *и нашим и вашим* образовалась пословица: *И нашим и вашим за копейку спляшем.*

«СОЗВУЧЬЯ СЛОВА НЕ СЛУЧАЙНЫ»

Писатели особенно чутки к словам, чаще других задумываются над формой слов и их смыслом, раздумывают над устойчивыми сочетаниями слов: слова для них — строительный материал. Замечательный поэт и ученый Валерий Брюсов написал стихотворение:

Созвучья слова не случайны!
Пусть связь речений далека,
В ней неразгаданные тайны
Всегда живого языка.

К словам от слов, от мысли к мысли
Сплетенье верных рифм ведет;
И строфы, как гирлянды, свисли
Над глубиной прозрачных вод...

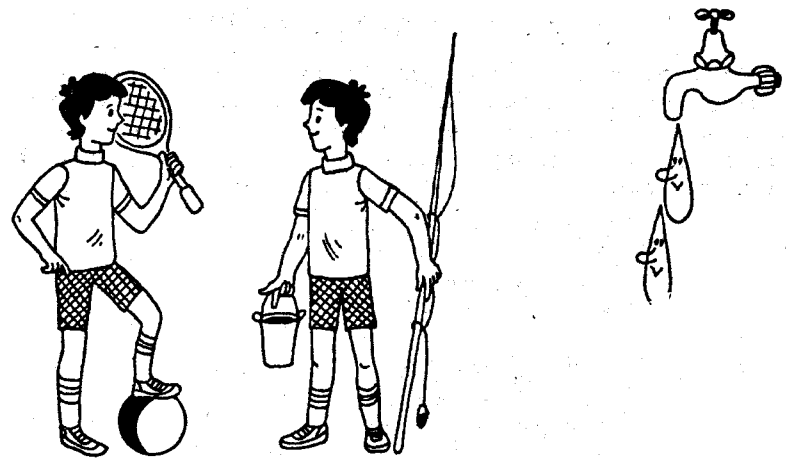
Созвучья слова не случайны... Не случайны и сочетания слов, ставшие фразеологизмами. Далеко не все они понятны нам, людям конца XX века, но в момент создания фразеологизма эти сочетания имели смысл, хорошо осознавались. Только время, стерев обстоятельства их возникновения, сделало их загадочными. И вот «неразгаданные тайны».

Впрочем, ученые кропотливо и терпеливо разгадывают постепенно эти тайны, и со многими из них вы далее познакомитесь в книге.

А теперь обратимся к некоторым общим закономерностям образования фразеологизмов. Как они возникают? Почему нередко кажутся странными? Как могли возникнуть такие необычные сочетания, как *сапоги всмятку*, *подпускать турысы*, *точить лясы*, *резать слух* и т. п.?

Пути возникновения фразеологизмов очень различны. В этом вы убедитесь, ознакомившись с историей многих из них. А пока давайте установим, из какого материала они возникают, на какой базе.

До последнего времени считалось, что фразеологизмы возникают лишь путем метафорического, т. е. переносного, использования обычных словосочетаний. Например, сочетание *тяжелая артиллерия*, которое обычно означало в соответствии со значением составляющих слов «пушки большого размера», стали употреблять для обозначения неповоротливого, медлительного человека. И оно закрепилось в таком составе и в таком значении;

стало фразеологизмом. Или еще: плыть по течению реки легче, чем против течения. И вот о человеке, который предпочитает жить, как живется, не противясь различным жизненным «течениям», тоже говорят: *плывет по течению*.

Путем переноса нового, уже фразеологического значения на обычные, свободные сочетания образовалось великое множество фразеологизмов: *открывать Америку* (уже давно открытую) — «говорить о том, что всем хорошо известно», *валяться в ногах (у кого-то)* — «униженно просить о чем-то», *виснуть на шее (у кого-то)* — «ласкаться к кому-то» или «обременять кого-то, быть в тягость», *выжимать соки (из кого-то)* — «жестоко эксплуатировать, доводить кого-то до нужды» и т. д.

Перенос нового значения на свободное сочетание чаще всего основан на сходстве явлений, ситуаций. Такой перенос называют метафорическим. Он строится на сравнении, и установить это можно, добавив к выражению сравнительный союз *как*, *будто*, *словно*: *воды в рот набрал* — *молчит, словно воды в рот набрал*; *закон не писан (кому-то)* — «кто-то не считается с общепринятыми нормами поведения» — *будто закон не писан*.

А многие фразеологизмы имеют и форму сравнительного оборота: *как дважды два четыре*, т. е. «бесспорно, ясно», *как две капли воды (похожи)*, *как в аптеке (на весах)* — «точно», *как иголка в стогу сена* — «невозможно найти».

Но перенос нового значения на свободное сочетание может быть и на основе связи явлений, процессов. Такой перенос называют метонимическим. Например, описывая внешний вид человека, вызванный его внутренним состоянием, мы можем определить само это состояние: *делать большие глаза* — «удивляться», *пожимать плечами*, *разводить руками* — «недоумевать», *хмурить брови*, *сдвигать брови* — «сердиться», *чесать затылок* — «задумываться», *хвататься за голову* — «волноваться, отчаиваться», *заливаться краской* — «стыдиться» и т. д.

Иногда фразеологизм называет ритуальное, традиционное действие и означает все явление, с которым связано. Так, при сдаче крепости выкидывался белый флаг, и фразеологизм *выкинуть белый флаг* означает капитуляцию или имеет переносное значение «признать себя побежденным в споре, в каком-то соревновании». Такая же связь обнаруживается, например, у фразеологизма *бросать перчатку* — «вызывать на поединок». Последнее выражение отражало подлинный обычай: вспомним ссору между Онегиным и Ленским и ее разрешение в опере П. И. Чайковского (у Пушкина этого нет), когда оскорбленный Ленский бросает Онегину перчатку. Здесь связь между действием и его значением очевидна. Однако вскоре это выражение приобрело еще и метафорический характер, когда перчатку не бросали, а только говорили об этом:

Дон Жуан. ...Мне по сердцу борьба!
Я обществу, и церкви, и закону
Перчатку бросил: кровная вражда
Уж началась открыто между нами.

(А. К. Толстой. *Дон Жуан*)

Узнать выражения, возникшие на основе свободных словосочетаний, нетрудно: у них могут быть «двойники» в обычных значениях слов, от которых они и произошли.

Правда, иногда дело обстоит гораздо сложнее... Бывает так, что существовавшее когда-то слово, хорошо известное людям, исчезло, забылось и новое поколение его уже не знает. И вот, входя в состав фразеологизма, где слова могут надолго консервироваться, оно делает выражение непонятным для нас, хотя мы и продолжаем его активно употреблять, зная общее его значение.

Одним из таких выражений является фразеологизм *тихой сапой*. А что такое *сапа*?

Откроем «Этимологический словарь русского языка», составленный М. Фасмером (М., 1964—1973. — Т. 1—4). Здесь четыре слова-омонима *сапа*. Одно из них нам подходит: «САПА — «траншея, стрелковый окоп», *сапать* — «работать сапкой», стар. *запа* и м. *сап* в эпоху Петра I... Из франц. *sap*(p)e «траншея».

Корень *сап* сохранился в наших словах *сапер* и *саперный*, первое из которых также заимствовано из французского, а второе — русское образование на базе первого. Но почему *тихой сапой*?

Во время штурма крепостей делался тайный, «тихий» подкоп — *сапа* — под стену крепости. В подкоп закладывался порох, и стена взрывалась, в эту брешь вривались воины, штурмующие крепость. Вот и объяснение фразеологизма. Однако еще в начале века это выражение употреблялось и в прямом значении: «— На укреплении номер три японцы... временно отошли в ближайшие свои траншеи и идут *тихой сапой*. Вот и все о нашем участке, — закончил Науменко» (А. Степанов. Порт-Артур).

Но не только из словосочетаний рождаются фразеологизмы. Разве могут быть свободными такие вот необычные сочетания: *живой труп*, *битый час*, *квасной патриотизм*? Нет, конечно. Эти выражения создавались из отдельных слов, которым придавалось на том или ином основании необычное новое значение. Впрочем, не всегда необычное...

Выражение *квасной патриотизм* принадлежит известному русскому поэту и ученому XIX в., современнику Пушкина, П. А. Вяземскому. Оно означает «ложный, показной патриотизм, когда все свое признается идеальным, а все чужое порицается».

В своих «Письмах из Парижа», изданных в 1827 году, Вяземский писал: «Многие признают за патриотизм безусловную похвалу всему, что своё. Тюрго (французский философ-просветитель. — Ю. Г.) называл это *лакеевским патриотизмом*... У нас можно бы его назвать *квасным патриотизмом*. Я полагаю, что любовь к отечеству должна быть слепа в жертвоприношениях ему, но не в тщеславном самодовольстве; в эту любовь может входить и ненависть. Какой патриот, какому народу ни принадлежал бы он, не хотел бы выдрать несколько страниц из истории отечественной и не кипел негодованием, видя предрассудки и пороки, свойственные его согражданам».

Подлинный патриот, Вяземский создал осуждающее выражение. Но почему был выбран именно квас? Можно, казалось бы, легко это объяснить: квас — исконно русский напиток. Но дело не так просто. В прошлом слово *квас* имело еще значение «ложное учение», что шло от библейской притчи. И вот, зная все это, опираясь, с одной стороны, на французское выражение, созданное Тюрго, с другой — на характер слова *квас*, Вяземский и создал собственно русское выражение, которое получило широкое распространение, поскольку оказалось нужным и удачным. Распространение этого выражения отметил сам автор: «...после того часто употреблялось и употребляется». Оценил его и В. И. Ленин, несколько раз использовавший его в своих речах и работах. Позднее образовалось выражение *квасной патриот*.

Из отдельных слов созданы и другие фразеологизмы, не имеющие «двойников» среди свободных сочетаний: *карманная чахотка* — «безденежье», *мозги набекрень* — «о ком-то, кто с причудами», *корабль пустыни* — «верблюд», *королева полей* — «кукуруза», *гореть желанием* — «очень желать», *на рыбьем меху* — «без подкладки, холодное — об одежде», *срывать зло* — «вымещать зло», *отжилетки рукава* — «ничего», *профессор кислых щей* — «о человеке, не занимающем значительного положения в обществе» и т. п.

Характерное для нашего времени явление — перифразы, т. е. выражения, окольным путем называющие предметы, явления, людей, указывая на их характерные качества. Особо уважительное отношение к людям труда вылилось в создание ряда перифраз, называющих людей по их профессии: *разведчики недр* — «геологи», *люди в белых халатах* — «врачи», *разведчики черного золота* — «нефтяники», *хозяева пятого океана* — «летчики». Эти выражения также создавались из слов.

Уже говорилось, что фразеологизмы могут возникать из пословиц. Сравните пословицы и связанные с ними фразеологизмы:

Хлеб-соль ешь, а правду режь — *резать правду*.
У каждого свой царь в голове — *без царя в голове*.
Старого воробья на мякине не проведешь — *старый воробей*.
Близок локоть, да не укусишь — *кусать локти*.
За двумя зайцами погонишься — *ни одного не поймаешь* — *гоняться за двумя зайцами, и наоборот* — *убить двух зайцев*.

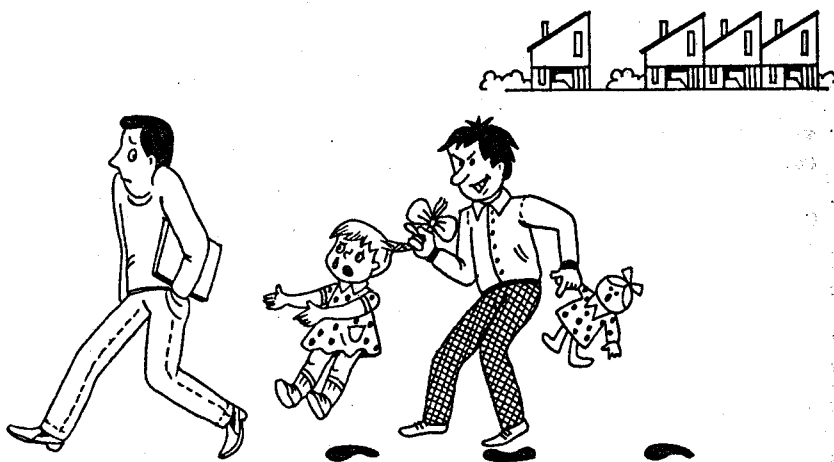
Соотношение между пословицей и образованной от нее новой единицей — фразеологизмом — может быть различным. В одних случаях фрагмент пословицы сохраняет полностью значение всей пословицы. Таково выражение *собака на сене*. В других — фразеологизм передает уже не суждение, а лишь его часть. Если пословица *Старого воробья на мякине не проведешь* содержит суждение, то фрагмент *старый воробей* значит только «опытный человек». Например: «На линии Салтанов был начальником дистанции на постройке. Дистанцию он затынул и славился тяжелым и педантичным характером, всегда требовал точных, за соответствующим номером, указаний, предписаний, разъяснений и самодовольно говорил: — Нет-с, *старого воробья на мякине не проведешь* (Н. Гарин-Михайловский. Инженеры); «В искусстве *старый воробей*, поскольку актер» (К. Федин. Необыкновенное лето).

Наконец, фразеологизм может приобретать особое значение, отличное от пословицы, хотя частично и совпадает с ней словесным составом. Так, противоположное значение имеет выражение *поймать (убить) двух зайцев*, образованное от пословицы. От пословицы *Мелко плавать* — *дно задевать* образовалось выражение *мелко плавает*, т. е. «не способен на что-то».

Образование фразеологизмов от пословиц связано с одним любопытным явлением. Поскольку пословицы хорошо известны людям, их нередко произносят неполностью, лишь начало, тогда как конец угадывается. Сравните, например: «— Да что дальше? *Как веревочку ни вить, а кончику быть*» (С. Подъячев. Карьера Захара Федорыча Дрыкалина); «— Ну и что? — *Сколько веревочке ни виться...*» (А. Рыбаков. Екатерина Воронина); «...Все, матушка, видят... все! *Шила в мешке не утаишь...*» (С. Подъячев. У староверов); «Тайна, известная одному, — с ним и умрет, известная двоим, — *шила в мешке*» (А. Иванов. Повитель). Этот путь и приводит к образованию фразеологизмов от пословиц.

Именно так был образован фразеологизм (*моя хата с краю*). Была пословица — *Моя хата с краю, я ничего не знаю*. Она стала употребляться в виде фрагмента: «А ты молчишь; *моя, мол, хата с краю...* Сидишь в тылу, а был таким бойцом» (С. Михалков).

Вместо выражения *моя хата с краю* стали употребляться варианты: *твоя, его, их (хата с краю)* и т. д.

И вот фрагмент полностью оторвался от поговорки, стал фразеологизмом.

Рождаются фразеологизмы и от своих «собратьев». Здесь возникает вопрос: зачем переделывать уже устоявшийся, привычный фразеологизм и делать из него новый? Ответ может быть и наиболее общим: язык непрерывно развивается, что-то устаревает, что-то новое рождается. Такова жизнь вообще. Но есть и более точные ответы по поводу преобразования фразеологизмов и рождения от них новых.

Мы уже знаем, что в составе фразеологизмов могут сохраняться слова устаревшие или с устаревшими значениями. Вот от них иногда стремятся избавиться, обновив фразеологизм за счет более нового слова. Обороты со словом *кормило* существовали еще в древнерусском языке, когда оно имело два значения — «руль» и «власть». Отсюда и выражение *стоять у кормила* в значении «управлять». Но уже у Карамзина в его «Истории государства Российского» слово *кормило* заменяется словом *руль*: «Правителем современники именовали Бориса, который один, в глазах России, смело правил рулем государственным, повелевал именем царским». И только в XX в. закрепилось окончательно выражение *стоять у руля*: «Маркс раскрыл истории законы, пролетариат поставил у руля» (В. Маяковский. В. И. Ленин); «Пока я стою у руля коммуны, будет так, как сказано в приказе» (Ф. Панферов. Бруски).

Нередко новое выражение связано с развитием техники, с новыми достижениями в жизни, с новыми условиями жизни. Проследим, как развивалась фразеология в связи с развитием техники; для обозначения смысла «активно, изо всех сил» употреблялись: *на всех парусах* → *на всех парах* → *на всю железку*.

Изменение жизненных условий привело к таким новообразованиям: *акулы капитализма* → *акулы империализма*; *полушки за душой нет* → *копейки за душой нет*.

И еще один путь пополнения русской фразеологии — заимствование иноязычных выражений. Этот путь когда-то был очень активным, но в последнее время количество заимствований сократилось.

Издавна живут в нашей фразеологии выражения, порожденные греческой мифологией: *нить Ариадны*, *ящик Пандоры*, *прокрустово ложе*, *бочка Данаид* и многие другие. За каждым из них стоит общеизвестный миф. Так, выражение *нить Ариадны* связано с мифом о Тесее, афинском герое, который убил чудовище полубыка-получеловека — Минотавра. Обреченный на съедение Минотавром, обитавшим в лабиринте, Тесей воспользовался нитью, которую дала ему Ариадна, полюбившая героя. Эту нить Тесей прикрепил у входа в лабиринт и во время пути разматывал ее, что и помогло ему найти выход из лабиринта. В настоящее время выражение *нить Ариадны* обозначает способ выйти из затруднительного положения.

В основе других приведенных выражений также лежат мифы. В «Мифологическом словаре» М. Н. Ботвинника и др. (4-е изд., испр. и перераб. — М., 1985) читаем о прокрустовом ложе: «Захваченных странников Прокруст укладывал на ложе: если они были малого роста, Прокруст растягивал их до величины ложа, если велики — то обрубал им ноги... В переносном смысле выражение «прокрустово ложе» — искусственная мерка, под которую стараются подогнать факты».

В книге Н. С. и М. Г. Ашукиных «Крылатые слова» (3-е изд., испр. и доп. — М., 1966) рассказывается о выражении *бочка Данаид*: «Данаиды в греческой мифологии — пятьдесят дочерей царя Ливии Даная, с которым враждовал его брат Египет, царь Египта. Пятьдесят сыновей Египта, преследуя Даная, бежавшего из Ливии в Аргolidу, вынудили беглеца отдать им в жены его пятьдесят дочерей. В первую же ночь Данаиды, по тре-

бованию отца, убили своих мужей. Только одна из них решилась послушаться отца. За совершенное преступление сорок девять Данаид были осуждены после своей смерти вечно наполнять водой бездонную бочку в подземном царстве Аида. Отсюда возникло выражение «бочка Данаид», употребляемое в значении: постоянный бесплодный труд».

«ОКАМЕНЕВ, ЖИВУТ ВЕКА»

Еще раз обратимся к творчеству Валерия Брюсова. Молодой поэт написал «Сонет к форме», где представил процесс созидания формы произведения:

Есть тонкие властительные связи
Меж контуром и запахом цветка.
Так бриллиант невидим нам, пока
Под гранями не оживет в алмазе.

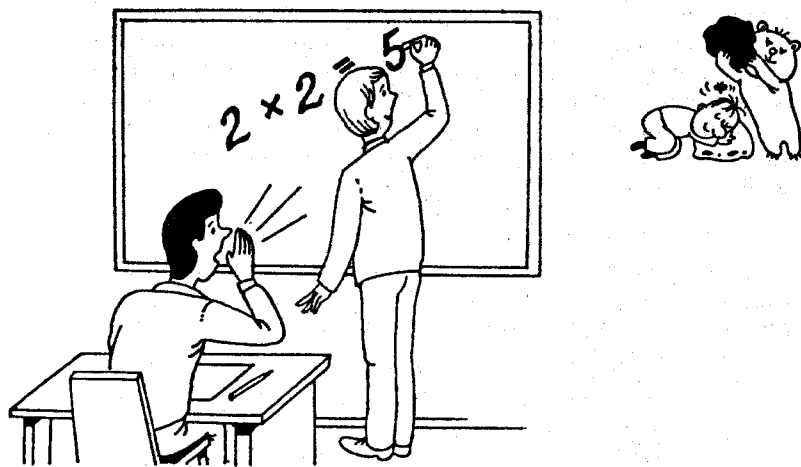
Так образы изменчивых фантазий,
Бегущие, как в небе облака,
Окаменевают потом века
В отточенной и завершенной фразе.

Фразеологизмы тоже, «окаменевают, живут потом века». В них слова тесно объединены, и мы подчас даже не можем установить, что означает каждое слово, как оно представляет заключенный в выражении образ.

С точки зрения «окаменелости» не все фразеологизмы одинаковы. Одни из них, действительно, представляют смысловой монолит, другие поддаются анализу, выявлению значений их компонентов.

Первым, кто обстоятельно исследовал этот вопрос в русской фразеологии, был советский академик В. В. Виноградов. Участвуя в большой и важной работе — составлении «Толкового словаря русского языка», наблюдая за устойчивыми выражениями, которые помещались в словарь, В. В. Виноградов пришел к теоретическому осмыслению этого материала. Он впервые выделил основные типы фразеологизмов русского языка по степени смысловой спаянности их компонентов.

Были разграничены аналитические и синтетические образования. Чтобы представить, как такое разграничение осуществляется, рассмотрим два выражения, ведущие свое начало от басен И. А. Крылова, — *медвежья услуга* и *тришкин кафтан*.

Фразеологизм *медвежья услуга* возник на основе басни И. А. Крылова «Пустынный и Медведь», хотя в самой басне этого выражения нет. Однако оно объясняется всем содержанием басни. В ней рассказывается о том, как человек — Пустынный — подружился с Медведем и что вышло из этой дружбы. Начинается басня так:

Хотя услуга нам при жизни дорога,
Но за нее не всяк умеет взяться;
Не дай бог с дураком связаться!
Услужливый дурак опаснее врага.

Это начало сразу дает понять читателю, что речь будет идти о плохой услуге. Пустынный захотел отдохнуть, поспать, а друга Медведя попросил отгонять мух. И вот как Медведь это сделал:

Взглянул,
А муха на щеке; согнал, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивей час от часу.
Вот Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый булыжник в лапы сгреб,
Присел на корточки, не переводит духу,
Сам думает: «Молчи ж, уж я тебя, воструху!»
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хватить друга камнем в лоб.
Удар так ловок был, что череп врознь раздался,
И Мишин друг лежать надолго там остался!

Такой оказалась *медвежья услуга*. Анализируя это выражение, устанавливаем, что в нем можно определить значение каждого из слов. Слово *услуга* здесь сохраняет свое привычное, обычное значение, поэтому и значение всего выражения мы определяем, используя это слово. Его не нужно «переводить». *Медвежья услуга* — «плохая, вредная услуга». Оказывается, можно определить и значение второго компонента — *медвежья*. И мы его уже определили: если все выражение составляет значение, нам известное, а один из компонентов тоже определен, то, «высчитав» из общего значения значение одного из компонентов, мы получаем значение второго компонента. Такой прием получения «остаточного значения», перенесенный из математики, предложил известный советский языковед А. И. Смирницкий.

Однако достаточно ли точно мы определили значение компонента *медвежья*? И потом, о какой целостности общего значения можно говорить, если значение каждого компонента известно, определимо? Все здесь не так просто.

Слово *медвежья*, действительно, можно определить, подставив в это выражение вместо него синонимы — «плохая», «вредная». Это так. Однако возможна ли обратная замена: можно ли вместо сочетаний *плохая работа*, *вредная привычка* сказать *медвежья работа*, *медвежья привычка*? Нет, так сказать нельзя, в этих случаях слово *медвежья* не может быть равным по смыслу словам *плохая* и *вредная*. И выходит, что слово *медвежья* может реализовать это свое значение только в составе единственного сочетания — *медвежья услуга*. А за этим сочетанием стоит целая басня, объясняющая его образную основу.

Такое особое значение слова, которое реализуется только в определенных общеизвестных сочетаниях — фразеологизмах, В. В. Виноградов назвал фразеологически связанным. А сами образования с такими компонентами — фразеологическими сочетаниями.

Фразеологических сочетаний очень много в русском языке, хотя они все-таки и не составляют основу русской фразеологии. В их составе с фразеологически связанным значением может выступать глагол: *резать слух*, *срывать зло* (*злость*, *злобу*), *раскинуть умом*, *отшибить память*, *прожигать жизнь*, *погрязнуть в невежестве* и т. д.; или прилагательное: *прописная истина*, *кровная обида*, *кури-*

ная память, *девичья (плохая) память*, *мертвый сезон*, *мертвый капитал*, *зеленый юнец*, *мартышкин труд*, *отпетый негодяй*, *пышные фразы* и т. п.; может выполнять эту роль и имя существительное: *пища богов*, *бремя славы*, *буква закона*, *корень зла*, *злоба дня*, *яблоко раздора*, *роза ветров*. Обратите внимание на одну любопытную деталь: слова с фразеологически связанными значениями несут образность, называя конкретные предметы, явления, а слова со свободными значениями преимущественно отвлеченного характера означают абстрактные понятия.

Все эти фразеологизмы поддаются смысловому анализу, они аналитичны. Но все равно имеют определенную смысловую целостность, что мы и видели очень хорошо на примере выражения *медвежья услуга*. И еще одна особенность: такие фразеологизмы всегда состоят из двух компонентов — один со свободным значением, другой с фразеологически связанным. Это хорошо отражено в термине «фразеологические сочетания»: *чета* значит «пара».

Нужно, однако, пояснить, что двучленность не означает «двусловность». Есть фразеологические сочетания, состоящие из трех слов: *ума на копейку*, *легкий на ногу*, *вкрасться в доверие*, *впасть в уныние*. Но и здесь по существу два компонента: предлог с существительным составляют единое целое. Смысловой целостности фразеологизмов способствует их образность.

Аналитичным фразеологизмам противопоставляются синтетичные, примером которых может служить выражение *тришкин кафтан*. Оно означает такую ситуацию, такое дело, когда устранение одних недостатков влечет за собой возникновение новых. История этого выражения, основанного тоже на басне Крылова, хорошо прослеживается.

Басня И. А. Крылова так и называется — «Тришкин кафтан». В ней рассказывается о некоем Тришке, у которого продрались локти в кафтане. Чтобы починить кафтан, Тришка отрезал для починки фалды и полы. Заключение басни раскрывает ее мораль:

Таким же образом, видал я, иногда
Иные господа,

Запутавши дела, их поправляют,
Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют.

Интересно проследить, как это выражение, получив-

шее иносказательное значение уже в басне, становилось фразеологизмом. Фразеологи считают, что выражения, ведущие начало из произведений литературы, только тогда становятся подлинными фразеологизмами, когда утрачивают с ними связь. И выражение *тришкин кафтан* сначала употреблялось со ссылкой на содержание басни, а затем, когда стало общеизвестным, уже употребляется совершенно независимо: «На одной избе, вместо крыши, лежали целиком ворота; провалившиеся окна подперты были жердями, сташенными с господского амбара. Как видно, в хозяйстве исполнялась система *тришкиного кафтана*: отрезывались обшлага и фалды на заплату локтей» (Н. Гоголь. Мертвые души); «Фильм может стать куцым, *тришкиным кафтаном*, если вместо гармонии стиха не возникает целостности кинематографического ритма...» (Г. Козинцев. Наш современник Вильям Шекспир). В последнем выражении ни одно из слов уже не сохраняет своего обычного значения и не может быть использовано при его толковании. Это-то и показывает наглядно синтетичность общего значения фразеологизмов.

Но и синтетичные фразеологизмы могут заметно различаться. В. В. Виноградов разделил их на две группы: на мотивированные и немотивированные. Первую группу он назвал фразеологическими единствами, вторую — фразеологическими сращениями. Обратите внимание, как отражают степень спаянности компонентов в их составе сами термины: сочетание, единства, сращения.

Фразеологические единства состоят из слов, которые, хотя и выступают с необычными значениями, тем не менее как-то подсказывают общее значение, точнее, указывают его образную основу. Вот, например, выражение *ноль без палочки*, как говорят о человеке, ничего не значащем, ничего не стоящем. Что такое ноль без палочки? Да просто ничего. И такое же значение имеет человек, которого определяют этим выражением. Или еще выражение — *сидеть сложа руки*: «Обойдется и без меня, а я больше не могу *сидеть сложа руки*. Довольно. И так угробил десять месяцев», — с раздражением думал Жухрай» (Н. Островский. Как закалялась сталь). Совершенно ясно, что представленная поза свидетельствует о безделье, и означает это выражение «ничего не делать, бездельничать». Иначе говоря, словесный состав объясняет, мотивирует; мотивированность значения позволяет

нам понимать выражения, которые мы не знали, а услышали впервые. Возьмем для эксперимента несколько выражений из других языков и попробуем понять, что они означают:

кирг. — *когда хвост верблюда коснется земли;*

англ. — *когда луна превратится в зеленый сыр;*

болг. — *когда свинья в желтых шлепанцах на грушу вскарабкается;*

нем. — *когда собаки залают хвостами;*

лезгинск. — *когда камень зацветет.*

Наверное, вы уже догадались, что все эти выражения соответствуют русскому *когда рак свистнет*, т. е. «никогда». И ответ вам подсказали слова фразеологизмов в их обычном прямом значении. Вот что значит мотивированность значения.

И еще несколько примеров фразеологических единств: *кишка тонка (у кого-то)* — «нет нужных сил, чтобы сделать что-то», *доводить до белого каления* — «до полного отчаяния, до потери самообладания», *навязнуть в зубах* — «крайне надоест кому-то», *набрать в рот воды* — «молчать», *канцелярская крыса* — «чинуша, бюрократ».

Мотивированные синтетичные фразеологизмы, как правило, имеют двойников среди обычных свободных сочетаний, через эти обычные сочетания мы и осознаем образную основу фразеологизмов.

Иначе обстоит дело с немотивированными синтетичными фразеологизмами, фразеологическими сращениями.

И в этом случае для их представления прибегнем к небольшому эксперименту. В венгерском языке есть выражение *дать корзину*. Что оно может означать? В русском языке есть выражение *подвести под монастырь (кого-то)*. Что оно означает, видимо, вам известно. Но почему так говорят?

Чтобы решить первую задачу, нужно знать обычай, бытовавший у венгров в прошлые века. Выражение это связано с процессом сватовства. Если к девушке сватался жених, которого не хотели признать, то ему давали отказ в «вежливой» форме: вручали корзину. Корзина, следовательно, символизировала отказ при сватовстве. Обычай ушел, а выражение осталось и до сих пор живет в венгерском языке. У нас на Украине эту роль выполняла тыква, *гарбуз* по-украински, и осталось выражение *з'исти гарбуза*: «Как вдруг... хлопец отворил дверь и подает мне большую тыкву, говоря: «Ее вам, панычу, прислала панночка». Если б из всех полученных мною тыкв вымостить дорогу, то стало бы от нашего города Хороля до самого Киева... Меня в околотке прозвали «гарбузный паныч» (Г. Квитко-Основьяненко. Пан Холявский).

Немотивированным в настоящее время оказывается и выражение *подвести под монастырь*. Только исследования ученых позволили выяснить, почему мы так говорим. Историк Л. Н. Семенова в своей книге «Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII века» (Л., 1982) пишет: «От побоев [мужа] жену могла защитить только сильная родня. Случалось, что такая родня добивалась защиты у патриарха и властей, но даже в этих редких случаях виновные избегали серьезного наказания. В лучшем случае их ссылали «в смирение в монастырь на полгода или на год». Жена могла *подвести мужа «под монастырь»*, но по возвращении наказанного она снова попадала в полную от него зависимость».

Такова история этого выражения, которую мало кто знает, но тем не менее автоматически это выражение широко употребляется в речи: «— Гляди, ишо ты ему про бабу не вякни, а то *подведешь* меня *под монастырь»* (М. Шолохов. Поднятая целина).

Немотивированные фразеологизмы составляют особую трудность для их осмысления, они требуют научных исследований. По поводу ряда таких образований у

ученых существуют различные версии. Так, о выражении *бить баклуши* спорят давно, есть пять различных версий, они базируются на различных значениях слова *баклуши*, которое в современном литературном языке свободно не употребляется, а в диалектах имеет самые различные значения. Наиболее реальной кажется этимология, предложенная В. И. Далем. Он связывает это выражение с работой подмастерьев, заготовливавших материал для изготовления ложек — баклуши. Работа эта, дескать, пустяковая, вот и возникло выражение о бездельниках. Эту версию великолепно обыграл А. Н. Толстой в сказке «Водяной». Повздорил мужик с водяным, а потом попал к нему, в его царство. И идет между ними разговор:

— Ну, — говорит ему чучело, — народ мутить, меня ловить будешь али нет?

— Нет, уж теперь мне, батюшка водяной, не до смеху.

— А чем ты себя можешь оправдать, чтобы я тебя сей час не съел?

— Мы народ рабочий, — отвечает мужик, — поработаю на тебя.

— А что ты умеешь делать?

— Не ученые мы, батюшка водяной, только баклуши и бьем.

— Хорошо, — говорит водяной, — бей баклуши... — и ушел.

Стал мужик из осиновых чурбанов баклуши бить, сам плачет, рыдает. Много набил, целую кучу.

Пришел водяной и удивился:

— Ты что это вытворяешь?

— Баклуши бью, как вы приказывали.

— А на что мне баклуши?

Почесал мужик спину:

— Ложки из них делать.

— А на что мне ложки?

— Горячее хлебать.

— Ах ты, дурень, ведь я одну сырую рыбу ем. Ни к чему ты, мужик, не годишься. Держись.

Щелкнул водяной мужика по маковке и обернул его в ерша.

Некоторые языковеды связывают это выражение с диалектными значениями слова «баклуша». В приволж-

ских степях баклушами называли лужи. И вот другая версия — бить по озеркам, разгоня лягушек, — рассматривалась как безделье, откуда, мол, и значение выражения. А еще связывали с игрой в бабки, потому что в некоторых местностях бабки называются баклушами.

На Дону этому выражению соответствует *бить байдики*; байдиками здесь называются палки. Вот и разберись, кто прав.

Неясными оказываются основания выражения *собаку съесть* (в чем-то или на чем-то), которое означает «приобрести большой опыт».

Но бывает и так, что немотивированные фразеологизмы вдруг получают в силу тех или иных причин мотивировку и, естественно, переходят уже в другой разряд. В этом отношении интересна история выражения *крошная тьма*. Оно пришло в русский язык из старославянского текста Евангелия, где означало ад. Однако в русском языке слово *тьма* имело несколько значений, в том числе «темнота». И вот у слова *крошный* появляется новая сочетаемость, она расширяется; стало возможным употреблять такие сочетания: *крошная темнота, крошная пустота, крошная ночь*; у А. Твардовского в «Василии Теркине» «пушки бьют в *крошной мгле*». В этих сочетаниях развивается значение «темный». Одновременно у него развивается еще одно значение — «очень тяжелый», и вот новые образования: *крошный ад, крошная мука, крошная жизнь*. В результате выражение *тьма крошная* стало аналитичным, перешло в разряд фразеологических сочетаний.

Мы рассмотрели признаки фразеологизмов в русском языке, определили их разновидности, познакомились с происхождением ряда выражений. И каждый раз речь шла о том, что фразеологизмы — образные выражения. Поэтому целесообразно рассмотреть, как формируются образные основания фразеологизмов, как они соотносятся с явлениями жизни, которые создают образную основу. Но об этом уже в следующей главе.

Глава 2

КАК РОЖДАЮТСЯ ОБРАЗЫ

ЧТО ТАКОЕ ОБРАЗ?

Фразеология вся проникнута образностью... Привычная фраза, так обычно говорят ученые, исследующие фразеологию, — фразеологи. Но что это значит? Что такое вообще «образ», «образность»? Вот мы и начнем с того, что уясним понятие образности и образа.

Слово *образ* как будто понятно каждому школьнику-старшекласснику: не раз на уроках литературы шла речь об образах Павки Корчагина, Ниловны или героев-краснодонцев. Говорим мы и об образе Родины в картинах художников, образе деревни и т. д.

Но если мы обратимся к помощи нового «Советского энциклопедического словаря», то увидим, что понятие образа весьма сложно. В терминологическом смысле различаются два понятия образа: это, во-первых, «результат и форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека», во-вторых, «способ и форма освоения действительности в искусстве».

В семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» слово *образ* дано с четырьмя значениями, из которых для нас в данном случае важны два: «2. Живое наглядное представление о ком-чем-либо; облик кого-чего-либо, рисующийся в воображении, форма восприятия сознанием явлений объективной действительности...» и «3. Форма художественного обобщенного восприятия явлений действительности и изображения их (в живописи, литературе, музыке и т. п.)».

Проще говоря, необходимо различать просто образ в нашем сознании как отражение действительности и особо созданный, организованный по законам искусства художественный образ. Применительно к нашему разговору более

подходит понятие просто образа и соответственно образности, поскольку художественный образ — понятие очень сложное, которое опирается на весь строй художественного произведения. Правда, оба эти понятия могут совмещаться в единицах языка, но об этом пойдет речь далее.

В приведенных определениях выделяем один признак: образ рождается как отражение реальной действительности. Поэтому, чтобы представить себе в виде образа явление действительности, мы должны, во-первых, опираться на наше знание этой действительности, во-вторых, прибегнуть к воображению. По поводу художественного образа В. Г. Белинский заметил: «Искусство есть непосредственное созерцание истины или мышление в образах».

Создавая художественный образ, писатель, художник, музыкант обобщает свои жизненные наблюдения, отбирая наиболее типичные, и создает образы, которые помогают нам увидеть подобные явления в жизни. В этом смысл и сила искусства.

Образ, с одной стороны, емок, представляет собой обобщение, с другой — конкретен, представлен так, что мы можем его воспринимать «весомо, грубо, зримо». То, что мы его воспринимаем с помощью органов чувств, очень важно. Гегель заметил по этому поводу: «Мы можем обозначить поэтическое представление как образное, поскольку оно ставит перед нашим взором вместо абстрактной сущности конкретную ее реальность».

Так, мы знаем, что такое «беликовщина», потому что А. П. Чехов, увидев это явление в жизни, представил нам его в виде конкретного героя — учителя Беликова. Беликов обладал конкретными, характерными чертами: ходил в калошах даже в хорошую погоду, закладывал уши ватой, носил ножичек и другие предметы в футляре и т. д. Это, конечно, вовсе не значит, что точно такими же чертами должны характеризоваться все «человеки в футляре», но стремление отгородиться от мира объединяет их всех. Формула, блестяще найденная Чеховым, — *человек в футляре*, стала фразеологизмом, однако особого рода, поскольку в ней как раз и совместились художественный образ и обычный, в данном случае фразеологический.

Образ, как говорилось, основан на реальной действительности. Но как же быть с теми образами, которые представляют нечто нереальное, выдуманное? Оказыва-

ется, с помощью нашего воображения мы можем конструировать и такие явления, которых вообще нет в природе, но которые носят определенные черты реально существующего, того, что нам хорошо знакомо.

Так и поступает писатели. Возьмем в качестве примера образ Демона, созданный М. Ю. Лермонтовым. Демона никто никогда не видел. Но Лермонтов помог нам представить его очень зримо.

Печальный Демон, дух изгнания,
Летал над грешною землей...

Из живых существ летают птицы, значит, у Демона должны быть крылья.

Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни злобы, ни сомненья,
И не грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый...

Совсем человеческие качества — сомнения, любовь, злоба. Выходит, что Демон должен быть похожим на человека. Чтение поэмы позволяет нам представить довольно определенно этот образ, созданный силой фантазии поэта. Мы можем представить себе и его внешность, что и сделал великолепно замечательный художник Врубель.

Но это создание поэта, художника. А народ? Может создавать такие образы? Конечно! Вспомним былинных богатырей, сказочных героев, всех Иванов Покати Горшко, ведьм, русалок, леших, водяных и др.

В. И. Даль, автор знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка», описал ряд фантастических героев, в частности водяного:

Водяной, водовик или водяник, водяной дедушка, водяной черт, живет на больших реках и озерах, болотах, в тростниках и осоке, иногда плавает на чурбане или на корчаге; водится в омутах и в особенности подле мельниц. Это нагой старик, весь в тине, похожий обычаями на лешего, но он не оброс шерстью, не так назойлив и нередко даже с ним бранится. Он ныряет и может жить в воде по целым дням, а на берег выходит только по ночам.

Не правда ли, создается впечатление, что Даль долгое время наблюдал за водяным, изучал его повадки, чтобы так его описать. Но откуда же на самом деле взял Даль черты этого несуществующего персонажа русских сказок и легенд? Даль ничего не придумал, он просто обобщил то, что о водяном говорил народ, и на этом основании описал его.

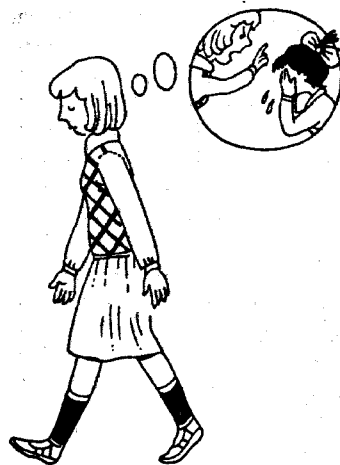
Образность присуща и языку, особенно лексике и фразеологии. «Слова, — писал Сергей Есенин, — это образы всей предметности и всех явлений вокруг человека; ими он защищается, ими же и наступает. Нет слова беспредметного и бестелесного, и оно так же неотъемлемо от бытия, как и все многорукое и многоглазое хозяйство искусства». Образный характер слов и выражений не раз отмечали крупнейшие писатели и ученые. Особенно это хорошо видно в переносных значениях слов и сочетаний.

Правда, со временем мы привыкаем к этой образности, и она нами уже не осознается. Поэт Н. Асеев писал:

В самом деле, разве в слове «вода» мы ощущаем то, что она «ведет» куда-то, то есть служит путем, дорогой, какой она была для наших предков, передвижение которых совершалось главным образом по рекам. Моя бабушка, помнившая еще крепостное право, всегда поправляла говорившего, что нужно пойти за водой: «За водой пойдешь — не вернешься! По воду пойти — вот как надо сказать!» ...Если в слове «кручина» постепенно стерся глагол «крутить», «скручивать», а в слове «печаль» глагол «печь», «допекать», то и в цельных выражениях, в начале своего применения бывших образными, выразительность первоначального их значения сводится на нет многократным использованием.

Все сказанное верно, но тем не менее многие фразеологизмы до сих пор, если в них вдуматься, обнаруживают удивительную образность. Это отмечал и сам Н. Асеев:

«Сидит как в рот воды набравши», «Земля из-под ног ушла», «Пятая спица в колеснице» — все эти и подобные им присловья картинно воспроизводят

некоторые положения, характеризующие действие или состояние, хотя и не соответствуют логике в прямом смысле. Картинность, образность речи действует здесь поэтическими средствами на воображение слушающего, заставляя его переживать сказанное сильнее, преувеличенное, чем если бы обратился к нему говорящий с речью безобразной, чисто логической.

Образность фразеологизмов достигается также путем представления отвлеченных, абстрактных понятий в виде «зримых» явлений, предметов. Сравните сами, насколько фразеологизмы ярче, чем соотносимые с ними слова:

быстро — глазом моргнуть не успеешь; в мгновение ока; одна нога здесь, другая там;

красивый — глаз не оторвешь; кровь с молоком; глаз не отведешь; как картинка;

много — как собак нерезаных; как песка морского; хоть пруд пруди; вагон и маленькая тележка; считать не сосчитать;

повторять (неоднократно) — тянуть одну и ту же песню; завести шарманку; жевать жвачку; дудеть в одну дуду; заводить старую пластинку.

Образность обычно создается за счет «двойного видения». Так, мы видим перед собой высокого человека, и это реальное, но одновременно мы можем вспомнить еще пожарную каланчу, которая раньше была самым высоким строением в городе. И вот, совмещая эти два

«видения», называем высокого человека *пожарной каланчой*. И это уже образ.

Наряду с реальными образами, отражающими соответствующие явления действительности, во фразеологии есть образы искусственные, созданные силой воображения, юмором. В них образная основа нереальна, но она опирается на реальные явления жизни. Приведем примеры образований такого рода: *кошки на сердце скребут, делать из мухи слона, заблудиться в трех соснах, от жилетки рукава, чесать зубы, держать себя на вожжах, мотать себе на ус, веревка по ком-то плачет, раскидывать мозгами* и т. д. Сюда же можно отнести сказочные образы: *кощей бессмертный; баба яга* (о людях); *иван, не помнящий родства; при царе горохе* и др.

ЗАРОЖДЕНИЕ ОБРАЗА

Как все-таки рождается образ? Почему выбирается то, а не иное явление, которое представляется для «двойного видения»? Проследить этот процесс легче на материале художественных текстов.

Есть у нас выражения *ходить на помочах* и *водить кого-то на помочах*. Различаясь грамматическими значениями, они объединены образной основой и значат «находиться в подчинении кого-то» и «постоянно опекать кого-то».

В их основе лежит способ обучения ходить маленьких детей: под мышки ребенку подводятся помочи, чтобы он не падал, и это облегчает дело. Однако долгое вожделение ребенка на помочах вредно. Н. А. Добролюбов в статье «Органическое развитие человека» писал, имея в виду выражение *водить на помочах* в прямом значении: «Многие дети, которых долго водили на помочах, не позволяя им ходить без посторонней помощи, навсегда сохраняют в характере нерешительность и не доверие к своим силам».

Но еще в XVIII в. эти выражения стали приобретать иное, переносное значение. В «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев использует выражение *ходить на помочах* в двух планах, показывая тем самым основание для переноса значения: «Цензура сделана нянькою рассудка, остроумия, воображения, всего вели-

кого и изящного. Но где есть няньки, то следует, что есть ребята, *ходят на помочах*, отчего нередко бывают кривые ноги; где есть опекуны, следует, что есть малолетние, незрелые разумы, которые собою править не могут. Если же всегда пребудут няньки и опекуны, то ребенок долго *ходить будет на помочах* и совершенный на возрасте будет калека».

Как видно, Радищев говорит здесь о ребенке, которого водят на помочах, но одновременно и о «незрелых разумах» вообще, которые «собою править не могут», усматривая в этом сходство.

В текстах писателей XIX в. выражения *ходить на помочах* и *водить (держат) на помочах* употребляются уже как обычные фразеологизмы: «— Что же, мы так целый век и будем на маменькиных *помочах ходить?*» (А. Писемский. Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына); «— Но я все сомневался, захотите ли вы меня *держат на помочах* или нет» (А. В. Кольцов. Письмо В. Г. Белинскому).

В басне И. А. Крылова «Две собаки» выпестовывается значение фразеологизма *ходить на задних лапках*, применительно к человеку в значении «угодничать». Идет разговор между двумя собаками, одна из которых живет в холоде и голоде, но верно несет свою службу, а вторая живет в тепле и холе, хотя вся ее «служба» лишь в том, что она «на задних лапках ходит». Заканчивает басню И. А. Крылов моралью, из нее вытекающей:

Как счастье многие находят

Лишь тем, что хорошо на *задних лапках ходят*.

И это уже о людях, похожих своим поведением на басенный персонаж. Сюжет басни мотивирует, объясняет новый смысл, фразеологическое значение этого выражения, с которым оно употребляется теперь: «...Улитка — девка злая, сейчас тебя в преисподнюю проклянет, а через минуту, помани ее только пальцем, — она и опять прибежит, станет на *задних лапках служить*» (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы); «— А я у них конокхом был. В лакеи не взяли — рожей не вышел. Да я и сам бы не пошел. Собачья профессия. *Стой на задних лапках* и виляй хвостом, когда тебя хозяин по носу щелкает» (Н. Островский. Рожденные бурей).

Формирование переносного фразеологического значе-

ния можно видеть на таких образованиях, которые имеют ограниченное употребление — либо в одной семье, либо у определенного круга людей, на какой-то территории.

В «Хождении по мукам» А. Н. Толстого есть такой текст:

Около, на низеньком столике, стояла чашка с горячей водой; повсюду — ножницы для ногтей, пилочки, карандашники, пуховки. Сегодня был пустой вечер, и Екатерина Дмитриевна «чистила перышки», как это называлось дома.

Выражение *чистить перышки* не требует пояснений, оно достаточно прозрачно в своей образной основе, понятно на фоне всего текста.

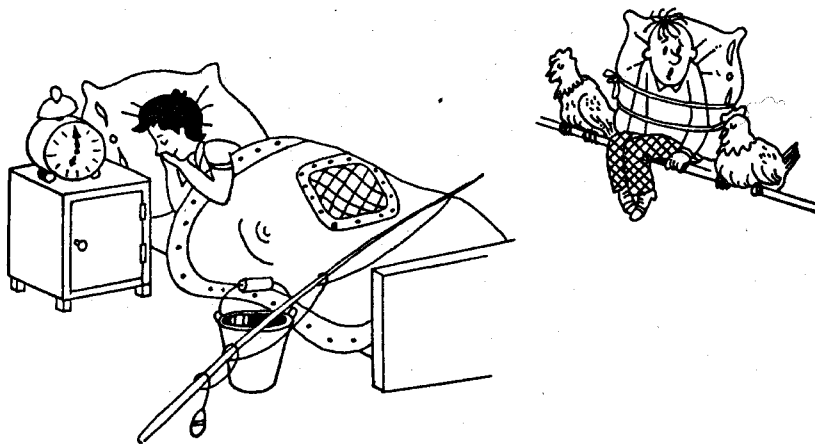
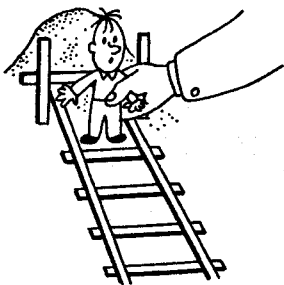
Образ, лежащий в основе фразеологизма, позволяет во многих случаях довольно широко варьировать его состав, не нарушая единства вариантов. Чаще всего это бывает в период становления выражения. Оно как бы ищет свою лучшую форму, а затем уже застывает в одной из них. Так, в XVIII в. употреблялись варианты *курить фимиам (кому-то)*, *воскурять фимиам*, *возжигать фимиам*, *возносить фимиам*, т. е. «восхвалять кого-то, чрезмерно льстить». Выражение связано с обычаем. Фимиамом называлось благовонное вещество, сжигаемое при богослужениях. Восхваление бога и связанное с этим курение фимиама и легли в основу образа выражения.

В наше время употребляется один из этих вариантов *курить фимиам (кому-то)*; сравните употребление этого выражения в текстах XVIII в. и современных: «В темницы ваши днесь преобращенны грады, в них стонет ваш народ, в них кровь течет граждан, везде насилие, грабительство, обман; в пренебрежении и алтари, и храмы, и лишь Мстиславу в честь *курятся фимиямы*» (Н. Николев. Сорена и Замир); «—...Скажи мне, царствует ли любовь на земном шаре? *Курится ли фимиам* на алтарях добродетели?» (Н. Карамзин. Остров Борнгольм); «По воскресеньям все женихи являлись целой стаей и ухаживали, говорили любезности, смеялись, *курили* невесте и ее матери *фимиам*» (М. Горький. Мужик).

Замена отдельных слов в составе фразеологизма позволяет изменять грамматические значения и приспосабливать выражение к различным ситуациям.

Такая замена, однако, может быть вызвана и более глубокими обстоятельствами. Сопоставим два выражения, содержащие как будто один и тот же образ: *стать в тупик* и *поставить в тупик*. Первое во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А. И. Молоткова определяется как «приходить в крайнее затруднение, замешательство», второе — «приводить в крайнее затруднение, замешательство, растерянность». То есть по сути дела они сходны в своем фразеологическом значении и различаются лишь грамматически: в одном случае речь идет о самостоятельном действии, во втором — о воздействии на другого человека.

История этих выражений весьма любопытна. *Стать в тупик* известно с XVIII в., причем в разных формах: «— Что делать? Иной на моем месте *встал бы в тупик*» (И. Крылов. Покаяние сочинителя); «— Я не знаю, что делать, *зашел в такой тупик*» (В. Левшин. Слуга двух господ); «Уж наша знать *заехала в тупик*» (Я. Княжнин. Хвастун); «Они и слышать сего не хотели, как не-объезженные кони, совсем под лад не давались, а теперь когда *пришло в тупик*, что *некуда ступить*, то все до последней души рады, хоть босиком промяться до обозрения красот московских» (В. Березайский. Анекдоты древних пошехонцев). Как видим, уже в то время выражение имело переносный характер значения, было фразеологизмом. Но какова основа образа? О каком «тупике» идет речь?

Основание образа раскрывается в таких, например, текстах: «Жили мы в тихом *тупом переулке*» (В. Короленко. История моего современника); «И ему [Левину] неприятно было, когда процесс рассуждения *заводил* его в *тупой переулок*» (Л. Толстой. Анна Каренина); «Конечно, голод старая штука, в желании есть мы *вошли в тупой переулок*, но есть все-таки нужно...» (А. Чехов. Письмо Суворину). В приведенных примерах хорошо прослеживается формирование образного выражения: сначала тупой переулок, т. е. не имеющий выхода с другого конца, затем — безвыходное положение, в переносном значении. Обратите, однако, внимание, все варианты сводятся к одному значению — «попасть (самому) в трудное положение».

Другая форма — *поставить (ставить) кого-то в тупик* — встречается только в текстах конца XIX в., например у Ф. М. Достоевского в «Идиоте»: «Таким образом, такой долгий срок вражды *поставил* его... в самый мрачный *тупик*»; и у Чехова в рассказе «Три года»: «— Удивительное дело, — сказал Лаптев, — опять меня *поставил в тупик* мой Федор». В основу этой формы лег совсем другой образ, другой «тупик». В 1837 г. была открыта первая в России линия железной дороги. Железная дорога того времени нашла отражение в творчестве Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого и ряда других писателей. Оставила она след и во фразеологии: *стрелочник виноват, на всех парах* и др.

«Тупик», который отразился в этом выражении, — участок рельсов, перегороженный бревном, где отстаивались вагоны и паровозы. В такой тупик «загоняли» или «ставили» вагоны. Это и запечатлелось в форме фразеологизма: «Этим вопросом я сразу *поставил* главного инженера *в тупик*» (А. Рыбаков. Приключения Кроша).

Как видим, два различных образа слились воедино, хотя, конечно, новое значение слова *тупик* возникло не без связи с тупым переулком.

Есть еще один, более свежий пример формирования образной основы фразеологизма. Сравнительно недавно, в 50-е гг. нашего столетия, в казахстанские степи для освоения целины приехало большое количество энтузиастов. Жилья не было, и людям пришлось довольствоваться временным жильем — палатками.

Каждый, кто имел дело с палаткой, хорошо знает, что растяжки ее крепятся за колышки, которые вбивают в землю. И вот первый колышек первой палатки, поставленной на целине, приобрел символическое значение. Выражение *с первого колышка* стало означать «с самого начала». Рожденное на целине, это выражение стало употребляться и применительно к другим местностям к другим делам, но всегда оно сохраняет свое временное значение.

Выражение новое, оригинальное, но родилось оно не случайно. В русской фразеологии есть немало случаев,

когда какая-то деталь процесса, явления, предмета означает время или указывает на время. Например, *с младых ногтей* — «смолоду, с самого детства», *от зари до зари* — «долго, целый день», *до третьих петухов* — т. е. «поздно» (когда запоят третьи петухи), *с курами ложиться спать* — «рано» и т. д. Таким же символическим стал колышек палатки.

Не успело закрепиться это выражение, как по аналогии с ним образовалось новое — *забить первый колышек*, т. е. «начать что-то делать».

Вот так формируется образное значение фразеологизмов.

ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ СВОЕМУ

Как уже говорилось, в наиболее упрощенном виде образность можно представить как соотношенность в нашем сознании двух предметов или явлений. *Маяк* — «башня, указывающая путь судам световым сигналом» и *маяк* — «передовой рабочий» могут быть названы одним и тем же словом, так как имеют общий признак — «указывающие путь». При этом маяк-«башня» не содержит образности, а вот маяк — «передовой рабочий», как бы указывающий путь, содержит образ, это значение переносное.

Такие совмещения — их называют ассоциациями — могут быть различными. Существует два типа переноса значений по ассоциации: метафора и метонимия.

Слово *метафора* взято из греческого языка, где оно значит «перенесение». Следовательно, метафорой в языкознании называется перенос значения на основе сходства. Это сходство может быть явным. Например, лошадь, выведенная из спокойного состояния, может, закусив удила, нестись, не разбирая дороги. Когда мы видим человека, действующего без удержу, о нем тоже можно сказать: *закусил удила*. Сравнимый объект может быть и плодом нашего воображения, мы его просто придумали. Таковы образные основы в выражениях *отдать богу душу*, *держат язык на привязи*, *гнаться за длинным рублем* и т. п.

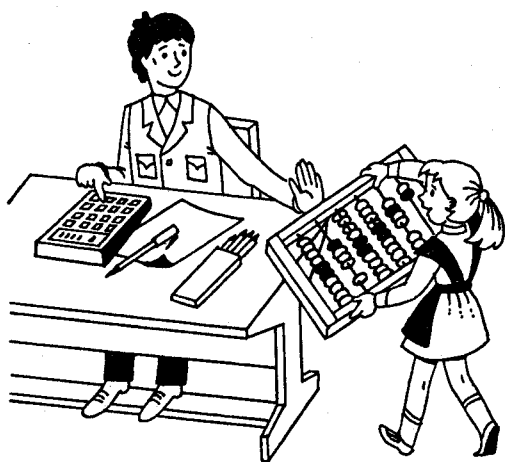
В основе метафоры лежит сравнение. Известный французский языковед Шарль Балли заметил: «Мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других. Таково происхождение

метафоры; метафора — это не что иное, как сравнение, в котором разум под влиянием тенденции сближать абстрактное понятие и конкретный предмет сочетает их в одном слове». В этом высказывании подчеркивается важное свойство метафоры и сравнения вообще: они помогают познанию. Сравнивая, мы познаем новое.

Сравнительные обороты нередко приобретают устойчивость и становятся фразеологизмами, сохраняя форму сравнения с союзами *как*, *словно*, *будто*. Такие обороты, как правило, имеют слово-спутник, значение которого и характеризуется сравнительным оборотом. Если мы просто скажем *как корове седло*, то смысл оборота не будет достаточно ясен. Иное дело со словами *подходит, идет, пристало*: «Штубе. ...Кстати о Годуне. Прошу тебя прекратить эти нелепые занятия английским языком, который тебе *пристал как корове седло*» (Б. Лавренев. Разлом).

Изменение слова-спутника существенно может изменить и смысл сравнения. Так, об обиженном человеке, у которого это видно по выражению лица, но он явно не показывает своей обиды, говорят *надулся как мышь на крупу*: «— Чего *надулся как мышь на крупу*? — сказала бабушка» (А. Рыбаков. Кортик). Откуда взялось это сравнение, кто увидел, как мышь «дует» на крупу, неизвестно. В прошлом этот оборот употреблялся с иными словами. Например, у русского писателя XVIII в. В. Майкова в комической поэме «Елисей, или Раздраженный Вакх» данное выражение встречается в варианте «*Как мыши на крупу ползут* из темных нор...». Ср. у Даля: «Надулся, *как мышь на крупу* — все съест» (хочет, грозен).

Л. Толстой писал по поводу сравнений: «Сравнение — одно из естественнейших и действительнейших средств описания, но необходимо, чтобы оно было очень верно и уместно, иначе оно действует совершенно противоположно». Обычно сравниваются предметы и явления весьма отдаленные. Сравнивать сходные во многом предметы не имеет смысла. Экспрессия, выразительность удачных сравнений создается за счет любопытного противоречия. С одной стороны, это очень отдаленные явления, у которых, казалось бы, нет ничего общего, но с другой, обнаруживается общее, иногда совершенно неожиданное, ранее не увиденное никем. И чем неожиданнее эта общая черта, тем интереснее сравнение. Та-

кие наблюдения чаще всего возникают у писателей и поэтов.

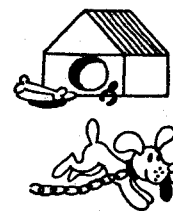
Вот поэт В. Шошин наблюдает за подъемным краном. Кто из нас не видел этот обязательный атрибут современной стройки? Но Шошин — поэт, он мыслит образами. И вот рождается строка: «Кран, как жираф, глядит через забор». Читаем мы эти строки и думаем: как это мы сами не увидели такого явного сходства?

Сравнительные обороты-фразеологизмы заметно могут различаться по своему характеру. Давайте рассмотрим два ряда таких оборотов и выясним, чем они различаются.

Нужен —
как собаке пятая нога,
как рыбке зонтик,
как щуке брюки,
как собаке «здрасьте»,
как попу гармонь.

Несется, бежит —
как угорелая кошка,
как с цепи сорвался,
как на пожар,
как ошпаренный,
словно за ним кто гонится.

В каком случае сравнительная часть отрицает, подчеркивает значение слова-спутника, а в каких усиливает? Догадаться нетрудно: обороты левого столбика отрицают значение слова *нужен*, на самом деле оказывается совсем противоположное значение — «вовсе не нужен». Иное дело — обороты правого столбика, все они указывают на интенсивность действия, но не только на это, а

еще и на отрицательную реакцию по поводу такого быстрого движения.

Среди многочисленных устойчивых сравнений больше всего тех, которые связаны с характеристикой человека. Они указывают на внешний вид: *бледный как полотно*, *седой как лунь*, *толстый как бочка*; на внутреннее состояние человека, проявляющееся в его внешнем виде: *ходит как в воду опущенный*, *как сонная муха*; сидит или стоит *как замороженный*; на поведение человека: *врет как сивый мерин*, *разбирается как свинья в апельсинах*, *носится как дурень с писаной торбой*, *исчез как сквозь землю провалился* и т. д.

Метафора основана на сравнении, но вместе с тем заметно отличается от сравнительных оборотов. Сравнение в метафоре присутствует как бы подспудно, в самом тексте метафорического фразеологизма есть указание только на одно явление, а второе, сходное с ним, исходное, только домысливается. Так, когда мы говорим *плыть по течению*, что означает «действовать, поступать так, как вынуждают обстоятельства», мы не называем второе явление, с которым первое явление сходно, например *плывущего по течению человека*, которому нужно прилагать немного усилий (не то, что против течения).

Многие фразеологизмы в своем развитии прошли стадию сравнения, а потом уже стали употребляться без сравнительных союзов. Поэтому нам сегодня кажутся

уже странными такие, например, употребления: «Спокойствие и самоуверенность Вронского здесь, как коса на камень, наткнулось на холодную самоуверенность Алексея Александровича» (Л. Толстой. Анна Каренина); «Промышленность Каталонии и Барселоны важна только сравнительно; произведения их как капля в море в отношении их потребности» (Д. Григорович. Корабль «Ретвизан»).

В наше время эти фразеологизмы выглядят иначе, без сравнительных союзов: *не солоно хлебавши, нашла коса на камень, капля в море*.

Проследим за фразеологизмом *не солоно хлебавши*. Прежде всего, нужно заметить, что соль на Руси в прошлом считалась продуктом ценным, она была привозной и стоила немало, хотя в хозяйстве была необходима. Не каждого гостя угощали посоленной пищей, это было уделом только уважаемого гостя. А если гость был не очень уважаем, то его могли угостить несоленой едой. У Н. А. Некрасова в «Кому на Руси жить хорошо» сохранилось первичное значение выражения:

Пропали люди гордые
С уверенной походкою,
Остались вахлаки,
Досыта не едавшие,
Не солоно хлебавшие,
К которым голод стукнуться
Грозит...

Это выражение сначала было сравнительным оборотом *как не солоно хлебал*, а затем сравнительный союз исчез.

Сопоставим тексты XVIII—XIX вв. и XX в.: «Сквалыгин. ...Э, брат, взял пошел *как не солоно хлебал*. Веть брань на вороту не виснет, а стыд не дым, глаза не выест» (М. Матинский. Санкт-петербургский гостинный двор); «Точно *не солоно хлебавши* вышел архитектор на улицу» (А. Писемский. Тысяча душ); «Упустила лисица поживу и пошла прочь *не солоно хлебавши*» (А. Толстой. Лиса и Петух).

При метафорическом образовании фразеологизмов используются различные стилистические приемы, в том числе тропы (от греческого слова *tropos*, т. е. «поворот, оборот речи»). К их числу относятся гипербола, литота и олицетворение.

Гипербола (от греч. *hiperbolē* — «преувеличение») — распространенный прием для создания образности. Преувеличивая то или иное качество или количество, можно лучше выявить особенности явления, представить его более наглядно. Это и используется во фразеологии: *верста коломенская* — «очень высокий человек», *за тридевять земель* — «очень далеко», *яблоку упасть некуда*, *иголки негде воткнуть* — «очень тесно, о большом скоплении людей в помещении», *осыпать кого-то золотом с головы до ног* — «щедро одаривать кого-то», *комара не обидит* — «о тихом; безобидном человеке», *на бедного Макара все шишки валятся* — «о человеке, незаслуженно испытывающем гонение, упреки» и т. д.

Гиперболе противопоставляется другой прием — литота, или преуменьшение (от греч. *litotēs* — «простота»). В ряде выражений явление или признаки, предметы явно преуменьшаются, что достигает эффекта: *от земли не видно* — «о маленьком человеке», *с гулькин нос* — «очень мало», буквально как нос голубя; *муха крылом перешибет* — «о слабом человеке», *короче воробьиного носа* — «о коротком периоде времени», *выеденного яйца не стоит* — «о чем-то, не представляющем ценности» и т. д.

Уже говорилось, что для фразеологизмов характерно олицетворение, когда различные силы природы или абстрактные понятия представляются как живые существа. Восходит это к далекому времени, к язычеству,

когда различные силы природы действительно представлялись людям как живые существа, которые могли приносить добро или зло. Чтобы задобрить эти силы, им приносились жертвы, к ним обращались мольбы. Так зарождалось язычество.

В наше время, разумеется, эти верования исчезли, но традиция остается традицией, и мы по-прежнему говорим: *злоба душит, смерть в глаза заглядывает, нужда заела, совесть мучает, зло берет*. А ведь во всех названных выражениях как раз и есть олицетворение абстрактных понятий.

Олицетворение во фразеологии проявляется и в том, что отдельные понятия представлены собственными именами, например вместо *помянуть* говорят *Минькой звали*. Видимо, таким же путем возникло выражение *кондрашка хватил*, в котором паралич представлен в виде Кондрашки. В. И. Даль в своем «Словаре живого великорусского языка» приводит старинную поговорку: *Хватит Кондрашка (или Мирошка) — далеко не уйдешь*.

Сон также представляется как живое существо: *сон одолел, сон поборол (кого-то), сон свалил...* Об этом пелось и в песнях:

Сон идет по сенам,
Дрема по терему;
Сон говорит:
Усыплю да усыплю,
Дрема говорит:
Удремлю да удремлю.

И сегодня, включив радио, можно услышать: «По квартире тихо, тихо друг за дружкой *ходят сны...*» В передачах для детей, в новых сказках и стихах сохраняется эта традиция олицетворения абстрактных понятий.

Даже такие предметы, как деньги, которые, казалось бы, нельзя представить в виде живых существ, оказываются подвергнутыми олицетворению: *плакали денежки — т. е. «пропали, истратились», протереть глаза денежкам — «потратить попусту»*. В этом варианте деньги, как все живые существа, имеют глаза. Правда, есть и другой подход: *Торг без глаз, а деньги слепы: за что отдаешь, не видят; У денег глаз нету*.

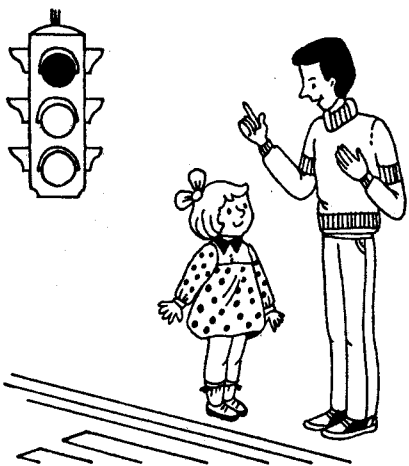
А вот древнее изречение — *Взвыла и пошла из кармана кошна*. Здесь вместо денег использовано слово

кошна, которое означало и кошель для денег, и сами деньги: *развязать кошну* — «потратить деньги», *трясти кошней* — «щедро тратить деньги» и т. д. Поэт Н. Асеев, вдумавшись в это выражение, писал: «Как в этой поговорке кратко и сильно передана целая повесть о нужде, о великой необходимости купить что-то или отдать за что-то трудовые, потом политые деньги!.. Мало ли какая приступила к горлу нужда — и вот «пошла из кармана кошна». Да не просто пошла — «взвыла да пошла»!.. Гипербола, преувеличение, придание кошне чувствительности, — хотя этот предмет и не живой, — создали образ события яркий и впечатляющий».

«Очеловечивались» и явления природы. Отголоски этого нетрудно найти в русских народных сказках. Писатели и поэты, пересказывая сказки или создавая свои, но в традиционном русском духе, также представляли явления природы как живых существ. Вспомним хотя бы «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях» А. С. Пушкина: *Ветер, ветер! Ты могуч, Ты гоняешь стаи туч...; Месяц, месяц, мой дружок, Позолоченный рожок...* Так обращался герой к месяцу и ветру и получал от них ответы.

Все мы привыкли к тому, что в сказках, в детских фильмах животные ведут себя как люди, разговаривают, размышляют. Наши далекие предки наблюдали у животных, рыб, насекомых повадки, а затем переносили эти наблюдения на людей, наделяя их соответствующими характеристиками. Так возникло немало выражений, основанных на подобных наблюдениях: *держат ухо остро, насторожить уши, держать ушки на макушке* — «быть очень внимательным, быть настороже»; *держат нос по ветру* — «применяться к обстоятельствам, беспринципно меняя убеждения»; *держат кого-то под крылышком* — «охранять кого-то, покровительствовать»; *заметать следы* — «скрывать признаки чего-то нехорошего, совершенного человеком»; *поджимать хвост* — «трусить, выражать трусость»; *держат хвост трубой, держат хвост пистолетом, держать хвост морковкой* — «не унывать, быть уверенным в себе»; *хлопать ушами* — «слушая, не понимать», «быть рассеянным, не делать что-то вовремя»; *вертеться под ногами* — «мешать своим присутствием» и т. д.

Однако если вдуматься в смысл этих изречений и в их происхождение, то оказывается, что человек неспра-

ведлив к животным. Ведь животное *держит нос по ветру*, чтобы сохранить свою жизнь или найти пищу. А у людей это вызывает нехорошие ассоциации, как об этом говорит само значение фразеологизма. Или вот: сначала человек приписал сороке болтливость, т. е. человеческое качество, а потом болтливых людей стали называть *болтливыми сороками*. Разве это справедливо? Не случайно один остроумный человек сказал: «Если бы звери умели читать басни, баснописцев было бы значительно меньше».

Метафорические фразеологизмы чаще всего называют черты человека или ситуации, в которые человек попадает. Что же лежит в основе исходного материала? Одну группу мы уже определили — это животный мир.

Важным исходным материалом служили трудовые процессы. Поскольку большинство фразеологизмов возникло в прошлом, когда расцветало ремесленничество, они и связаны с ремеслами. Каждое ремесло оставило свой след во фразеологии русского языка.

Но и у фразеологизмов, называющих как будто обычные несложные трудовые процессы, характер переноса нередко осознается плохо. Как пример можно привести выражение *наломать дров*. Современное значение этого фразеологизма достаточно определено — «сделать что-то неудачно, совершив грубые ошибки или даже повредив что-то». В наше время это выражение употреблялось очень активно в художественной литера-

туре: «С одной стороны, раз уже все равно Барабанов *наломал дров*, это давало повод намылить шею и Серпилину, которого Батюк хотя и ценил, но недолюбливал за строптивость» (К. Симонов. Солдатами не рождаются); «— Скажу я тебе, Павел: всегда помни, что в институт тебя послала партия и она рассчитывает на то, что ты *не ломаешь там дров...*» (В. Кочетов. Молодость с нами); «Но Настена остановила себя: а не так ли и он спрашивал, впервые увидев ее после фронта: к кому бежал? ради кого *наломал дров?*» (В. Распутин. Живи и помни).

Происхождение этого выражения уже пытались установить. Известный советский языковед С. И. Ожегов обнаружил одно из первых употреблений выражения «в широком переносном значении» в «Памятной книжке Воронежской губернии на 1892 год» (хотя вряд ли в такой «деловой» книжке оно употреблено в переносном значении. — Ю. Г.).

В литературных текстах, по мнению С. И. Ожегова, оно впервые встречается у донских писателей — М. Шолохова в «Поднятой целине» и М. Никулина в «Полой воде». На этом основании С. И. Ожегов делает вывод: «...Это выражение, вероятно, идет из южновеликорусских говоров».

Версия, высказанная языковедом, получила поддержку учителя русского языка из Ставропольского края Ю. Ф. Родина, который в письме Ожегову писал: «Да,

это выражение и в прямом и в переносном смысле существует только на Дону».

Однако сам С. И. Ожегов не без основания замечает: «Неясным остаются реальные условия возникновения переносного значения из прямого, в существовании которого трудно сомневаться». И вот то, что не может объяснить ученый, легко пытается сделать Ю. Ф. Родин: «На Дону хворост и валежник называют дровами. И поскольку хворост не является толстым, то применение топора не требуется для его рубки. А хворост и валежник ломают на колене... Естественно, что ломаются дрова (хворост) неровно: одна хворостина длиннее, другая короче. И вот там-то, на Дону, и пошли выражения: *Ну, наломал, как дровишек; Сделал, как дровишек наломал*, т. е. «неровно, нехорошо». А отсюда и переносный смысл, отсюда распространение этого выражения повсеместно, отсюда ссылка автора (и очень правильная!) только на донских писателей».

Утверждения, как видим, очень решительные. Но...

В 1928 году (т. е. до указанных произведений донских писателей) А. Платонов написал повесть «Сокровенный человек». В ней, в частности, рассказывается об одной операции против белых. Один из героев — Пухов — решает пустить пустой железнодорожный состав на бронепоезд белых. Хотя бронепоезд этот оказался на другом пути, операция произвела на станции большое разрушение. «Все ж таки мы им *дров наломали* и жуть нагнали», — говорит Пухов. И там же: «...а народу в пустоте трудно будет: *он вам дров наворочает* от своего неуместного сердца».

Известно также, что это выражение часто употребляли артисты цирка, когда речь шла о неудачно выполненном трюке.

Итак, мы видим, что, во-первых, не только «донские писатели» употребляли это выражение и, во-вторых, оно было распространено у людей определенных профессий.

Давайте обратимся к словам, составляющим рассматриваемое выражение. Слово *дрова* имеет нейтральное значение, но употребление накладывает на него определенный, отрицательный отпечаток: *дровяной лес* — лес невысокого качества, не строевой, годящийся только на дрова; «это не стулья, а *дрова*» (т. е. плохого качества). В русской пословице *Дальше в лес — больше дров* речь

идет о том, что выполняемое дело усугубляется в отрицательном смысле.

Слово *ломать* имеет одно из значений «калечить, увечить», а также «ломая, привести в негодность»; *наломать* означает также «сломать», «ломая, привести в негодность». Как видим, эти слова вполне пригодны для создания выражения с общим значением отрицательного действия. Можно добавить еще ряд выражений: у Гоголя в «Ревизоре» — «Зачем же *стулья ломать?*»; у Сухова-Кобылина в «Свадьбе Кречинского» — «Я из него *дров* и лучины *нащеплю*».

В довоенной литературе встречаются случаи употребления одного глагола — *наломать*, без слова *дров*: «—Сафонова в штаб сажайте. В строю он негод. У него и урону больше будет, не обережет он казаков, да и сам, гляди, *наломает*» (М. Шолохов. Тихий Дон); «...Добармия — это всероссийская помойка. Ничего созидательного, даже восстановительного в ней нет и быть не может. А *наломать* она может, и даже весьма серьезно» (А. Толстой. Хождение по мукам).

Следует отметить, что такое сокращенное употребление выражения обычно наблюдается тогда, когда все выражение полностью хорошо известно носителям языка. Тогда читатель или слушатель легко «дополняет» его и все понятно.

Все сказанное приводит к мысли, что «хворост» в возникновении этого фразеологизма никакой роли не играет. А тогда откуда же оно? Более вероятно, что оно возникло в среде людей, выполняющих какую-то сложную работу, например в среде артистов цирка. В пользу такой версии, как думается, говорит и каламбурное употребление этого выражения, например: «Бараки терпеливо ожидали, когда приползут грохочущие механизмы и *наломают дров*» (А. Иванов. Восьмой этаж).

К метафорическим относятся и такие выражения: *гнуть горб* — «трудиться до изнеможения», *городить огород* — «затеивать сложное, хлопотное дело», *закидывать удочку* — «пытаться разузнать что-то».

Другая группа метафорических выражений связана с бытовыми хозяйственными работами. Привычный склад жизни повторялся у нескольких поколений, хотя и частично изменялся. Этот уклад, существовавший обычай, нормы поведения откладывались и во фразеологии.

Так, для русского крестьянина XVIII и XIX вв. ха-

рактальной летней обувью были лапти. Лапти плели в деревнях из лыка, нижнего слоя коры, или луба. Лапти нужно было стараться сделать красивыми, поэтому *не каждое лыко* можно было *ставить в строку* (ряд лаптя), отсюда и современное выражение со значением «не нужно упрекать по любому поводу, даже незначительному». Сравните также выражение *не лыком шит* — «не хуже других». С плетением лаптей связано и выражение *хоронить концы* — конец лыка в строке лаптя нужно было хорошо заделывать, хоронить.

Выражение *не мытьем, так катаньем* основано на старинном способе обработки белья. Выстиранное белье наматывалось на валки и разравнивалось с помощью доски с рубцами, которая называлась рубель. Если хозяйка и не отстирала как следует белье, то старалась придать ему хороший вид катаньем, что и породило фразеологизм со значением «любими средствами добиваться чего-то»: «— А то другой сосед у нас в те поры завелся, Комов, Степан Никтополионыч. Замучил было отца совсем: *не мытьем, так катаньем*» (И. Тургенев. Одино дворец); «Дудник понял: *не мытьем, так катаньем* нужно принудить Ольгу» (В. Анчишкин. Арктический роман).

Из крестьянского быта вышли выражения *подножный корм* — «даровое питание» или «средства существования, добываемые где придется»; *держаться в кубышке*, *хоть из-под земли достать* — от обычая зарывать деньги «на черный день» в землю в кубышке; *распутывать клубок* — «разрешать какое-то трудное дело» — от вязанья; *ни в тын ни в ворота, ни кола ни двора* и др.

Некоторые выражения этой группы восходят к древним обычаям. Так, выражение *из полы в полу*, означающее теперь «непосредственно от одного к другому (передать)»; в прошлом было связано с запретом продажи скотины непокрытой рукой, так как, полагали, от этого животное может лишиться плодovitости: «Спасибо, цыган оказался человеком доброй души, поторговавшись, он сбавил и последний рубль, *из полы в полу* передал Шукарю повод недоуздка, даже притворно всхлипнув» (М. Шолохов. Поднятая целина).

А теперь рассмотрим второй путь переноса значения — метонимический. Метонимия — перенос значения по связи, по смежности явлений. Если метафорический перенос связан с двумя совершенно разными явлениями, то метонимический основан на двух связанных

явлениях, например части и целого. И здесь возникает вопрос: а как же с образностью?

В кинофильмах активно используется прием крупного плана. Вот фильм «Сережа», созданный по рассказу В. Пановой. В нем есть такой эпизод: мальчик Сережа обижен, он плачет. Создатели фильма не показывают нам его плачущее лицо, а вместо этого мы видим, как на песок у его ног падают одна за другой капли — слезы. И это вызывает у нас больше чувств, чем могло бы вызвать лицо плачущего. Вот вам образное повествование о происходящем.

Показ явления крупным планом — характерный путь метонимического переноса. Вместо всего человека называется какая-то важная «деталь», например голова: *бедовая голова, умная голова, удалая голова, забубенная голова, шальная голова* и т. д. Такой «частью тела» может быть душа, существование которой ранее предполагалось, а теперь она называется по традиции: *чистая душа, робкая душа, чернильная душа* и т. д.

Обозначаются люди и через детали их одежды: *алые погоны* — «суворовцы», *голубые каски* — «солдаты сил ООН», *зеленые береты* — «спецвойска США».

Уже говорилось, что довольно типичным оказывается перенос, когда вместо внутреннего состояния человека называется его внешнее проявление: *делать большие глаза* — «удивляться», *скалить зубы* — «смеяться», *грохнуть пальцем* — «сердиться».

Нередко труд человека, его профессия, представляется в виде названия его орудия производства, детали машины и т. д., например: *крутить баранку* — «быть шофером, управлять машиной».

Метонимический перенос значения позволяет передавать временные отношения через характерную деталь: *со школьной скамьи* — «со времен учебы в школе», *до седых волос* — «до старости», *до гробовой доски* — «до конца жизни» и т. д.

К метонимическим переносам относится наименование какого-либо социального явления, общепринятого обычая, характерной детали этого обычая, традиционно воспроизводимого: *идти под венец* — «выходить замуж, жениться»; *выносить ногами вперед* — «хоронить» и т. д. Ситуация может быть и выдуманной, как и при метафоре: *крутить носом* — «привередничать», *задирать нос* — «задаваться», *вешать нос* — «унывать» и т. п.

Метонимия, указывая на связь частей и целого, дает возможность показать предмет в ряду явлений, родственных ему, связанных с ним в действительности. Конечно, для правильного восприятия метонимического образа также необходимы два компонента: знание действительности и воображение.

Уже говорилось о том, что метафорические выражения могут иметь узкоограниченный характер, быть употребительными и понятными только в одной семье, в одной местности, среди людей одной профессии и т. д. Может быть такое и при метонимических образованиях. Приведем пример из художественной литературы.

В книге Е. Пермяка есть такой сюжет. В одном месте России правил «выходец из чуждальных земель по фамилии Бугберг». И вот он решил поставить памятник, который изображал медведя. В ознаменование открытия этого памятника у его основания по распоряжению правителя были выпороты несколько провинившихся рабочих с завода, на территории которого был установлен этот своеобразный памятник. «С тех пор наказания плетьюми, розгами, кончавшиеся часто смертью, происходили у подножия памятника. *Привести к медведю* означало «выпороть гласно и всенародно». Вот такая история рассказана в книге «Горбатый медведь». Конечно, смысл выражения был понятен только для жителей этой местности.

В ПОИСКАХ ИСТОКОВ ОБРАЗА

Загадочность многих фразеологизмов зовет к поискам их истоков разных людей: лингвистов и историков, писателей и просто любителей словесности, русского языка. Такие поиски часто приводят к стремлению связать фразеологизм с именем того или иного человека. История фразеологии дает этому немало примеров. Действительно, ряд выражений связывается с именами известных людей. Мы уже знаем, что выражение *квасной патриотизм* связано с именем П. Вяземского. Но часто такая связь оказывается выдуманной.

Начнем с выражения *держат камень за пазухой*. Его современное значение — «таить злобу против кого-либо, быть готовым сделать пакость, гадость кому-то». Откуда оно взялось? Должен, казалось бы, быть какой-то определенный факт, который объяснял бы его образную основу. Поищем!

Вот перед нами текст пушкинской «Истории Петра», замечательной научной работы великого поэта, в которой шаг за шагом прослеживается жизнь и деятельность русского царя. В одном месте речь идет о стрельцком мятеже. Царевна Софья, стремившаяся к власти, поставила во главе стрельцов, постоянных воинов того времени, князя Хованского. Он был готов вместе с Софьей использовать стрельцов против молодых братьев — царей Петра и Иоанна.

Вскоре после того стрельцы под предводительством попа-расстриги Никиты производят новый мятеж, вторгаются в соборную церковь во время служения, изгоняют патриарха и духовенство, которое скрывается в Грановитой палате. Старый Хованский представляет патриарху и царям требования мятежников о словопрениии с Никитой. Стрельцы входят с налоем и свечами и *с камнями за пазухой*, подают царям челобитную. Начинается словопрениие. Патриарх и холмогорский епископ Афанасий... вступают в феологический спор.

Настает шум, *летят камнями...*

Этот исторический факт вполне мог бы стать основанием для возникновения фразеологизма. Но не будем спешить с выводами. Отметим только одно: действительно камни носили за пазухой, когда замыслили что-то недоброе.

А вот факт более ранний. С. В. Максимов, известный этнограф, автор книги «Крылатые слова», которая уже упоминалась, связывает выражение *держать камень за пазухой* с другим случаем. Ссылаясь на польского летописца Мациевича, он связывает возникновение выражения с пребыванием поляков в Москве в 1610 г. Хотя поляки и пировали с «москалями», но, остерегаясь и понимая свое положение, держали за пазухой камни. На всякий случай.

Если как следует поискать, то можно найти еще немало подобных случаев в истории. Вспоминают, например, о «каменном налоге», введенном Петром I. Чтобы замостить улицы Москвы, каждый въезжающий в нее должен был дать камень в виде пошлины. Однако при этом, естественно, возникает недоуменный вопрос: почему эти камни нужно было везти «за пазухой» и как это может быть связано со значением выражения, с выражением зла?

Можно еще вспомнить древнюю сказку о шемакином суде. В ней бедняк, судившийся с богатым, пошел на хитрость. Он заложил за пазуху камень, обмотанный платком, и изредка показывал его судье. Судья, подумав, что в узле завернут ему подарок, решил дело в пользу бедняка, а потом, когда узнал, что это камень, снова обрадовался, полагая, что бедняк угрожал ему смертью, а он сумел ее избежать.

И все-таки вряд ли такие версии могут быть реальными. Видимо, образ фразеологизма просто основан на подобных случаях.

Следует учитывать определенное символическое значение, связанное со словом *камень* в русской фразеологии. А значений таких два. Во-первых, камень выступает как символ надежности, крепости, устойчивости: *надейся как на каменную стену, быть как за каменной стеной, краеугольный камень* и т. д.; из камня строились городские стены, которые должны были спасти от нашествия врагов. Все это способствовало становлению значения.

Во-вторых, камень означал нечто плохое, связанное с трудностями и со злом: *камень на душе лежит, камень с души свалился* — «наступило облегчение», *камень на шее, каменное сердце, подводные камни, под лежащий камень вода не течет, бросать камни (камешки) в чужой огород*. Камни были для наших предков большим препятствием при расчистке участков под пашню.

Это выражение обнаруживает большую вариантность состава: «Поверь ему, он всех под одну статью подведет. Зубы скалит, а *камень за пазухой*» (Ф. Гладков. Повесть о детстве); «— Нет, дядя, не отпляшешься, — с угрозой заявил парень. — *Выкладывай камушек из-за пазушки, коль принес*» (В. Тендряков. Находка); «Молчу я... ничего ему не перечу, а сам про себя уж за *пазухой камушек припас...*» (С. Подъячев. Разлад).

А. Х. Востоков, крупнейший русский языковед, этнограф и поэт, написал в 1804 г. стихотворение «Откровение музыки», в котором есть такие строки:

Да не затворится олимп блаженный
Видению твоих очес,
И да всегда с тобой пребуду,
Посланница небес.
Не бо возможен мной руководимый
О *камень зла* ноги преткнуть...

В выражении *камень зла* наблюдается любопытное явление. Это выражение, с одной стороны, как-то связано с библейским *камнем преткновения*, т. е. «причиной неудачи, помехой в деле», но вместе с тем оно напоминает о выражении *камень за пазухой*, т. е. о затаенном зле. И вот образуются новые сочетания, в которых речь идет о зле, но это зло уже называется не словом *камень*, а своим собственным наименованием: «— Я ведь прост. *Зла* долго *не держу*» (В. Тендряков. Свидание с Нефертити); «— Братушка, *не держите* на меня *сердца*, я перед вами не виноватая» (М. Шолохов. Тихий Дон). Слово *сердце* в этом примере означает «гнев, раздражение».

Впрочем, зло можно «держат» не только в сердце или в душе, но и в голове, уме: «— Иди домой! Ты еще мал годами, чтобы *зло в уме держать*» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

Как видим, было немало оснований для возникновения этого выражения.

Фразеологизм *лодыря гонять* как будто прост. Слово *лодырь* хорошо известно всем нам, говорящим на русском языке. Правда, в XIX в. в значении «лентяй» оно считалось местным, областническим. В. И. Даль, введя его в свой Словарь, отметил, что оно бытует в трех губерниях: Воронежской, Тамбовской и Костромской. Однако позднее оказалось, что оно известно в 20 губерниях

России. В. И. Даль привел два варианта слова: *лодарь* и *лодырь*, а значение определил так: «повеса, бездельник, шатун и плут, гуляка, оборванец». Он также высказал предположение о немецком происхождении слова и, видимо, не ошибся. Происхождение его от немецкого предполагает и Макс Фасмер в своем Этимологическом словаре. В немецком есть слова *lottevig* — «беспутный» и *lottera* — «бездельничать».

Но почему все-таки *гонять лодыря*? И вот начинаются поиски объяснений.

Недавно вспомнили, что в начале XIX в. в Москве был популярен врач Лодер. Он открыл в 1829 г. «заведение искусственных минеральных вод». Больные в этой клинике прогуливались по саду со стаканами воды. И возникла версия: дескать, вид этих «бездельников» в глазах народа и привел к обозначению их по имени врача Лодера.

Однако версия критики не выдержала. С. А. Рейтер в заметке «Еще раз о слове *лодырь*», опубликованной в журнале «Русская речь» (1982. — № 6), пишет: «Небольшой круг состоятельных московских больных частного и очень недолго существовавшего заведения едва ли мог стать поводом быстрого распространения слова в широчайшей народной среде, большей части государства, даже если допустить, что какому-то московскому остряку и пришлось в голову так назвать пациентов московского профессора».

Итак, слово *лодырь* с кликой Лодера не связано. И все-таки почему *гонять лодыря*?

Здесь следует вспомнить, что у нас есть немало выражений для бездельников. И одно из них — *гонять собак*. Если сравнить ранее рассмотренный образец преобразования фразеологизмов, когда образный элемент заменяется словом с прямым абстрактным значением типа *держат камень за пазухой* → *держат зло*, то возможен вполне аналогичный случай, а именно: *гонять собак* → *гонять лодыря*. Вот вам еще одна версия, опирающаяся на факты языка.

Различные толки вызвало выражение *здать баню* кому-то, т. е. «сильно ругать, бранить кого-то» или «побить кого-то». Одни исследователи считают его заимствованным, другие — исконно русским. Опять налицо разные точки зрения.

И. М. Снегирев, ученый XIX в., связывал его с расска-

зом летописца XII в. Мартина Галла о польском короле Болеславе Храбром. Этот король, по словам летописца, брал с собой в баню провинившихся молодых людей знатного рода и там их наказывал, т. е. *задавал баню*. Но польский ученый Франтишек Челаковский, узнав об этом, отверг гипотезу на основании того, что выражение *здать баню* известно во многих славянских языках.

Советский лингвист Н. М. Шанский в книге «В мире слов» (3-е изд., испр. и доп. — М., 1985) говорит о немецком происхождении этого выражения. Всю серию «головомойных» фразеологизмов — *намылить голову*, *мыть голову*, *здать пару*, *здать баню* — он возводит к немецкому выражению *den Kopf waschen* — «мыть голову». При этом Шанский ссылается на В. И. Даля, который тоже считал выражения *намылить голову* и *вымыть голову* переводами с немецкого.

Вместе с тем выражение как будто очень русское, если учесть, как у нас была распространена баня в прошлые времена. Эд. Вартаньян, автор книги «Из жизни слов», пишет: «Иностранцы издавна удивлялись русскому обычаю париться в бане. Да и на самом деле вид человека, только что вышедшего из парилки, необычен: лицо все красное, пот так и катится, глаза утомленные... Можно подумать, что его кто-то только что устыдил, напугал, выбранил...» Но это, так сказать, «лирический» подход. Гораздо серьезнее анализирует происхождение выражения В. М. Мокиенко.

Он пишет: «Если уж связывать выражение *здать баню* с обычаями банных истязаний, то почему именно эпохи Болеслава Храброго? Известно, что и в Древней Руси при пытках «на заказ» подозреваемого преступника сажали в жарко натопленную баню и, «подавая пару», не давали ему пить до тех пор, пока тот не сознавался в содеянном злодеянии».

Исследуя выражения различных славянских языков, связанные с нашим фразеологизмом, рассматривая их и с точки зрения значения, и с точки зрения формы (что особенно важно!), В. М. Мокиенко приходит к выводу: «С одной стороны, метафорическое употребление слова *баня* как символа жестоких побоев известно фразеологии многих языков. Следовательно, трудно предположить, чтобы эта, можно сказать интернациональная, символика восходила к узконациональному образу или обычаю. С другой стороны, эта «банная» метафора отражена

польским и другими славянскими языками в иной конструкции... чем русским (*здать, дать баню*), для фразеологии которого характерна именно модель *дать* + существительное... это типично русское языковое воплощение «банной» метафоры, известной фразеологии многих народов».

Приведенный пример показывает, как важно при поиске истоков учитывать не только содержание, но и форму выражений.

И конечно, говоря о поисках «не в ту сторону», нельзя обойти два выражения — *как на маланьину свадьбу и попасть как кур во щи*.

Кто был той Маланьей, чье имя увековечено во фразеологизме? Так был поставлен вопрос для поисков.

Но прежде остановимся на одном моменте, на поиске собственных имен, отраженных во фразеологизмах, что оказывается наиболее трудным делом. Речь идет не о выражениях типа *как Мамай прошел, потемкинские деревни, столыпинский галстук* и тому подобных, в которых отражены подлинные имена и о которых вы узнаете в следующих разделах. Нас интересуют фразеологизмы типа *показать кузькину мать, лупить как сидорову козу, куда Макар телят не гонял*. Кто этот Кузька, эти Сидор и Макар, чем они знамениты, почему они попали во фразеологию? Вряд ли когда-нибудь мы узнаем это. Однако попытаться можно. Например, в пословицах русского народа обнаруживается определенное, устойчивое отношение к собственным именам. Сказанное вовсе не означает, что человек, носящий то или иное имя, должен обладать определенными качествами. Имена в пословицах носят символический характер. Это образы, созданные народом и «привязанные» к подходящим именам. Причины, почему выбрано то или иное имя, бывают самые различные: звучание имени, связь его с народными обычаями и т. д.

Вот, например, имя Варвара. Оно не очень благозвучно, ассоциируется со словами *варвар, варварство*. Это уже основания для его отрицательной характеристики. Но есть и еще основание. Существовал в Москве в далеком прошлом застенок возле церкви Святой Варвары, у Варваркиных ворот. И вот народ говорил: *Иди к Варваре на расправу; Кому Варвара, а мне голову оторвала*. А тут еще день святой совпал с моментом укорочения ночи. И закрепилась за Варварой слава нечистой на

руку: *Варвара ночь украла; Поймали Варвару у чужого амбара; Проворна Варвара на чужие карманы; Варвара мне тетка, а правда — сестра*.

Есть некоторые основания и для характеристики Кузьмы. *Подкузьмить* — значит «обмануть». М. Фасмер так определяет значение слова: «От имени собст. *Кузьма*, как *объе́орить* — то же от *Ее́ор*. День св. Козьмы и Демьяна — 17 октября — считался раньше сроком истечения сельскохозяйственных сделок». К этому следует добавить, что при расчете хозяин старался обмануть работников, «подкузьмить» их.

В русских пословицах Кузьма характеризуется отрицательно. Он злой, мстительный: *Наш Кузьма все бьет за зла; Не грози, Кузьма, не дрожит корчма*. Но он, правда, и бедняк: *Горькому Кузьеньке горькая и песенка; Горькому Кузьеньке горькая долюшка*. Если Кузьма сам таков, то можно полагать, что и родители его были такими же.

Не забыт в пословицах и Макар. Он тоже беден и забит: *На бедного Макара все шишки валятся; Писал Макарка своим огарком*. И вот этому бедному Макару негде пасти своих телят, он вынужден пасти их далеко, на заброшенных выпасах. А то место, о котором говорится во фразеологизме, еще дальше — *куда даже Макар своих телят не гонял*. Вот таким и может быть объяснение выражения.

Здесь необходимо сделать одно важное замечание. Народная «оценка» того или иного имени очень часто противоречит собственно тому, что означает имя (когда имена понимались как «значимые»). Так, в «Словаре русских личных имен», составленном Н. А. Петровским (М., 1966), можно узнать, что *Кузьма* происходит от греч. *kosmos* — мир, украшение; *Варвара* — от *Varvár-*, греч. *barbaros* — иноземец; *Макар* — греч. *makarios* — блаженный, счастливый. И т. д.

Но никак нельзя признать Макара «счастливым», если на него все шишки валятся, если он вынужден гонять телят очень далеко.

Вернемся к *маланьиной свадьбе*, по поводу которой существует немало версий.

Версия первая. В 1885 г. вышел «Опыт областного словаря Академии наук». В нем приводится объяснение выражения. «*Маланьина свадьба* — обильный обед. Намек на свадьбу (атамана. — Ю. Г.) С. Д. Ефремова с Маланьей Карповной — бывшей черкасской торговкой,

красавицей, в 1795 году». В дальнейшем черкасские жители подтвердили факт этой свадьбы. Эта версия была поддержана М. И. Михельсоном в его книге «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии».

Однако версия вызвала сомнения. В самом деле, почему свадьба, о которой, конечно, не могла знать вся Россия, вдруг приобрела такую широкую популярность, дала основание фразеологизму? Были и другие основания сомневаться. В сборнике академика А. И. Соболевского «Великорусские народные песни» встречается выражение *Маланьин зять богатый*. Сохранились в народных обрядах *маланьины именины*, отмечавшиеся перед Новым годом, они назывались также *маланки*.

Была высказана и другая версия. В статье, опубликованной в 1907 г., Т. А. Мартемьянов представил это выражение как свадьбу Петра I и Екатерины, которую в народе звали Маланьей. Однако пословицы о Маланье, простоватой и глупой женщине, были на Руси и до Петра I. Эта версия вызвала еще больше сомнений.

Против первой версии выступил известный ученый В. И. Чернышев. Он писал: «Мы думаем, что решение вопроса о происхождении выражения *маланьина свадьба* нужно искать в народном быте, в народных праздниках и связанных с ними обычаях. Заметим, что рядом с данным выражением с таким же значением существует выражение *Маланьины именины*».

По церковному календарю день Мелании Римляныни приходится на 31 декабря, т. е. канун Нового года. В старой России это был большой народный праздник молодежи, особенно хорошо и долго сохранявшийся на Украине. «На Маланку» здесь в разных местах хозяйки в обилии пекли блины, оладьи, пампушки и варили вареники... Для увеселения и получения угощения в этот по народному названию «щедрый вечер» по домам ходили ряженые с музыкой и танцами. Между прочим, они разыгрывали шуточную свадьбу Васыля (Василия Кесарийского, день 1 января) и Меланки.

Вот это празднование, по мнению ученого, и легло в основу выражения.

И наконец, еще одно предположение. Т. Н. Кондратьева, изучавшая роль собственных имен в пословицах русского народа, приводит немало пословиц, в которых фигурирует Маланья (Меланья): *Ананья с ящички* (т. е. с сундуками), *а Маланья с кашником* (т. е. с угощением

новобрачным); *У Маланьи с маслом оладьи*; *Какова Маланья, таковы у ней и оладьи*. Гостеприимство Маланьи, по ее мнению, и породило выражения, закрепившиеся в русской фразеологии.

Видите, сколько различных мнений может быть по поводу одного, казалось бы, нехитрого выражения и его «собратьев».

В наше время активно употребляется только одно из этих выражений — наготовить, наварить и т. д. *как на маланьину свадьбу*, причем оно передает даже некоторое неудовольствие по этому поводу, как бы протест против излишеств: «Кухарка достала с бруса покрытую полотенцем краюху хлеба и, наставив один конец этой краюхи в живот, отвортила от нее ножом для нас два огромных ломтя хлеба. — Эх ты, голова, — произнес Демьяныч, — *на малашкину свадьбу, что ли?*» (С. Подъячев. У староверов).

В заключение рассмотрим историю изучения выражения (*попасть*) *как кур во щи*. Его значение в современном языке таково — «попасть в неожиданную беду, в неприятность»; и примерно в этом же значении оно употреблялось в художественной литературе XIX и XX вв.: «Жаль только Алексея Панкратича: *как кур во щи попался*» (М. Загоскин. Кузьма Петрович Мирошев); «Эх, поспешил я, влез *как кур во щи!* — мысленно сокрушался Яков Лукич» (М. Шолохов. Поднятая целина).

Выражение это никого не смущало; все понимали его: петуху — по-старинному «куру» — не повезло, вот он и попал в щи. Не должен был попасть, но попал. Известны аналогичные выражения у других славянских народов: болг. — *как петух в пеньку*, польск. — *как козел в колодец*. Есть и у нас в диалектах: в ярославских говорах — *как гусь в щи*, в новгородских — *как гусь в кашу*.

Все началось с того, что писатель Б. Тимофеев в книге «Правильно ли мы говорим» написал: «*Попал как кур во щи*». Такой вариант представляет собой явное искажение, хотя и очень древнее. Из кур, как правило, щей не варят. В чем же дело? Куда же в таком случае попал петух? Все дело в искажении народной поговорки: *Попал, как кур в ощиц*.

В свою очередь, это заявление писателя вызвало недоумение: разве петухов люди употребляют в пищу, не оципав? Но версия, как ни странно, получила поддержку

не только у писателей, но и у некоторых языковедов.

Вслед за ней возникла и новая: раньше, дескать, был вариант *попал как кур в щап*. Щапом назывался капкан. А затем спор перешел в кулинарный план: готовили ли из петухов щи?

В разгар этой полемики выступил проф. А. И. Молотков и убедительно доказал, что в текстах писателей прошлого выражение это употреблялось только в одной форме — *попал как кур во щи*. Что касается формы *как кур в щап*, то слова *кур* и *щап* существовали в русском языке в разные периоды, что исключает возможность их объединения в словосочетание.

Вот какие истории бывают в исторической фразеологии при поисках истоков выражений.

ЧТО МОГУТ ПИСАТЕЛИ

Можно не раз наблюдать, как существующий столетия фразеологизм вдруг начинают употреблять не так, как это принято. И конечно, далеко не всегда это объясняется неграмотностью людей, поступающих так. Здесь обнаруживается весьма любопытное противоречие в языке: с одной стороны, язык стремится к устойчивости, к стабильности, чтобы различные поколения могли понимать друг друга, но, с другой — язык, как и всё в жизни, не может стоять на месте, он должен развиваться.

Что касается фразеологии, то в ней одной из причин, побуждающих изменять фразеологизмы, оказывается затухание образности. И вот начинают «оживлять» образную основу.

В Словаре В. И. Даля и его сборнике пословиц есть выражение *одеться в деревянный тулуп* — т. е. «умереть». Его использует Даль и в своем рассказе «Варнак»: «Мы справили [покойнику] *деревянный тулуп* и отмежевали вотчину в косую сажень».

Образная основа выражения хорошо понятна — гроб представляется как последняя одежда человека. Но у людей разных профессий и разных социальных групп есть и своя одежда. Так вот фразеологизм преобразуется, как бы «привязываясь» к определенной группе людей. «Матросы любят выражаться по-своему. Брюки у них — «шкары», на корабле они не служат, а «огребают по-лундру», остаться на флоте пожизненно на их языке означает «*трубить до деревянного бушлата*» (М. Годенко.

Минное поле). Видите, матросы вместо тулупа подставили название флотской одежды.

А у артистов своя одежда: «— А я-то уж думал, что никогда не увижу этакого праздника... Что мне только и остается *надеть «деревянный фрак»*... то есть гроб, да в могилу лечь, не узревши славы вашей» (А. Алтаев. К вершинам искусства).

Или вместо тулупа — сарафан: «— Беру немца за шиворот. Пеняй на себя, если пикнешь. Схлопочешь *сосновый сарафан*» (Ю. Власов. Постулат философии).

Уточняется даже понятие «деревянный»: «— Может, ты своему отцу избу приехал ставить? — сердито спросил Евдоким. — *Тулуп сосновый* он мне сколотит, как на погост провозжать» (К. Федин. Костер).

Развитие образа — один из путей «освежения» образной основы. На базе устоявшихся возникают новые выражения, которые как бы продолжают, развивают образ. Сравните:

дубовая голова — *хоть кол на голове теши* (о тупом человеке);

далеко пошел (продвинулся заметно по службе) — *рукой не достанешь*;

дырявая память — *память как решето*.

Это все народное творчество. А что могут писатели?

Если учитывать, что фразеологизмы как языковые единицы двусторонни, т. е. имеют форму, словесный состав и содержание, значение, то преобразование фразеологизмов может быть трех типов:

1) когда изменяется значение, но остается неизменным словесный состав фразеологизма; это семантическое преобразование;

2) когда изменяется словесный состав, а значение остается то же, во всяком случае существенно не меняется; это лексическое преобразование;

3) когда изменяется и словесный состав, и общее значение фразеологизма; это наиболее существенное лексико-семантическое преобразование.

А теперь рассмотрим каждую из названных разновидностей подробнее.

Если изменяется значение языковой единицы, то изменяется и ее сочетаемость. Сочетаемость, т. е. слова, с которыми она выступает, и служит показателем значения.

Выражение *во всю ивановскую* употребляется обычно

со словами *кричать, орать, горланить* и тому подобными словами «звучания», причем громкого. Происхождение выражения связано с названием Ивановской площади в Московском Кремле, где находится колокольня Ивана Великого. На Ивановской площади в прошлом «площадные глашатаи» выкрикивали царские указы, что закрепилось во фразеологизме.

Но уже Н. В. Гоголь нарушил традицию. В повести «Нос» он употребил его в иной ситуации: «Эй, извозчик, вези прямо к обер-полицейстеру!» Ковалев сел в дрожки и только покрикивал извозчику: «*Валяй во всю ивановскую!*»

Особенно полюбилось выражение А. П. Чехову. Он удивительно расширил его значение:

Соловей пел *во всю ивановскую*.

Вся молодежь гуляет на свои дивиденды, во все тяжкие и *во всю ивановскую*.

Я порешил во что бы то ни стало пожить *во всю ивановскую* так, чтобы потом жить одними воспоминаниями.

Капитала нет, а он *во всю ивановскую* жарит, сломя голову.

Милости просим! Во всяком случае *во всю ивановскую* будем стараться обставить вашу жизнь возможно комфортабельно.

Солнце блестит *во всю ивановскую*.

Лупит *во всю ивановскую* дождь.

Мечтаю о том, как в марте переберусь из Москвы на хутор, а в октябре—ноябре приеду в Питер жить до марта... А на хуторе медицина *во всю ивановскую*.

Мы тоже хлопчем *во всю ивановскую*.

Днем валит снег, а ночью *во всю ивановскую* светит луна, роскошная, изумительная луна.

...Валяйте *во всю ивановскую*.

Вслед за Чеховым стали шире употреблять выражение и другие писатели, например М. Шолохов: «В ту весну герны цвели *во всю ивановскую*».

Так под влиянием писателей может сформироваться новое значение. У нашего выражения появилось более широкое значение — «очень активно, интенсивно».

И еще ряд примеров, когда фразеологизмы употребляют писателями без изменения словесного состава, но в необычном значении.

«*Медовый месяц*» Февральской революции, по-весеннему бурно переживаемый всей Россией, у Алексея Рокотова совпал с крутым поворотом в его личной судьбе...» (Е. Пермитин. Первая любовь); «В последний раз ярко загорелась душа и потухла. *Короткое замыкание*» (М. Слонимский. Ровесники века).

С ликом иконно-белым,
В тужурочке вороненой,
дай мне

Высшую меру,
комиссар Филонов!
Высшую меру жизни,
высшую меру голоса,
высокую, как над жижей,
речь вечаемого колокола.

(А. Вознесенский. Зарев)

К числу семантических (т. е. смысловых) преобразований следует отнести и каламбурное использование фразеологизмов. Французское слово *каламбур* означает «игра слов». Достигается каламбурность или указанием на прямое и переносное значение выражения, или, чаще, употреблением рядом с фразеологизмом слов, связанных с ним по смыслу в прямом значении, например: «Это была такая речка, которая состояла из *чистой воды* керосина» (М. Анчаров); «Иной так искусно *кривит душой*, что кажется, только он один и *идет прямой дорогой*» (В. Жемчужников); «Тренер *не хватал звезд с неба*. Он их переманивал из соседней команды» (С. Марков); «*Перегибать палку* просто необходимо, если ты твердо решил сломать ее» (А. Чернов).

К. Ваншенкин в стихотворении «С ярмарки» обыгрывает выражение *ехать с ярмарки*, которое означает пожилой возраст человека, когда от него уже нельзя ждать больших свершений. Поэт употребляет его в прямом и в переносном значении, что создает эффект каламбура:

Годы катятся под уклон,
Словно яблоки.
Вечер землю берет в полон.
Едем с ярмарки.
— Сколько лет вам? Всего полста?
Просто гаврики!
— Я ж не то, чтоб совсем с поста —

Просто с ярмарки.
Ходкость плавного колеса,
Сон — как в ялике.
Чьи-то смутные голоса,
Едем с ярмарки.
Были цветики до поры,
Стали ягодки,
Едем под гору да с горы.
Ночью, с ярмарки.

Лексическое преобразование может совсем не изменить значение фразеологизма, хотя чаще, сохраняя его, что-то добавляет.

Убедимся в этом на нескольких примерах.

«— Юра, не отставай! — закричала, посмеиваясь, Женя. — Оттопчу пятки! — Юрий ничего не ответил, он лишь мотнул головой. «Попробуй, ноги коротки!» — говорил этот кивок» (В. Банькин. Четыре дня на «Соколе»).

Есть выражение *руки коротки*. Оно значит «нет возможности что-то сделать». В тексте это значение сохраняется.

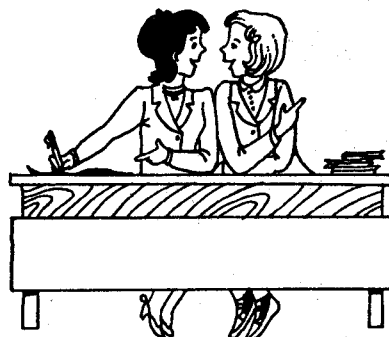
«Несколько месяцев назад мы начали вместе с ним писать пьесу. *Бьемся как две рыбы об лед* над образом человека почти без недостатков» (Т. Есенина. Женя — чудо XX века).

В приведенном примере выражение *как две рыбы об лед* распространено дополнительными словами, но его общий смысл не изменился. *Биться как рыба об лед* значит «тщетно, безрезультатно прилагать усилия, чтобы выйти из трудного, бедственного положения». Как видим, оно сохранено, но есть еще указание на то, что «бьются два человека».

«А у Федора *пол горел под ногами*, он сам бы хотел новыми глазами взглянуть на холст, сам себя осудить» (В. Тендряков. Свидание с Нефертити). Ср.: *земля горит под ногами*.

«Все, что рассказывал мне теперь Евдоким Кузьмич, я давно знал. Он *жил нараспашку*, ничего не скрывая» (С. Крутилин. Липяги). Ср.: *душа нараспашку* — «о чистосердечном, откровенном человеке».

Лексическое преобразование может заключаться в том, что какие-то слова в составе выражения опускаются и при этом значение все равно сохраняется:

Снова где-то на задворках
Мерзлый грунт боднул снаряд.
Как ни в чем — Василий Теркин,
Как ни в чем — старик-солдат.

(А. Твардовский. Василий Теркин)

«Но я чувствую, что это он *в твой огород*» (Е. Пермитин. Первая любовь). Ср.: *бросать камешки в чей-то огород* — «намекать на кого-либо в разговоре».

Особый случай составляет употребление фрагмента фразеологизма со значением его полной формы в повести М. Анчарова «Теория невероятности»: «— Люди нашей эпохи рассказывают дорожному попутчику историю своей жизни, и двое, годами жившие бок о бок, иногда мало что знают друг о друге. Такова наша эпоха. *Пуд соли, где ты?*»

Фрагмент взят из выражения *съесть с кем-то пуд соли*. Считалось и не без основания, что хорошо узнать человека можно, только долго его зная. А в качестве такого долгого общения взят образ — пуд соли. Поскольку соли много не едят, то пуд соли и символизировал собой долгое время.

Однако введение новых слов может и существенно изменять смысл фразеологического выражения. Фразеологизм *водой не разольешь* употребляется, когда нужно указать на крепкую дружбу людей. Ср. у А. Крона в «Бессоннице»: «Но вот *вода* заменена *кипятком*, и смысл

уже совсем другой: сцепились намертво, *кипятком не разольешь*».

Есть выражение *яблоко раздора* — т. е. «причина, послужившая ссоре, раздору между кем-то». А у поэта В. Федорова в поэме «Седьмое небо» *перья раздора*, но это уже иное:

Помню,
Грустный до слез,
В цеховое гуденье
Я в душе не принес
Соловиного пенья.
Не принес — и уже
Вместо птичьего хора
Закружились в душе
Только *перья раздора*.

По сути дела, мы уже перешли к третьему типу преобразований, когда изменяется и состав выражения, и его смысл.

Фразеологические выражения могут совмещаться. Если эти выражения синонимичны, то смысл либо сохраняется, либо изменяется не очень заметно: «...потом было профсоюзное собрание, на котором только я узнал, каким вредным делом занимался, отсутствие оправдательных документов *бросало пятно* на меня и весь цех» (В. Киселев. Веселый роман). Здесь совмещение: *бросать тень* + *накладывать пятно*; «*Влача* во всю свою жизнь суровую *лямку*, он не прочел ни одной книги, ни одной газеты...» (А. Куприн. Поединок). Ср.: *влачить жизнь* + *тянуть лямку*.

Новое значение получается, если соединяются фразеологизмы, различные по значению: «— Норма четыре кубометра в день на душу, заметь, *на такую душу*, какая и без этого чуть-чуть, *на одной ниточке в теле держалась*» (М. Шолохов. Судьба человека). Ср.: *висеть на ниточке* + *в чем душа держится*.

Такой прием совмещения двух фразеологизмов в одном выражении называется контаминацией. Он приводит к созданию новых, оригинальных, но понятных выражений. Есть, например, два выражения: *сорока на хвосте принесла*, как говорят о новостях, неизвестно откуда поступивших, и *сарафанная почта* — о новостях, которые передаются друг другу женщинами. Некоторая близость

этих выражений — о новостях — позволила соединить их в романе К. Симонова «Последнее лето»:

— Товарищ генерал, — заметив, что Захаров не спит, спросил водитель, ездивший с ним еще до войны, когда Захаров служил в Московском военном округе. — Не слышали, когда командующий армией вернется?

— Кто его знает, писал, что поправляется, но последнее слово не за ним, а за медиками. Почему спросил? Так просто или *солдатская почта* чего-нибудь *будь на хвосте принесла*?

Стилистически оправданной, создающей интересный эффект оказывается контаминация в повести Антонова «Дело было в Пенькове». Дочь председателя колхоза обращается к Матвею, человеку, который никак не может найти себе подходящее занятие: «*Работай как люди*». А тот отвечает: «*Работа не Алитет, в горы не уйдет!*» Здесь совместились пословица *Работа не волк, в лес не убежит* и название романа Т. З. Семушкина «Алитет уходит в горы».

К лексико-семантическим преобразованиям относятся и такие случаи, когда писатель, отталкиваясь от общеизвестного фразеологизма, создает, по сути дела, новое выражение, противоположное по значению, — антоним:

Ты не страшись быть *молодым да ранним*,
Быть *молодым да поздним* — вот беда.

(Е. Евтушенко)

В любом из нас бормочет и стоит
Наивное высокое время.
Где стоит жить. И *рыпаться* стоит.

(Р. Рождественский)

(Ср.: *сиди, не рыпайся*.)

Миру по *нитке* — голая станешь.
Ивой поникнешь, горкой растаешь.

(А. Вознесенский)

(Ср.: *с миру по нитке*.)

И наконец, еще один прием образования фразеологизмов — образование по модели. Автор, опираясь на какой-либо фразеологизм, создает сходный по структуре и смыслу, но из других слов.

Существует, например, выражение *ни пуха ни пера*. Так говорят, желая человеку успеха в каком-то деле, например перед сдачей экзамена. Мы, конечно, не подразумеваем, что в его основе лежит суеверие. А это именно так. В прошлом люди считали, что таинственные силы, охраняющие леса, реки и озера, помогают таким охотникам и рыбакам, которые не пользуются расположением людей. А вот к кому люди относятся плохо, тем лешие и водяные помогают. И родилось хитрое «пожелание наоборот»: вместо того, чтобы охотнику пожелать удачи, т. е., казалось бы, *и пуха, и пера*, ему желают неудачи.

Но пожелание это «привязано» к охотникам. А у М. Шолохова в романе «Они сражались за Родину» оно адресовано рыбакам: «На той стороне плеса Николай вырыл веслом в песке углубление под обрывом, вытащил нос лодки так, что корма низко осела, сказал: — *Ни жучка тебе, ни чешуйки!*»

И в песне Л. Лядовой «рыбацкое» пожелание:

Не желайте нам удачи,
Пожелайте неудачи —
Ни чешуйки, ни хвоста.

Примерно так же поступил и Л. Ошанин. Отталкиваясь от выражения *за тридевять земель*, т. е. «очень далеко», он писал:

Кто придумал, что мир очень тесен?
Побывайте в таежной глуши, —
За пять выстрелов, за десять песен
Здесь живая душа от души.

Как видим, писатели могут не так уж мало.

Глава 3

«ВЕРЬ В ЗВУК СЛОВ...»

СЛОВА ЛИ ЭТО?

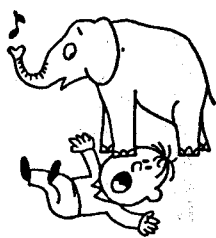
Одной из наиболее спорных проблем современной фразеологии как науки оказалась проблема отношений между компонентами фразеологизмов и соотнесенными с ними словами, единицами лексической системы языка. Слова или не слова компоненты фразеологизмов? Вот вопрос, который разделил фразеологов на два лагеря. Сначала несколько фактов.

К. И. Чуковский в книге «Живой как жизнь» приводит эпизод, который он наблюдал в Англии (нужно заметить, что Чуковский прекрасно знал английский язык).

Одна англичанка сказала приятельнице: «Мне на службе *дали птичку*. Этой идиомой она сообщила, что ее уволили со службы. Приятельница поняла горький смысл ее сообщения, но из нас троих только мною был замечен образ птички. И та, что произнесла эту фразу, и та, что услышала ее, очень удивились, когда я спросил у них, про какую птичку они говорят. Они обе не заметили этого образа — именно потому, что для них для обеих английский язык — родной, и они воспринимают идиомы своего языка, не вникая в их образы.

К этому можно лишь добавить, что действительно в английском языке есть выражение *to get the bird* — «быть уволенным», т. е. буквально «получить птичку».

Мы также, когда говорим, что денег *кот наплакал*, или кому-то *медведь на ухо наступил*, или кто-то *гадает на кофейной гуще*, не замечаем в этих выражениях образности, потому что привыкли к ним и даже не думаем об их составе. Кстати, отсутствие музыкального

слуха можно выразить и иначе — *слон на ухо наступил*. Как будто даже все равно, кто наступил.

Подобные факты привели известного французского исследователя фразеологии Шарля Балли к мысли о том, что компоненты фразеологизма ничего не значат. Он назвал их «псевдоозначающими». Вслед за ним некоторые фразеологи пошли еще дальше: компоненты фразеологизмов, утверждают они, вообще уже не слова, они утратили признаки слов.

Вот что пишет известный советский фразеолог А. И. Молотков: «а) компоненты фразеологизма суть не слова не только потому, что у них нет лексического значения, но и по форме; б) компоненты фразеологизма утратили различные грамматические категории, которые были присущи их генетическому источнику — слову (категории падежа, числа и т. д.). Компонент сохранил лишь звуковой облик слова, его звуковую оболочку».

Этот ученый не одинок в своих взглядах. Другой не менее известный фразеолог профессор В. П. Жуков замечает: «Компонент — составная часть фразеологизма, лишенная основных признаков слова...» Правда, тут же добавляет: «Взаимодействием свободного словосочетания с переосмысленным на его основе фразеологизмом создается внутренний образ, внутренняя форма фразеологизма, живущая в семантической структуре фразеологической единицы и во многом предопределяющая ее семантическую эволюцию».

Итак, с приведенных позиций составляющие фразеологизм «компоненты» вовсе не слова. «Компоненты» — бывшие слова, утратившие свои словесные качества. Нужно, однако, заметить, что ученые, разделяющие эту точку зрения, понимают фразеологию узко: они относят к ней только синтетичные образования, а фразеологические сочетания, по классификации академика В. В. Виноградова, не считают фразеологизмами.

Существует и другая точка зрения: хотя слова в составе фразеологизмов и утрачивают некоторые черты обычных слов, они все-таки продолжают оставаться словами. В защиту этого положения выдвигаются следующие доводы.

1. Если образность — важнейшая черта фразеологизмов, а это так и есть, то как может создаваться образ, «двойное видение», если компоненты полностью утратили связь с лексической системой языка? Ведь только за счет совмещения прямого и переносного значения компонентов и возникает образ. Об этом уже говорилось, но рассмотрим еще один пример.

В английском языке есть выражение, характеризующее человека, — *самая большая жаба в местном болоте*. Мы не знаем этого выражения. И тем не менее попробуем понять его смысл, опираясь на обычные значения составляющих слов. Хорошая это характеристика или плохая? Конечно, плохая, так как выражение включает слова *жаба* и *болото*, которые (как в русском, так и в английском языке) имеют значение с отрицательным оттенком. Но вместе с тем это выражение означает лидера, о чем говорят слова *самая большая*. Следовательно, опираясь на обычные лексические значения этих слов, мы смогли воссоздать образ и поняли смысл выражения. Можно ли было сделать это, если бы слова уже не были словами, т. е. ничего не обозначали бы? Нет. Вот такое осмысление образной основы за счет прямых значений составляющих слов советский академик В. В. Виноградов и называл «мотивацией».

2. Язык есть система. В нем различаются ярусы, которые находятся в определенной субординации, т. е. расположены «по старшинству». Единицы нижнего яруса формируют единицы следующего яруса. Так, звуковые единицы (фонемы) формируют части слова, морфемы (корни, приставки, суффиксы и т. д.), морфемы формируют слова. Если рассуждать логически, то фразеоло-

гизмы как более сложные образования должны формироваться словами.

3. Мы уже видели, как на основе существующих фразеологизмов могут возникать новые, с противоположным значением, — фразеологизмы-антонимы. Так вот, эти антонимы часто создаются за счет слов, которые являются антонимами в лексике. Свое антонимическое значение они и вносят в общее значение фразеологизма: *язык плох о подвешен — язык хорош о подвешен; легкий на подъем — тяжелый на подъем; открыть счет — закрыть счет* и т. д. Могло ли это быть, если бы слова ничего не значили в составе фразеологизма?

Еще интересней явление, когда такие антонимы возникают только во фразеологии. Антонимичность создается не привычной противопоставленностью значений в лексике, а тем, что противопоставляются жизненные явления: *повернуться лицом (к кому-то) — повернуться спиной* (хотя *лицо* и *спина* в лексике не антонимы); *заваривать кашу — расхлебывать кашу* и т. д.

4. Нередко фразеологизмы имеют варианты или синонимические устойчивые выражения, которые также определяют отношение слов в лексике: *стоять у кормила — стоять у руля, кровь бросилась в лицо — краска бросилась в лицо; кровь и играет — бродит, кипит, горит, бушует; переступить, перейти, перешагнуть через порог* и т. п. Варианты создаются либо за счет синонимов (*кормило — руль*), либо за счет слов, выступающих в данной ситуации как синонимы (*кровь — краска*), либо относящихся к одному ряду (*играет, бродит, кипит, бушует* — т. е. «обнаруживает активность»).

5. Авторское преобразование фразеологизмов, с которым мы уже познакомились, не было бы возможно, если бы слова не имели какого-то значения в составе фразеологизма.

Убедиться в этом можно путем эксперимента. Попробуйте ввести определения к таким компонентам в составе фразеологизмов, которые действительно уже перестали быть словами (в лексической системе они не употребляются, а встречаются лишь в застывшей форме во фразеологизмах): *бить баклуши, точить лясы, разводиться турусы*. Нельзя сказать: «Они били очень крепкие (большие, забавные и т. д.) баклуши»; «Ку-

мушки долго точили большие (странные, новые и т. д.) лясы»; «Незачем разводиться эти забавные (нелепые, фантастические) турусы». Так не говорят, хотя обычные слова писатели нередко снабжают «оживляющими»: *Кошки не обыкновенные, а с длинными желтыми когтями, скребли ее за сердце* (А. Чехов).

Вот такие серьезные аргументы приводят авторы второй точки зрения.

Кто же прав?

И СЛОВА, И НЕ СЛОВА

Прежде чем решать этот очень сложный вопрос, давайте договоримся, что мы будем понимать под словом. Само понятие «слово» настолько сложно, что нет до сих пор определения, которое охватывало бы это понятие применительно ко всем языкам. Поэтому будем говорить о понятии «слово» применительно к русскому языку. Откроем энциклопедию «Русский язык» под ред. Ф. П. Филина (М., 1979).

СЛОВО — важнейшая структурно-семантическая единица языка, служащая для наименования предметов, процессов, свойств. В структурном отношении С. состоит из морфем (в т. ч. и из одной — *там, вчера*), от которых отличается самостоятельностью и свободным воспроизведением в речи, и представляет собой строительный материал для предложения, в отличие от которого не выражает сообщения... С. ...характеризуется: структурной оформленностью (наличие собственного и единого ударения; пограничные звуковые сигналы; невозможность пауз внутри С. и их возможность между словами; непроницаемость, т. е. невозможность включения другого слова в их состав и др.); семантической идиоматичностью (произвольность связи звукового комплекса с определенным значением)...

Но и это еще не все. В большой статье указываются и другие признаки слова: оно объединяет в себе лексическое и грамматическое значения, принадлежит к определенной части речи.

Признаков, как видим, указано немало. Давайте выстроим их в ряд, чтобы легче было разобраться. Итак, признаки слова:

1) служит для названия (наименования) предметов, процессов, свойств;

2) состоит из морфем (корня, суффиксов, приставок, и т. д.);

3) свободно самостоятельно воспроизводится в речи, т. е. его можно произносить отдельно; при этом всем понятно, какое слово произнесли;

4) служит строительным материалом для предложения;

5) не выражает сообщения, т. е. не является мыслью;

6) имеет свое собственное ударение;

7) не допускает включения другого слова в свой состав, хотя может состояться из нескольких слов: *конармия, луноход*;

8) имеет значение, не исходящее из природы явления («произвольность связи с определенным значением»);

9) имеет лексическое значение (чаще — несколько);

10) имеет грамматическое значение; относится к определенным частям речи.

Совершенно ясно, что компоненты фразеологизмов обладают признаками слова под номерами 2, 3, 5, 6, 7 и 8. Остаются признаки 1, 4, 9 и 10. Вот на них-то мы и сосредоточим внимание.

Начнем с последнего. Имеет ли компонент фразеологизма грамматическое значение?

В составе фразеологизма, конечно, нетрудно различить глагол и прилагательное или существительное. Но мы «узнаем» их по лексическим единицам, по словам. С другой стороны, выражение *кот заплакал* нельзя представить как сочетание существительного с глаголом, потому что все это сочетание имеет значение наречия — «мало». Кстати, само выражение не изменяется, как это наблюдается и у наречий. Значит, компоненты фразеологизма уже не части речи? И опять-таки не совсем. Они могут реализовать в речи те формы, которые присущи свободным словам. Правда, не всегда и не все. *Кот заплакал* не изменяется, а вот выражение *бить баклуши* может иметь такие формы: *бил баклуши, била баклуши, били баклуши, будут бить баклуши, бьет баклуши, била бы баклуши*. Как видим, глагол изменяется, а управляемое им существительное нет, как и в обычных свободных словосочетаниях.

По поводу признака 4. Компонент фразеологизма, конечно, участвует в построении предложения, служит

материалом, но не сам, а вместе с другими членами выражения. Поскольку весь фразеологизм является одним членом предложения, то этот признак можно считать отсутствующим.

Теперь самое сложное: признаки 1 и 9. Называет ли компонент фразеологизма предметы, признаки, свойства? А следовательно, есть ли у него «лексическое значение»? Во-первых, значения компонентов могут быть самостоятельными, как, например, у слов, или несамостоятельными, как у частей слова (морфем), которые реализуются только в составе слов. Но есть и «во-вторых». Компоненты фразеологизмов в этом плане очень различны, и поэтому среди них можно выделить четыре группы.

Первую группу составляют компоненты аналитических фразеологических сочетаний, у которых в составе фразеологизма сохраняется их обычное значение. Это слово *патриотизм* в рассмотренном выражении *квасной патриотизм, услуга* в выражении *медвежья услуга*. Такие компоненты есть в выражениях *корень зла, сорвать зло, выместить зло* (слово *зло*); *память отшибло, девичья память, короткая память, память сердца* (слово *память*).

«Словный» характер этих компонентов ни у кого сомнений не вызывает. Более того, наличие в составе выражений таких компонентов побуждает некоторых фразеологов не относить подобные фразеологические сочетания к фразеологии.

Вторую группу составляют компоненты фразеологических сочетаний со связным значением, которое реализуется только в составе устойчивых выражений. Определить его (хотя и недостаточно точно, как мы видели) можно с помощью метода остаточного значения, предложенного А. И. Смирницким. Переведем это на язык математики. Если нам дано уравнение $6 + X = 10$, то мы легко можем установить значение X . Когда известно общее значение выражения и значение одного из компонентов, то можно определить и значение второго компонента. Так, зная, что выражение *девичья память* означает «плохая память», а слово *память* сохраняет здесь свое значение, мы определяем значение слова *девичья* как «плохая». Следовательно, здесь тоже можно говорить о наличии «лексического» значения, хотя и особого рода.

Третью группу составляют компоненты синтетических

выражений, но такие, которые имеют «родственников» в лексике. Этим компоненты «мотивируют», подсказывают, объясняют общее значение фразеологизма, его образную основу. Если попытаться представить их смысловую структуру, то она будет выглядеть в виде такого уравнения: $X + Y = 10$, где X и Y не могут быть установлены однозначно.

Например, что значат слова в выражении *кот заплакал*, если все выражение означает «мало»? Как будто бы ничего. И все-таки. Вспомним, как в сказке о Царевне-Несмеяне мамки и няньки подставляют ведра для слез царевны. Она много плачет. А вообще-то, можно ли много заплакать? Нет, конечно. А тут еще кот, маленькое животное, уж он-то, конечно, не может заплакать много. Так раскрывается образная основа фразеологизма. Сами по себе слова как бы полностью утрачивают значения, хотя без их значений нельзя составить образную основу.

Но если в формуле $X + Y = 10$ нельзя установить значение каждого члена, то это можно сделать при системе уравнений. Например: $2X + Y = 10$, $X + 2Y = 16$. Здесь уже все ясно: $X = 4$, $Y = 6$.

А теперь посмотрим «в системе» фразеологизмы. Установите, что вносят в значение фразеологизмов слова *муха* и *слон*, или, иначе, каково их символическое значение. Сравните:

*муха пролетит слышно
мухи не обидит
мрут как мухи*

*слона-то и не приметил
слон на ухо наступил
как слону дробина*

делать из мухи слона

Привлечение всей фразеологической системы языка, сопоставление разных фразеологических единиц позволяют нам в данном случае сделать вывод: в русской фразеологии *муха* символизирует собой нечто малое, незначительное, тогда как *слон* — нечто большое, значительное. Вот вам и «псевдоозначающие». На самом деле вернее было бы сказать не «псевдоозначающие», а «косвенноозначающие». Так языковеды и говорят — косвенная номинация.

В этой связи следует вспомнить высказывание М. Горького: «...слово всегда являлось символом, то есть речение возбуждало в фантазии народа ряд живых образов и представлений, в которые он облакал свои

понятия. Примером первобытного сочетания впечатлений является крылатый образ ветра: невидимое движение воздуха олицетворено видимой быстротой полета птицы; далее легко было сказать: «Реют стрели яко птицы». Заметим, отвлеченное понятие как бы материализовалось, представлялось в виде чего-то видимого, наблюдаемого.

Итак, в составе синтетичных выражений компоненты также могут иметь свое особое, фразеологически обусловленное значение.

Четвертую группу составляют компоненты, которые можно определить как «умершие слова». Это компоненты, которых нет уже в лексике и которые в составе фразеологии сохранились лишь в единичных образованиях. Естественно, что в настоящее время они уже не имеют лексических значений вообще.

Учитывая все сказанное, решать вопрос о том, являются компоненты фразеологизмов словами или нет, нужно дифференцированно.

И ВСЕ-ТАКИ СЛОВА

Символический характер компонентов фразеологизмов уже замечен. Так, рассматривая значение слова *капля*, академик В. В. Виноградов отметил, что это слово «понимается не только как вода или жидкость вообще, в самой мелкой, минимальной (какую только можно отделить) дозе, но и как мера, количество всего текучего, того, что лишено твердых очертаний. Слово *капля* становится символом минимального количества чего-нибудь».

Действительно, слово *капля* уже даже оторвалось от «текучего» и может обозначать минимальное количество чувств, например: *капля жалости*, *капля сострадания* и т. д. Употребляется слово *капля* с этим символическим значением в составе фразеологизмов *до капли*, *до последней капли крови*, *ни капли*, *капля за каплей* и т. д.

И еще по поводу слова *капля* В. В. Виноградов заметил: «Быть может, эту фразеологию поддерживает еще потенциально сохраняющееся в литературном языке, дремлющее под спудом... представление душевной жизни, психических переживаний в образе воды». В этом замечании, очень тонком и верном, отражена неразрывная связь слова-символа с духовной жизнью народа.

Образ воды активно связан с жизнью человека: *жизнь течет, время течет, сколько воды утекло* и т. д.; *изливать душу, смывать позор, осушить горе, осадок на душе* и т. п.

Образ воды связан с другим словом-символом — *чаша*. Чаша символизирует психические переживания человека, характеризует социальные явления: *чаша терпения переполнилась, испить чашу до дна, полная чаша* (о хорошей жизни), *пить горькую* (смертную) *чашу* и др.

Как же возникали, формировались такие слова-символы?

Начальным этапом была метафора. Началось с символизации окружающих человека вещей, предметов, явлений. Наиболее наглядно это происходило в символизации животных. Наблюдая за животными, домашними и дикими, во время охоты, люди стали видеть в них человеческие качества. Одним животным приписывалась трусость (зайцу), другим — жадность и свирепость (волку), третьим — хитрость (лисе), четвертым — коварство (змее). Постепенно животные стали символическими носителями человеческих качеств.

Одним из сложных символов среди мира животных оказался петух. Дошедшие до нас выражения *красный петух, пускать красного петуха* не просто метафора «огонь — красный петух», хотя эта метафора закрепилась у многих народов Европы в пословицах и фразеологизмах.

Для древних славян петух как живое существо был символом главного бога — Перуна — и домашнего очага. В различных магических обрядах использовался петух. Этнограф А. Н. Афанасьев рассказывал, что от испуга человека лечили окачиванием водой, в которой был выкупан петух: здесь соединялись две великие силы, почитаемые народом, — вода и огонь в виде петуха.

Как видим, на первых этапах символизировался сам предмет, а затем символику приняло слово-название. Вспомним вновь и об обычаях, когда вместо словесного отказа жениху вручался предмет-символ (тыква, корзина). Символическое значение приобретали и явления природы.

И вот, видимо, явление становилось эмблемой, знаком отвлеченной мысли. Например, черный цвет, напоминая человеку ночной мрак, стал связываться с изображением всего черного, мрачного, злого, мертвящего.

Давайте проследим этапы формирования одного символа из числа наиболее характерных в русской фразеологии — слова *карман*. Оно входит в значительное число фразеологизмов: *набивать карман, толстый карман, тощий карман, пустые карманы, ветер у кого-то в карманах гуляет, тряхнуть карманом, держи карман шире, карманная чахотка* и др.

Слово *карман* существует в языке давно. Известно имя новгородского посадника — Кормана, которое упоминается в Псковской летописи под 1343 г. В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» оно встречается в трех текстах, помеченных XVII веком. Значение его определено так: «Род мешочка или сумки, которые пристегиваются или пришиваются к одежде или поясу». Значит, карман можно было носить и отдельно от одежды.

Профессор В. И. Чернышев записал старинную песенку, в которой упоминается карман, отделенный от одежды: «Он [милый] пришел ко мне не рано, он принес мне три кармана: первый карман с пирогами, второй карман с орехами, третий карман со деньгами». Значит, карман предназначался для переноски различных предметов. Но все-таки, как показывают все три текста «Словаря», чаще всего он использовался для денег. Слово *карман* связано с латинским и тюркским словами, обозначающими «кошелек». Связь «деньги — помещение для них» позволило установить метонимический перенос по связи. Карман стал ассоциироваться с деньгами, обозначать «деньги, достаток». И это значение закрепилось за словом-символом.

Сначала, видимо, возникали выражения типа *набить карман, тощий карман, полный карман*. А затем ассоциации стали шире и пошли более интересные метафорические образы: *тряхнуть карманом, ветер в карманах гуляет, карманная чахотка*. Сюда же относится и выражение *держи карман шире*, которое имело более полный вариант, объясняющий его иронический смысл: *Держи карман шире, широким книзу*, т. е. «не рассчитывай на щедрость кого-то».

Слова-символы различны по своему происхождению. Есть исконные, их большинство, но есть и заимствованные. Заимствованными оказываются библейские образы; многие символы были заимствованы европейцами из эллинской культуры: *лавры* — символ почета, *весы* — символ правосудия и др.

В русской фразеологии есть целые группы таких слов-символов. Из них мы рассмотрим три группы: наименования животных, наименования цветов и наименования частей человеческого тела.

О БРАТЬЯХ НАШИХ МЕНЬШИХ

Наши далекие предки верили в то, что между людьми и животными существует родство. Каждое племя выбирало себе такого «родственника» и делало его символом рода или племени — тотемом. После этого животное нельзя было убивать и употреблять в пищу. Тотемизм был распространен у всех народов, а его пережитки сохранились в религиях.

Отголоски этого мы и сегодня можем встретить в поэзии. Например, у Сергея Есенина:

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве.
И зверье как братьев наших меньших
Никогда не бил по голове.

Наши «меньшие братья»... Особенно это относится к домашним животным, которые помогали человеку в труде, обеспечивали пропитание. Но человек далеко не всегда был справедлив к своим «меньшим братьям». Он приписывал им многие грехи, вплоть до связи с нечистой силой, приписывал и свои, человеческие качества, чаще всего плохие. А потом животное оставалось символом, носителем такого качества. И началось это давно.

Можно вспомнить историю с *козлом отпущения*. У древних евреев был обычай. Раз в году богу приносили жертву. Эта жертва должна была сняться с людей грехи за год. Но жертва была весьма своеобразна. Выбирали козла, на него все кающиеся «возлагали руки», что должно было означать перенесение на козла их грехов, и затем бедного козла отпущения отпускали, вернее, торжественно прогоняли в пустыню на гибель. Так и до сих пор человека, страдающего за чужие грехи, называют *козлом отпущения*.

Не повезло козлу и у славян. Его считали представителем нечистой силы, чему во многом способствовали рога и особый запах, идущий от него. И вот козла стали специально держать на конюшне, чтобы отпугивать нечистую силу от коней, чтобы домовый не мог по ночам

загонять лошадей. Этот обычай отразился во фразеологизме *служить за козла на конюшне*, т. е. «бездельничать».

И в других выражениях *козел* и *коза* выглядят не очень хорошо: от козла нет никакой пользы (*как от козла молока*), он бездельник (*ни шерсти ни молока*), громко кричать — *драть козла*, его нельзя пускать в огород (*пускать козла в огород* — значит «давать кому-то доступ туда, где он опасен»); *лупить кого-то как сидорову козу*; если к кому-то невозможно найти подход, говорят *на козе не подъедешь*. Вместо «к черту» посылали *к козе на именины*: «— Да пошли они оба к козе на именины. Нечего нам, жена, и думать о них» (Е. Пермяк. Сказка о сером волке).

Собака издавна считалась другом человека. Но это с одной стороны. Выражения *собачья верность*, *собачья преданность* по-хорошему оценивают собаку. Но таких выражений мало. Гораздо больше других: *собачья жизнь*, *собаке собачья смерть*, *каждая собака кого-то знает*, *как собак нерезаных*, *собаке (псу) под хвост (выбросить)*, *любить как собака палку*, *гонять собак* (о бездельниках). Собака в этих выражениях сохраняет свой библейский образ гонимого и обижаемого существа. Она еще и жадная — *собака на сене*, неуживчивая — *как кошка с собакой (живут)*.

Более века пытаются ученые разгадать тайну выражения *собаку съел*, означающего «приобрел большой опыт, основательные знания в чем-то». Вроде бы и нехитрое выражение, но ни одна версия не объясняет, как оно возникло. Судите сами.

Одну из первых попыток сделал русский ученый А. А. Потебня. Он возводил выражение к крестьянской жизни, связывал его с крестьянским трудом. «Тот, кто искутился в этом труде, знает, что такое земледельческая работа: устанешь, с голоду и собаку съел бы», — писал А. А. Потебня.

Академик В. В. Виноградов заметил по поводу такой этимологии: «Этимология Потебни несколько не уясняет современного значения этой идиомы...»

Пытался объяснить выражение этнограф С. В. Максимов в своей книге «Крылатые слова». По его мнению, в этом выражении кроется насмешка над петрозаводцами, которые будто бы нечаянно чуть не съели на свадьбе щи с собачатиной. Версия неубедительна: во-

первых, она не объясняет значение выражения, во-вторых, непонятно, откуда могла эта история быть известной народу, чтобы войти в устойчивое выражение.

Еще одна версия принадлежит М. И. Михельсону, одному из первых ученых, кто пытался в конце прошлого века создать словарь-справочник русской фразеологии. Он писал: «Выражение *«собаку съесть»*, в прямом смысле, не нуждается в объяснении: известно, что некоторые народы Азии, Африки и Америки употребляют в пищу собачье мясо... Кук вылечился однажды от тяжелой болезни употреблением собачьего нава. Гиппократ повествует, что греки ели собачье мясо. У римлян оно служило лакомым блюдом, и Плиний уверяет, что жареный щенок считался блюдом богов».

О начале употребления собачьего мяса повествует писатель Порфирий (III век н. э.) следующее: «Однажды во время жертвоприношения собаки кусок мяса упал с огня на землю. Жрец, подымая с земли кусок, обжег себе пальцы и по обычному в таком случае невольному движению сунул пальцы в рот и тут же обратил внимание на приятный вкус сока, попавшего ему на язык. Он съел половину собаки, а другую отнес к жене... Вскоре по городу пронесся слух об этом удачном открытии; всякий желал попробовать вкусное блюдо и собачина вошла во всеобщее употребление».

Легенда занятая, известно, что многие легенды, записанные древними греками и римлянами, стали достоянием широких масс в дальнейшем. И она даже как будто объясняет происхождение значения выражения: *собаку съел* — приобрел опыт, сделал открытие.

Но не исключено, что поиски ведутся совсем не в том направлении. Недавно один из советских фразеологов — В. М. Мокиенко — пришел к выводу, что выражение *собак вешать* на кого-то, т. е. «наговаривать, клеветать на кого-то», подразумевает совсем не животное, а... репей. Прицепляя к одежде человека заговоренный репей, полагает ученый, ему наносили вред. Здесь заманчиво соотносятся слова «наговаривать на кого-то» и «наговаривать, заговаривать с целью магии». Может быть, и в выражении *собаку съесть* повинна какая-то другая «собака»?

Пусть нас не очень удивляет, что собака выступает во фразеологии в таком плохом качестве. Видимо, это произошло и потому, что собака воспринималась когда-

то «представителем» нечистой силы. Действительно, сравните: *черт с тобой — пес с тобой, черт тебя поберет — пес тебя поберет*.

Нужно заметить, что не все народы так отнеслись к собаке в своей фразеологии. В киргизской фразеологии, например, собака в основном характеризуется положительно. И это объяснимо: собака была и есть для киргиза-скотовода, для чабана, пастуха верным помощником и другом. За что же ее обижать?

Кот и кошка тоже не очень хорошо охарактеризованы в русской фразеологии. С одной стороны, они наиболее загадочны из домашних животных и никак не поддаются полному одомашниванию. Недаром известен образ кошки, которая гуляла сама по себе. И вот выражение *кот в мешке* — как нечто неизвестное, которое есть и у других народов, например у французов. А у словаков в этой роли выступает заяц: *не покупай зайца в мешке*, говорят они.

У англичан кот и кошка символизируют злого, сварливого, недоброежелательного и хищного человека. И у наших выражений можно обнаружить эти качества: *(живут) как кошка с собакой; знает кошка, чье мясо съела; кошки на душе скребут; отольются кошке мышканы слезки*.

Но в русской фразеологии кошка еще представляет неряшливую, изможденную, ведущую себя странно женщину: *драная кошка, как угорелая кошка*.

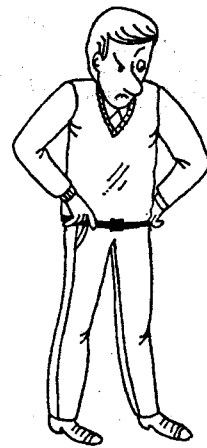

Мы еще не говорили о *черной кошке*, которая перебегает дорогу. Но об этом чуть позднее.

Конь, лошадь — великие трудяги, игравшие в крестьянском хозяйстве очень важную роль. Они и символизируют это качество во фразеологии: *устал как лошадь, укатали сивку крутые горки, старый конь борозды не испортит*. Но эти животные представлены еще словами *мерин, кобыла*. Они входят в другой ряд: *врет как сивый мерин, сон сивой кобылы, пришей кобыле хвост*. Последнее выражение характеризует ненужного, лишнего человека, «примазавшегося к кому-то или чему-то»: «— А я знал, что у попа Чередовского симпатия есть, родня не родня, а так сбоку припека, *пришей кобыле хвост* — можно сказать» (В. Шишков. Ванька Хлюст).

И даже главная кормилица русского крестьянина — корова — не избежала насмешливых выражений: *(идет как корове седло, как корова на льду; чья бы корова мычала, а наша молчала*. Корова в них выступает как существо непривлекательное, несуразное. И только одно выражение как будто отдает дань кормилице — *дойная корова*, но и оно, кроме значения «источник материальных благ», имеет еще добавочное — «которым пользуются беззастенчиво, в личных интересах»: «Раз стал хозяином, то знай — ты *дойная коровушка*, свое гнездо тебя сосет, сыто не бывает» (В. Тендряков. Кончина).

И уж самое недоброжелательное отношение выражено во фразеологии к свинье: *свинья грязь найдет, поступать как свинья, подложить свинью* («сделать втихомолку кому-то неприятность»), *ко всем свиным послать (кого-то), как свинья (вымазаться)* и т. д. Есть еще

старинное выражение *узнать, на чем свинья хвост носит*, т. е. «хорошо понимать какое-то зло».

Такое недоброжелательное отношение к свинье идет из Библии, откуда пришло выражение *метать бисер перед свиньями*, т. е. «напрасно доказывать кому-то то, что он не сможет или не захочет понять». Видимо, это и привело к такому же отрицательному значению слова *свинья* во фразеологии многих народов Европы.

Неблагодарность свиньи представлена и в баснях, например в басне И. А. Крылова «Свинья под Дубом», или «Свинья». Только у немцев свинья выступает еще и символом благополучия и удачи, что объясняется сказкой «Ганс-счастливчик»: «Ганс получил за свою свинью большое богатство».

Отдельные символы — названия животных выступают во фразеологии как антонимические пары, четко противопоставленные. Например, *муха* или *комар* как символы чего-то малого и *слон, медведь* как символы большого. Традиционны «обижаемые» и «обидчики»: *кошка* и *мышка*, *медведь* и *корова*, *волк* и *овца*. Последние сохраняют свою библейскую символику. *Овца* — символ кротости и смирения, *волк* — жестокости, алчности: *покорная овечка, заблудшая овечка, сердце бьется как овечий хвост, с поганой овцы хоть шерсти клок; старый волк, волчий аппетит, хоть волком вой; дорваться как волк до падали, волчьи законы, волчьи повадки, волка ноги кормят, волку сеном брюха не набить, не клади волку*

пальцы в рот и др. Во многих пословицах и фразеологизмах они выступают вместе: *Ловит волк роковую овцу; Крадет волк и считанную овцу; Выть тебе волком за овечью простоту; Встань овцой, а волки готовы; Не прикидывайся овцой, волк съест; И волки сыты, и овцы целы.*

По народным поверьям, зима определялась как волчье время, потому что она в образе волка нападала на мир, на людей. Не случайно февраль месяц назывался «лютень». Волчья символика была и в выражении *волчий билет*. В дореволюционное время этот билет сначала выдавался преступникам, приговоренным к ссылке, затем его стали выдавать людям, выступавшим против власти. Человек, получивший такое удостоверение, мог находиться в населенном пункте не более трех дней, он становился изгоем, подобно волку, вынужден был бродяжничать по стране. Из гимназии тоже могли исключать с «волчьим билетом», что закрывало человеку доступ к образованию.

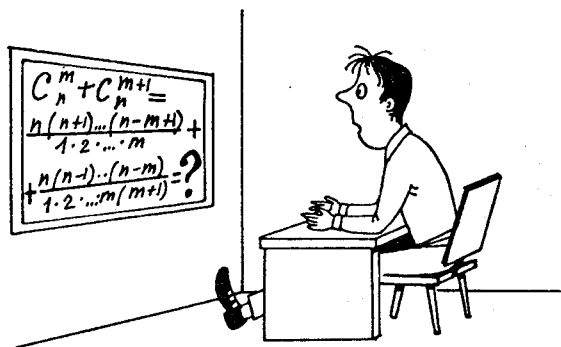
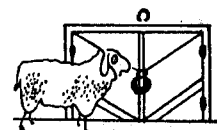
Образ-символ, называющий животное, формировался под влиянием различных поверий. Поэтому могло существовать два или даже несколько мнений по поводу того или иного животного. Из них обычно побеждало то, которое было ближе к народным массам.

В качестве примера можно привести отношение к зайцу. Д. К. Зеленин, известный русский этнограф, писал: «В запретах и иных поверьях о зайце много таких, которые явно созданы не в охотничьей среде, во всяком случае — не первобытным охотником. Таково, например, поверье о близости зайца к нечистой силе».

Да, по верованиям древних славян, заяц представлялся как образ черта. Встреча с зайцем считалась дурным предзнаменованием у всех славян, в Германии, Англии, Франции, у разных народов Кавказа.

Но победило не это отношение к зайцу. Заяц представлен в народном устном творчестве с симпатией. За этого зверька, хотя он и выступает символом трусости, обычно заступаются действующие лица сказок. И в русских сказках, и во фразеологии он вовсе не связан с нечистой силой, а лишь представляет трусость: *заячья душа, труслив как заяц*; за ним все время кто-то гонится — *гнаться за двумя зайцами, убить двух зайцев*.

Символы — названия животных у многих народов совпадают, но вместе с тем у каждого народа своя

система этих символов, свое отношение к различным животным. Если в русской фразеологии тупость и умственная ограниченность представлены бараном — *как баран на новые ворота (смотрит)*, то у немцев — корова — *как корова перед новыми воротами*; а у болгар для этого целый набор: *(смотрит) как молодая козочка на новый снег, как корова в церкви, как кошка в календарь*.

Разное отношение даже не всегда можно объяснить. Вот, например, ворон. В древних поверьях он таинствен, умен, понятлив, молчалив. В русской фразеологии и пословицах *ворон ворону глаз не выклюет, каркает как ворон* («предсказывает» обычно несчастье), *вещий ворон*. В немецкой фразеологии он негодяй, безобразник, прожорливый; *родители-вороны* — бросающие своих детей, жестокие родители.

Индюк в русской фразеологии символизирует чванство: *надулся как индюк*; или глупость: *глупая индюшка*. У киргизов он символ сварливости, у французов — тупости. Пожалуй, только к волку одинаковое отношение у многих народов: он символизирует жестокость и у англичан, и у чехов, и у других народов.

Посмотрите таблицу, в которой показано, какие животные у разных народов символизируют те или иные человеческие качества. Вы убедитесь, что есть немало общего, но весьма заметны и различия. Сходство объясняется общими источниками (например, Библией), а различия — особенностями жизни каждого народа, его географическими условиями и т. д.

Человеческие качества	Их носители в русских сказках	Символы в русской фразеологии	Символы во фразеологии других языков
умственная ограниченность, тупость	волк, осел, баран, коза	баран, осел, коза, бык, свинья	нем. — коза; итал. — осел, бык; болг. — волк, осел; англ. — гусь, мул, кукушка; франц. — индюк, выпь; чешск. — лошадь, вол
коварство, хитрость	лиса, змея	змея, лиса, уж	итал. — змея, лиса; болг. — змея, лиса; нем. — кошка; кирг. — кукушка, змея, лиса; англ. — грач
лень, тунеядство	трутень	тюлень, трутень	франц. — морской рак; нем. — коза; кирг. — верблюд
нечистоплотность	свинья	свинья	англ., итал., болг. — свинья
смирение, покорность	овца	овца	итал., нем., болг. — овца; англ. — собака, кошка
жестокость	волк	волк	кирг., англ., итал. — волк; чешск. — вороненок
трудолюбие, выносливость	конь, вол, муравей	вол, пчела, лошадь	болг., нем. — лошадь; нем. — конь, бык; кирг. — конь, муравей, пчела, ишак
верность	собака, конь	собака	болг., нем., кирг. — собака; нем. — конь

КАКОГО ЦВЕТА ДОБРО

Мир наш полон красок, а человек в нем художник. Он радуется многоцветью цветов, яркой голубизне неба, нежной зелени весенней листвы, поспевающим золотистым хлебам. Его тревожат грозные фиолетовые тучи, темнота ночного неба.

Цвет издавна вызывал у человека различные чувства. Это казалось необъяснимым, и тогда цвет начал символизироваться, ему стали придавать магические свойства.

В наше время мы не верим в магию, но по-прежнему признаем, например, символику цветов. Цветок нежного ириса, подаренный девушке, как утверждает легенда, помогает завоевать ее симпатию. Ландыши и фиалки олицетворяют пробуждение (и это нетрудно понять, так как это цветы весны), колокольчик — разлуку.

И окраска цветка играет роль: невесте дарят белые цветы, а ветерану — красные. Почему?

Белый цвет — цвет чистоты, красный символизирует жизнь и заслуги. Так считаем мы, люди XX века, опираясь на народные традиции.

Существовала определенная символика в литературе. Но древняя русская литература, испытывавшая заметное влияние иноязычной, своей символикой отличалась от народной символики.

На народную символику влияла жизнь народа, которая ее и создавала. Цветовая символика не составляет в этом отношении исключения. Так, красный и белый цвет были любимыми цветами одежды русских с давних пор. Под влиянием символики цвета устанавливались правила и предписания одежды для различных ритуальных событий. Например, Свадебный чин «Домостроя», свода житейских правил и наставлений XVI века, требовал, чтобы на свадьбе были определенные цвета одежды: желтые летники (женская народная одежда XVI—XVII вв.) и красные сарафаны, желтый девичий венец невесты в первый день свадьбы, белый летник во второй день и т. д.

Спустя много времени, уже в наше время, ученые провели ряд исследований, показавших, что цвет вызывает в мозге человека определенную реакцию. Так, голубой вызывает чувство покоя и удовлетворения, темно-голубой — чувство безопасности. Когда сильно возбужденного человека помещали в комнату, стены которой были окрашены в розовый цвет, он очень быстро успокаивался и впадал в сонливое состояние.

А теперь посмотрим, как представлен цвет в русской фразеологии, в какой мере фразеология отразила народную символику цвета.

Большинство прилагательных, называющих цвета спектра, образовались в нашем языке давно, в XI—

XII вв., и уже в развитии получили свои символические значения, а иногда и несколько значений. Некоторые из них изменились. Это как раз и привлекло к ним внимание современных лингвистов, особенно фразеологов.

В современной науке принято делить все цвета на две основные группы: ахроматические и хроматические. Термины эти идут от греческого слова *chroma*, т. е. крас-ка, цвет. Ахроматические — это не имеющие собственно «цветовых» признаков: черный, белый, серый. Их скорее нужно было бы назвать «световыми», поскольку они называют степень освещенности. К хроматическим отно-сят наименования основных цветов спектра.

У большинства народов отношение к белому и чер-ному цвету сходно. И это нетрудно понять: белый цвет — цвет дня, черный — ночи. Отсюда и связь белого цвета с добрым, с добром, а черного — со злом.

Противопоставленность белого и черного встречаем и в русских пословицах: *Белая деньга про черный день; Рыло черно, да совесть бела; Свет бел, да люди черны; Черного кобеля не отмоешь добела; Работа черна, да денежка бела* и др.

Эта же противопоставленность встречается и в произ-ведениях писателей. Так, у А. С. Пушкина в «Сказке о мертвой царевне» положительная героиня *всех румяней и белей*, а отрицательная — *черной зависти полна*.

Итак, белый цвет рассматривается прежде всего в отношении к черному.

Белый цвет почитался и древними римлянами, о чем свидетельствуют выражения латинского языка *отмечать день белым камешком* (как счастливый), *голосовать за что-то белым камнем* (одобрять). От этой традиции, видимо, было принято голосование: «за» — белыми ша-рами, «против» — черными (*прокатить на воронях*).

Слово *белый* входит в большое количество фразео-логизмов русского языка, около тридцати устойчивых сочетаний включают его. В ряде выражений оно сохра-няет свое «цветовое» значение: *белый хлеб, белая ночь, белый билет* («освобождение от воинской повинности»), *белый день, белый уголь* («вода») и др. Но далеко не всегда.

В некоторых выражениях речь идет как будто о цвете, но на самом деле это слово несет положительную оцен-ку. Так, *белый гриб* высоко ценится, хотя он совсем не белый, *белое мясо* — диетическое.

Некоторые фразеологизмы изменили цветовое и поло-жительное значение слова *белый*. Это относится, напри-мер, к сочетанию *белая кость*. Еще А. И. Герцен в «Былом и думах» указывал на возникновение отрицательного от-ношения к высокомерному определению «высшей породы людей»: «Студент, который бы вздумал у нас похвастать-ся своей *белой костью* или богатством, был бы отлучен от «воды и огня», замучен товарищами».

И уже совсем определенное отношение к этому «бар-скому» выражению сложилось после Октябрьской ре-волюции: «Кто тебя, гимназера, *белую кость*, в Чеку до-пустил?» (И. Голосовский. Записки чекиста Братченко).

Наряду с *белой костью* употреблялись и такие вы-ражения: «— Только тут тебя, *серая кость*, и не хватало» (Л. Лагин. Голубой человек); «— Я же с кавказского фронта... Здесь только четыре недели, все время с бело-бандитами воевал. Из этой винтовки не одну пулю вогнал в *голубые косточки*» (А. Толстой. Хожение по мукам). Варианты эти объяснимы: *серая кость* возникла под влиянием *серой скотинки, серой массы*, а выражение *голубая кость* родилось от двух выражений — *голубая кровь* и *белая кость*. Как уже говорилось, это явление называется контаминацией.

Метафорический характер имеет выражение *белое пятно*. Фразеологизм *белое пятно* возник после того, как картографы (с XVII в.) стали оставлять на картах «бе-лые пятна», «белые места», т. е. неизученные, неисследо-ванные земли. (До этого карта заполнялась полностью в соответствии с фантазией составителя.)

Однако в текстах XVIII в. употребление выражения *белое пятно* не обнаружено. Есть, правда, у Пушкина выражение «*белое место*».

«Правила, коими будем руководствоваться при изда-нии, следующие:

1) Как можно более оставить *белых мест* и как мож-но шире расставлять строки...»

Выражение *белое пятно* так и оставалось сначала «географическим», но в дальнейшем у него стали разви-ваться новые значения. Оно стало означать «нечто не-изученное, непонятное»: «— Молодцы вы! Ведь это же крупный удар по одному из главных бичей производ-ства высоколегированных сталей. Ведь так, чего доброго, можно и совсем ликвидировать эти «*белые пятна*», фло-кены» (В. Кочетов. Молодость с нами); «Может быть,

биография с белыми пятнами» (Ю. Герман. Дело, которому ты служишь).

И еще одно значение развивается у этого фразеологизма — «недостаток, изъян, пробел»: «После долгих лет явного пренебрежения древностью родилась потребность заделать брешь в исторической эрудиции, заполнить белые пятна незнания прошлого...» (В. Осипов. Ускорение).

Но вот, наконец, несколько выражений, в которых реализуется символическое значение «чистый»: *белая изба, белая баня* (в отличие от черной, без дымохода), *белая работа*... Однако, во-первых, это связано не с моральной чистотой, а с физической. Во-вторых, к такого рода выражениям несколько настороженное отношение проявилось уже в старинных пословицах: *Белые ручки чужие труды любят; Белоручка, чистоплюйка, да умом обносился*.

У других народов есть отрицательные значения, связанные со словом *белый*. Так, у французов *белая ночь* — «ночь без сна», *белое отчаяние* — «крайнее отчаяние». Но для нас важнее другое.

Во Франции белый и красный цвета были противопоставлены в связи с тем, что они символизировали две враждебные партии. Под белым флагом шла контрреволюция. И когда Французская революция, шедшая под красным флагом, уступила врагу, в стране начался *белый террор*. Выражение это и было заимствовано русским языком. Сначала оно переводилось на русский язык полностью, т. е. все слова были заменены соответствующими русскими эквивалентами: получился *белый ужас*. А. И. Герцен писал в «Письмах из Франции и Италии»: «Это была какая-то новая история о *белом ужасе*» (*terreur blanche*) в 1815».

Потом второе слово было восстановлено в его родном виде и получилось выражение *белый террор*.

После Великой Октябрьской революции слово *белый* приобрело заимствованное значение «контрреволюционный», с которым оно противопоставлялось слову *красный* — «революционный».

Отрицательное отношение обнаруживают также фразеологизмы со словом *белый*: *выдавать черное за белое, што белые нитками* («стремление неудачно скрыть что-то»), *сказка про белого бычка* — «бесконечное повторение одного и того же», *(доводить) до белого кале-*

ния — «приводить в состояние иступления». И вот получается, что слово *белый* по сути утратило свое символическое значение добра. Чем это можно объяснить? Мы уже говорили: фразеология больше внимания обращает на отрицательные явления.

А вот со словом *черный* дело обстоит иначе.

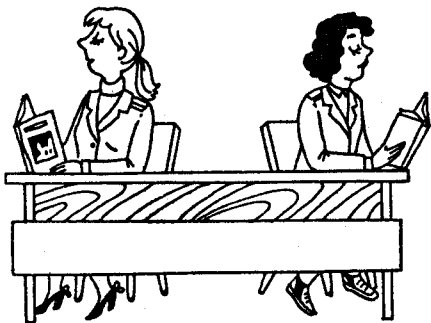
Многие выражения со словом *черный* не дошли до нас, хотя они бытуют в диалектах. Словарь В. И. Даля приводит немало выражений, в том числе и устаревших, со словом *черный*: *черное дело* («подлое дело»), *черная работа* («тяжелая, грубая работа»), *черный день* («пора бед, нужды»), *черный глаз* («недобрый, завистливый») и др. Немало подобных выражений живет и сейчас: *черный список, черная биржа, черная касса* («самодельная»), *черная зависть, черные мысли, черная измена* и т. д. Словом, *черный* оправдывает свое символическое значение и в наше время.

Остановимся на двух интересных выражениях: *держать в черном теле* и *мазать черной краской*.

Выражение *держать в черном теле*, заимствованное, видимо, из тюркских языков, сначала относилось не к людям, а к лошадям и указывало на особенности их содержания. В народной речи оно не употреблялось, во всяком случае в таком «лошадином» значении. Однако В. И. Даль приводит выражение в своем Словаре, но с другим значением: «строго, в работе». Советский ученый В. И. Чернышев заметил по этому поводу: «*Держать в черном теле* собственно значит «умеренно питать», в широком смысле: держать в физических лишениях (но не в строгости, как объясняет Даль)».

Однако с переносным значением, близким к толкованию В. И. Даля, выражение уже встречается в текстах XVIII в.; например, у Д. И. Фонвизина: «Когда большие бояре *держатся в черном теле*, тогда они всего любезнее в свете, а как скоро из него выходят, то всех людей ставят прахом перед собой» («Письма из Франции»). Как видим, здесь речь идет именно о строгости, а не о физических лишениях. Представляется важным, что в общеупотребительный русский язык это выражение вошло со своим переносным символическим значением слова *черный*, а не с тем, с каким оно было в других языках.

Второе выражение — *мазать черной краской* — соотносится с фразеологизмом *мазать дегтем*. Естественно, возникает вопрос, почему деготь, столь важный в жиз-

ни крестьянина продукт перегонки дерева, вдруг приобрел отрицательное значение во фразеологии. Ответ может быть только один: за счет своего черного цвета. И то, что, стремясь отомстить человеку, мазали его ворота дегтем, тем самым позоря его, нужно отнести целиком за счет символики черного цвета.

И еще о черной кошке, к которой так несправедливо относятся люди. У Эдгара По есть рассказ «Черный кот», в котором дается описание такого кота:

Кот, необычайно крупный, красивый и сплошь черный, без единого пятнышка, отличался редким умом. Когда заходила речь о его сообразительности, моя жена, в душе не чуждая суеверий, часто намекала на старинную примету, по которой всех черных котов считали оборотнями.

Вот и все объяснение отношения людей к черным котам. Вполне понятно, что выражения *между ними пробежала черная кошка* или *черная кошка дорогу перебежала* означали неприятности. Кстати, не только черная кошка предсказывала несчастье, неудачу: встреча с попом и монахом, одетыми также в черное, предвещали неудачу.

Черный цвет у многих народов связан с трауром, с несчастьем. Многие народы придерживаются обычая надевать на похороны черную одежду. Сначала в это вкла-

дывался определенный смысл: живые не хотели вызывать зависть мертвого яркостью своих одежд.

К числу ахроматических прилагательных относится и слово *серый*. Оно известно в ряде выражений, объединенных одним общим смыслом: все они выражают пренебрежение простым человеком, человеком из народа: «— Ведь эта самая святая *серая скотинка*, когда дойдет дело до боя, вас своей грудью прикроет, вынесет вас из огня на своих плечах...» (А. Куприн. Поединок); «...— Знаю я вашу сторону... *серый народ*» (С. Подъячев. Среди рабочих); «— То-то вот и оно-то. *Мужик ты серый... больше... ничего*» (С. Подъячев. В трудное время); «Автор письма страстно доказывает, что талант все дозволено и не *«серой массе»* тут судить» (И. Зверев. Что за словом?); «— Ну вот еще! Будто я ничего не понимаю, будто я *совсем серая!*» (К. Паустовский. Золотая роза).

Такое значение слова *серый* — «малоразвитый, никчемный, необразованный» осуждалось уже пословицами русского народа: *На мужике кафтан хоть сер, да ум у него не черт съел*. В наше время слово *серый* в подобных сочетаниях употребляется чаще всего иронически.

А теперь перейдем к более «ярким» словам, к словам хроматической группы. Им отводится особое место, потому что мир с самого начала предстал перед человеком не черно-белым, а цветным. Яркие краски природы вызвали различные психические ассоциации, что и способствовало становлению символики цветов.

У разных народов свое, отличное от других восприятие цвета, что мы уже частично наблюдали в связи с ахроматическими цветами. Отношение народа к тому или иному цвету определяется историей культуры, жизни и быта этого народа, в связи с чем разные народы по-разному относятся к каждому цвету.

Задумывались ли вы когда-нибудь, почему коричневый цвет так называется? Если нет, то подумайте, есть ли что-то общее у известной вам пряности — корицы и коры дерева. Корицу мы обычно покупаем в виде порошка, но она бывает и в виде кусочков. Тогда станет ясно, что это кора особого дерева. Слово *коричневый* и имеет в своем основании кору дерева.

Точно так же в основе прилагательного *голубой* лежит название птицы — голубя, а слово *розовый* от розы, *фиолетовый* — от фиалки (по-латински фиалка — *viola*).

Многие хроматические прилагательные образованы от названий конкретных предметов с соответствующей окраской. «Абстрактное не является первообразным, — пишет по этому поводу исследователь старославянских цветообозначений М. Ф. Мурьянов, — первыми образцами для сообщения цвета посредством языка были предметы, характерные носители цвета».

Это все так. Но вот слово *красный*, обозначающее цвет крови, особого происхождения.

У наших далеких предков, примерно до XV в., оно не обозначало цвет. Откроем том «Словаря русского языка XI—XVII вв.». Читаем:

КРАСНЫЙ. 1. *Красивый, прекрасный...* 2. *Очень хороший, превосходный, дарующий радость, благодатный...* 3. *Красный (а также бурый, рыжий, карий, коричневый с красноватым оттенком)...* 4. *Крашенный, цветной...* 5. *Главный, парадный...* 6. *Высокосортный, наиболее ценный...* 7. *Выполняющий тонкую, дорогую, требующую искусства работы (о мастерах)...*

Не правда ли, очень пестрый ряд значений? Но все-таки преобладает среди этого набора понятие высокого качества. А по поводу третьего значения стоит сделать еще одно замечание: все примеры, приведенные здесь, относятся к XV—XVII вв. Самый ранний пример датирован (а в этом словаре каждый пример датируется) 1516 г.

Вывод сделать нетрудно: слово *красный* до XVI в. не имело современного значения. Что же, понятие красного цвета вообще не имело наименования в русском языке? Как же назывался этот цвет до XVI в.? Языковеды установили, что красный цвет назывался прилагательным *червленый*, по названию червецов, из которых делалась красная краска.

В XV—XVI вв. слово *червленый* стало исчезать из русского языка, но оно закрепилось в ряде славянских языков, например в украинском в форме *червоний*. А исчезая, оно передало свои функции слову *красный*, и неспроста. Красный цвет был любимым цветом, значит, его можно было совместить с другими значениями этого слова.

И еще одно соображение. Обратите внимание на то, как определено слово *красный* в третьем значении Сло-

варя. Это не просто цвет крови, а группа цветов разных оттенков, приближающихся к красному цвету. Значения слова проходят определенный период становления, пока не выкристаллизовалось четкое и определенное значение.

Дальнейшее развитие слова *красный* также интересно. Во время Французской революции оно приобрело значение «революционный». В 1832 г. оно было впервые употреблено как символ борьбы за свободу, как символ революционного движения. Это его значение усвоило большинство языков.

И наконец, после Великой Октябрьской революции оно приобрело значение «советский, передовой, свободный».

Но, приобретая новые значения, слово *красный* не утратило и свои прежние. Во всяком случае эти значения сохраняются во фразеологии русского языка. Значение «лучший, высокого качества» проявляется в большом количестве фразеологизмов: *Красная площадь, красный угол, красный уголок, красный товар, красная рыба, красное дерево, красные дни* и др.

Выражение *красные дни* встречаем в текстах XVIII—XX вв. «Где девались *красные дни*, когда я Зрела друга милого, мной плененна» (А. Востоков. Сафо); «...и в ней произошла какая-то порча, которая не замедлила пробиться наружу и раз навсегда убедить Иудушку, что *красные дни* прошли для него безвозвратно» (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

Красные дни, т. е. праздники, по традиции стали отмечаться в календарях красным цветом, что и породило выражение *красный день календаря*:

Белый листик с цифрой красной!
Это значит — выходной!
Это — солнечный и ясный,
Первомайский день весной!
Много дней таких желанных
В феврале и в ноябре,
Красных чисел долгожданных
В отрывном календаре!

(С. Михалков)

И в этой связи следует перейти к новому образованию со словом *красный*. В связи с переходом на пятидневную рабочую неделю, когда суббота стала выходным днем, стали различать красную и черную субботу. *Крас-*

ной *субботой*, естественно, в силу традиции, стала *нерабочая суббота*. Но после этого выражение *красная суббота* приобрело вдруг новое значение. Так стала называться суббота, в которую люди работали, но работали во имя какой-то цели, отдавая заработанные деньги на благородное дело. Сегодня это значение уже закрепилось и понятно всем гражданам нашей страны; но наряду с ним родилось и другое — *коммунистический субботник*, в котором отразился характер труда в эти дни. Так, газета «Труд» 16 апреля 1985 года писала:

Воплощению в жизнь девиза «Все во имя человека, на благо человека!» активно содействуют *коммунистические субботники*. Средства, полученные от *красных суббот*, направляются на дальнейшее развитие сети народного и профессионально-технического образования, дошкольного воспитания, больниц и поликлиник, на мероприятия по улучшению охраны материнства и детства, медицинского обслуживания ветеранов войны и труда.

От значения «высокая степень качества» слово *красный* перешло к другим значениям. Любопытна в этом отношении история выражения *красная девица*, которое в наше время может определять не только девушку, но и юношу, мужчину.

Сначала выражения *красная девица*, *красная девушка* служили обозначением красивой, юной и скромной девицы. В таком значении они и закрепились в русском фольклоре, например в былинах:

Стоит на лугах тут бел шатер,
Во том шатру опочив держит *красная девица*,
А и та ли Настасья-королевична...

Или:

...Перед ними ходит *красна девица*,
Русская девица-полоняночка,
Молода Марфа Петровична...

Но с XVIII в. это выражение стали относить уже к мужчинам, однако отнюдь не с положительной характеристикой: «Простакова. И тебя, мой батюшка, видно, воспитывали как *красную девицу*» (Д. Фонвизин. Недоросль).

Затем выражение используется в виде метафоры, и без сравнительных союзов, а прямо: «— Да полно вам, — ответила сваха, — что вы — *красная девица*?» (С. Подъячев. Забытые); «Отворачивая лицо к окну, поводя взглядом по серому небу, точно прикидывая, не собирается ли дождик, он сказал в усталом разочаровании: — Так вот что ты сделала из нашей *красной девицы*!.. Ты восстанавливаешь против меня сына?» (К. Федин. Костер); «А Мария Лаврентьевна заключала: — Не трогайте его, он еще сам *красная девица*» (А. Рыбаков. Неизвестный солдат).

Теперь перейдем к другому символическому значению слова *красный* — «революционный». Конечно, этот цвет, цвет крови, был выбран не случайно. Во-первых, революция обычно связана с кровопролитием. Во-вторых, красный цвет имеет экспрессивный характер тревоги. И хотя это научно установили психологи недавно, люди чувствовали интуитивно такое значение давно.

Рукавом в окно мне машет,
Красным криком зажжена... (А. Блок)

Слово *красный* в значении «революционный» вошло в состав многих образований советской эпохи: *красная гвардия*, *Красная Армия*, *красный партизан*, *красный командир*, *красные следопыты* и т. д.

Тревожный характер красного цвета был использован в международной системе регулирования движения в качестве знака. Отсюда также ряд выражений: *зажигать красный свет*, т. е. «запрещать движение», *идти на красный свет* — «идти навстречу опасности».

Говоря о слове *красный*, следует назвать еще такие выражения: *красное словцо* — «остроумное, меткое высказывание» и *для красного словца* — «лишь затем, чтобы блеснуть юмором».

Возникает вопрос: а почему красный крест был избран символом милосердия и оказания медицинской помощи людям? Происхождение этого интернационального выражения связано с Англией. В XVII в. в Англии была эпидемия чумы. И вот тогда на дверях домов, где были больные, ставились красные кресты. Так и остался красный крест символом медицинской помощи.

В светофоре красный цвет противопоставлен зеленому. Зеленый свет означает свободный проезд, отсутствие опасности. Зеленый цвет — успокаивающий.

Прилагательное *зеленый* входит в значительный ряд фразеологизмов русского языка. Это цвет зелени растений, цвет листьев деревьев, травы... Собственное цветовое значение сохраняет слово в составе ряда устойчивых сочетаний: *зеленый чай, зеленый корм, зеленый конвейер* — «система выращивания кормов на полях». В последнее время значительно расширился круг сочетаний с этим словом.

Осознавая роль, которую играет зелень в нашей обычной жизни, люди стали называть лес *зеленым другом*.

Но больший с точки зрения фразеологии интерес представляют другие символические значения слова *зеленый*, отходящие уже в той или иной степени от основного значения этого прилагательного.

«Зелен как эпитет растения соответствует слову «молод», эпитету человека... Потом и без отношения к растению молод-зелен, в известной поговорке «молодо-зелено» и других выражениях», — писал в прошлом веке А. А. Потехня.

Ассоциация сходства у подобных фразеологических единиц очевидна: большинство различных плодов, фруктов, овощей, лишь в стадии созревания, но еще не созревшие, имеют временно зеленый цвет. Отсюда и выражения типа *зеленая молодежь*, т. е. «еще не созревшая, не окрепшая» и т. д. Подобная ассоциация существует у многих народов. Немцы о молодежи говорят *зеленые овощи*; англичане — *зеленая лошадь*, т. е. «еще не обьезженная».

Но слово *зеленый* с этим же значением используется довольно широко в речи русских: «У меня там четверо, совсем *зеленые комсомольцы...*» (Н. Островский. Как закалялась сталь); «*Юноша*, которого он держал перед собой, был совсем *зеленый*, по виду «замухраи деповский» (Там же); «Он был из *зеленой поросли*, из тех, кто когда-то босоногими стайками бегали за грозным Матвеем Студеникиным...» (В. Тендряков. Кончина); «Катя была еще совсем *зеленой гимназисткой...*» (Г. Марков. Сибирь).

Теперь обратимся к интересному явлению — существованию двух омонимов, двух совершенно различных выражений, совпадающих по составу, — *зеленая улица*.

Об одном из них очень хорошо рассказал Л. Н. Тол-

стой в рассказе «После бала». Все мы помним о существовании ужасного наказания в старой царской армии: «Приближающийся ко мне оголенный по пояс человек, привязанный к ружьям двух солдат, которые вели его... Дергаясь всем телом, шлепая ногами по талому снегу, наказываемый, под сыпавшимися с обеих сторон на него ударами, подвигался ко мне...» Два ряда солдат с зелеными шпицрутенами, розгами, выстроенные для этого наказания, называвшегося еще *прогнать сквозь строй*, напоминали зеленую улицу, что и получило образное выражение во фразеологизме.

А вот второе выражение *зеленая улица* родилось, когда первое уже устарело. Как уже говорилось, психологи избрали зеленый цвет для сигнала светофора, означающего свободный проезд. И вот представьте: идет поезд, а ему на всем протяжении пути мигают зеленые глазки светофора. Вот вам и *зеленая улица*.

Выражение *зеленая улица* породило далее целый ряд фразеологизмов, связанных единством образной основы: *дать зеленую улицу, обеспечить зеленую улицу* кому-то или чему-то. Причем в этих выражениях чередуются слова *улица* и *свет* как бы на равных: «Он проиграл без сопротивления, и этот третий проигрыш открыл *зеленую улицу*» Тиграну Петросяну к шахматному трону» (С. Флор. Ура — новому чемпиону); «На любом перекрестке ей сразу *зеленый свет*» (В. Киселев. Веселый роман). Однако слово *свет* все-таки чаще встречается при описании движения транспорта.

Следующим шагом развития фразеологизмов данного ряда явилось выражение *зеленая волна*. Так официально называется «свободный проезд на всем пути при условии определенной скорости движения».

Но не всегда зеленый цвет имеет такую положительную символику. Есть ряд выражений, в которых слово *зеленый* вносит отрицательную оценку. Начался он с народно-поэтического выражения *зеленое вино*. Народ назвал виноградное вино по цвету продукта, из которого оно делалось. Однако вскоре, осознав вред алкоголя, его стали называть *зеленым змием*.

Прилагательное *желтый* употреблялось в древнерусском языке еще в XI—XII вв. Оно использовалось преимущественно для обозначения цвета волос. В дальнейшем, однако, этот, казалось бы, столь привлекательный цвет, цвет солнца, поспевающего хлеба, приобрел поче-

му-то нелестную характеристику. Уже в далеком прошлом он имел символический смысл измены. Да и в наше время желтые цветы символизируют разлуку, измену. Как же это сложилось?

Переносное значение слова *желтый*, видимо, наметилось уже в XIV в. Во всяком случае от этого периода дошел до нас такой текст: «Кручины же три в человеце: желта, зелена, черна, да от желтое огненная болезнь, а от зеленое зимная болезнь, а от черное смерть».

Как видим, желтый цвет связывался с огнем, что дает основание переноса на базе сходства. Однако В. И. Даль приводит такие сведения: «ЖЕЛТЫНЯ, ж., по поверью, мать лихорадок, семи дочерей Ирода: желтой, зеленой, нутреной, дутой, студеной, рыкающей, огненной».

Основание для связи желтого цвета с лихорадкой нетрудно установить: желтое лицо больного лихорадкой вызывало соответствующие ассоциации.

Но не исключено, что к этому добавлялись и наблюдения за отмирающей растительностью: желтые листья, желтая трава.

Распространилось такое отношение и на желчь. Раздражительного, злого человека стали называть желчным. Желчное сложение человека, как пояснял В. И. Даль, такое, «в котором господствует печень и желчь». В этой связи понятно и отношение к печени: «Он у меня *в печенках сидит*», — говорят о надоевшем человеке.

В связи с отношением желтого цвета к болезням нужно вспомнить, что по традиции на судне во время эпидемии поднимался желтый флаг.

С первичным значением, значением цвета, это слово входит в название *желтая лихорадка*, т. е. тропическая лихорадка: «Болезнь у нее лихорадка ж да вся желта» (текст XVII в.). В словаре русского языка XI—XII вв. читаем: «*Желтая болезнь* — желтуха. Когда печень и селезенка засорится, и от того зарождается цынга или водяная или желтая болезнь». Приведенная цитата написана из медицинской книги 1644 г.

Со значением цвета по сути дела это слово употребляется и в выражениях *желтая раса*, *желтая болезнь* — глаукома, *желтый дом*.

Но последнее выражение требует пояснения. Оно означает «дом умалишенных, сумасшедший дом»:

Загореккий. Его в безумные упрятал дядя-плут;
Схватили, в *желтый дом*, и на цепь посадили.

(А. Грибоедов. *Горе от ума*)

Или у Пушкина в эпиграмме:

Узнай еще в прибавку,
Что сделаю потом:
Лаврову дам отставку,
А Соца — в *желтый дом*.

История этого выражения связана с Обуховской больницей для душевнобольных в Петербурге, которая была окрашена в желтый цвет. Нужно полагать, что фасад был выкрашен не бездумно, а с опорой на традиционное отношение к цвету.

Слово *желтый* связывается с плохим, безрадостным — *желтая тоска*, *желтая жизнь*: «— А *житьишко* ейное, похоже, *желтенькое*? — сказал дядя Юфим, принимаясь хлебать вкусные, из белой капусты со сметками, щи» (С. Подъячев. Среди рабочих); «— Ну, только жисть ее хвалить погодить... Прямо надо сказать — *желтенькая жисть*...» (С. Подъячев. Мытарства).

Эти же символические значения желтого цвета трудно усмотреть и в произведениях поэтов.

Что видел я?
Я видел только бой
Да вместо песен слышал канонаду.
Не потому ли с *желтой головой*
Я по планете бегал до упаду.

В этом стихотворении С. Есенина очень тонко со вмещаются собственно цветное значение (волосы «цвета ржи») и символическое, т. е. «как безумный». Также сложно представляется цвет и в известном стихотворении К. Симонова:

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди...

«Желтые дожди» здесь несут двойную нагрузку: кроме общего символического значения печали, они создают еще зримый образ листопада «унылой поры», осени.

Подобное отношение к желтому цвету существует и у

многих других народов. У англичан он цвет измены, выражение *желтая черта* означает — «черта вероломства». Но в английском языке зародилось еще одно символическое значение слова *желтый*.

В США родилось выражение *желтая пресса*. Н. С. и М. Г. Ашукины в книге «Крылатые слова» приводят такую историческую справку:

Выражение это, употребляемое в значении: низкопробная, лживая, падкая на всякого рода дешевые сенсации печать, возникло в США. В 1895 г. американский художник-график Ричард Ауткоулт поместил в ряде номеров нью-йоркской газеты «The World» серию фривольных рисунков с юмористическим текстом; среди рисунков был изображен ребенок в желтой рубашке, которому приписывались разные забавные высказывания. Вскоре другая американская газета «New York Journal» начала печатать серию аналогичных рисунков. Между этими двумя газетами возник спор из-за права первенства на «желтого мальчика». В 1896 году Эрвин Уордман, редактор «New York Press», напечатал в своем журнале статью, в которой презрительно назвал обе конкурирующие газеты «желтой прессой».

Есть все основания полагать, что это название родилось под общим влиянием символики желтого цвета. Но желтый цвет — это еще и цвет золота. Посетив Нью-Йорк, М. Горький назвал его «городом желтого дьявола», именно с учетом ассоциации «золото-желтый цвет». В памфлете у Горького есть такие строки: «Ком Золота — сердце города. В его биении — вся жизнь, в росте его объема — весь смысл ее».

Розовый цвет в прошлом связывался славянами с зарей. Заря представлялась нашим древним предкам в виде божества — прекрасной женщины. Образ Зари (или Зори) можно угадать в описаниях русских сказок, в старинных песнях. «Народные сказки, — писал А. Н. Афанасьев, — часто говорят о несказанной красавице, в которой нельзя не узнать богини Зори; в поэтически верном изображении они замечают об ней: когда красная девица улыбается — то сыплются розы, а когда плачет — то падают бриллианты и жемчуг».

Во фразеологии розовый цвет приобрел значение че-

го-то приятного, ничем не омраченного, он стал символом прекрасноты, представления окружающего лучше, чем оно есть на самом деле. Отсюда и выражения *видеть все в розовом свете* (цвете), *смотреть сквозь розовые очки*: «А в раннем детстве все представляется нам в розовом свете. Иное в сознательной жизни» (С. Крутилин. Липяги); «Ставши кассиром, я тотчас же почувствовал на своем носу вроде *розовых очков*» (А. Чехов. Исповедь); «О д о е в с к и й. Увидишь братца моего, чудака, мага и алхимика, Владимира Федоровича, передай от меня, чтобы бросил туман заоблачных умствований и на жизнь смотрел бы не *сквозь розовые стекла иллюзий*» (Б. Лавренев. Лермонтов).

Однако символическое значение слова *розовый* вошло в литературу только в первой половине XIX в. Это время в истории цветообозначений чрезвычайно интересно. Один из исследователей русских цветообозначений Л. М. Грановская пишет: «В середине XVIII — начале XIX века в результате переводов соответствующих французских цветообозначений в русский язык появились сочетания слова *цвет* с именем существительным: *змеиной кожи, кофе с молоком, слоновой кости, увядшего листа*. Эта структура не знала никаких ограничений, что позволяло передавать самые разнообразные краски». Действительно, данный период как-то привлек внимание людей к миру красок, и активизировались многие цветовые прилагательные, в том числе и слово *розовый*. У Пушкина слово *розовый* с этим символическим значением еще не встречается. А вот у М. Лермонтова, видимо впервые, в «Герое нашего времени»: «Грустно видеть, когда юноша теряет лучшие свои надежды и мечты, когда перед ним отдергивается *розовый флер*, сквозь который он смотрел на дела и чувства человеческие».

В дальнейшем слово *розовый* активно используется писателями, прочно входит в русскую речь в разных сочетаниях с этим символическим значением, но одновременно и заметной иронической характеристикой: «Светлою картиной проносились воспоминания, чередуясь с самими *розовыми надеждами*» (К. Станюкович. В мутной воде); «Вот так в разговорах, полные *розовых надежд*, ехали мы в школу первоначального обучения летчиков» (Г. Титов. Голубая моя планета); «Требование иллюстративности приводит, конечно, к шаблону и к так называе-

мому *розовому сиропу*; боязнь неблагополучных концов, которая доходит до совершеннейших анекдотов» (К. Паустовский. О новелле); «Не будем давать волю *розовым* сентиментальным *чернилам...*» (Е. Пермяк. Горбатый медведь).

Близко к значению слова *розовый* и слово *голубой* в составе русской фразеологии: «И, кажется, все обещало быть *голубым и розовым*» (Е. Пермяк. Последние заморозки).

Слово *голубой* связано с голубем, который издавна был у славян символом чистоты, кротости, невинности, о чем говорят и ласкательные слова *голубка, голубчик, приголубить* и др. Но и к этому слову пришел оттенок ироничности. Откуда он?

Опять влияние со стороны. В 1802 г. в Германии вышел роман Новалиса «Генрих фон Офтердинген», герой которого видит сон и во сне ищет голубой цветок счастья. Голубой цветок становится как бы символом поиска мистического идеала. Такое значение слово *голубой* приобрело во фразеологии ряда европейских языков. У англичан *голубые розы* — «нечто недостижимое», у французов *голубые сказки* с тем же значением. Видимо, под влиянием этого образа и в русской фразеологии сложилось выражение *голубые мечты* и др.

Героиня повести А. И. Куприна «Поединок» говорит: «— Посмотрите: небо голубое, свет голубой... И у меня самой какое-то чудесное *голубое настроение*, какая-то *голубая радость!*»

А вот употребление с ироничным оттенком: «— Начитался в дурацких книжонках про сладеньких *голубеньких людей*» и всерьез принимаешь!» (Л. Лагин. Голубой человек).

И в дальнейшем возникали выражения — *голубой герой, голубая героиня*, все с тем же ироническим оттенком: «Героини фильма «Дороги к морю...» — типичнейшие *голубые* и наивные *девушки...*» (Из газет).

С ГОЛОВЫ ДО ПЯТ

Фразеологизм этот обозначает человека со всеми его особенностями, целиком, полностью: «Александр Невский был русским человеком *от головы до пят* — умный, смелый, дерзкий в замыслах и отважный в выполнении их» — так характеризовал нашего национального героя А. Н. Толстой.

Есть и иной вариант — *с головы до ног*: «Мысль о захвате Евпатории стремительным штурмом с трех сторон завладела им *с головы до ног*» (Сергеев-Ценский. Севастопольская страда); «Я вас не понимаю, — ответил он холодно, оглядывая меня *с ног до головы*» (М. Салтыков-Щедрин. За рубежом).

В этих выражениях встречаем два слова, называющие части тела человека. Такие слова входят в огромное число фразеологизмов во всех языках. Достаточно сказать, что во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А. И. Молоткова они составляют треть всех представленных выражений.

Объяснение этому явлению было дано уже давно. Так, этнограф прошлого века И. М. Снегирев писал в книге «Русские в своих пословицах»: «Так как человек по свойству тела и души своей любит родниться с природою, изображать себя в языке своем, измеряя членами тела своего действия своего разума и движения сердца, то и в русских пословицах и поговорках часто встречаются сравнения и подобия, заимствованные от благородных частей тела, особенно от головы, языка, глаз, ушей, рук и пр., коими выражаются отвлеченные понятия посредством метафоры, господствующей в пословицах.

Так, *головой* знаменует у нас ум, свобода, владычество, напр.: *Голова всему начало. Добрая голова сто голов кормит. Свой ум царь в голове.* Языком изображается сила ума, управление, руководство, нескромность и тому подобное, как-то: *Язык телу якорь. Язык до Киева доводит. Язык враг, прежде ума глаголит.* О ком означает смотрение, пронизательность, попечение, свидетельствование и пр.: *Свой глаз смотрок. Не верь брату родному да глазу своему кривому* и т. д.

Рука знаменует силу, насилие, союз, рукоприкладство, искусство, помощь, щедрость, как-то: *Своя рука владыка. Сильная рука Богу судит.*

Замечания в целом верные. Но мы рассмотрим это более подробно, с учетом собственно символических значений.

Начнем со слова *голова*. Академический четырехтомный «Словарь русского языка» выделяет 6 основных значений слова *голова*: 1. Верхняя часть тела человека. 2. Ум, сознание, рассудок. 3. Руководитель, начальник, глава в каком-л. деле. 4. Председатель и руководитель

некоторых выборных органов в дореволюционной России, а также военное или гражданское звание. 5. Первые ряды, передняя часть (движущегося отряда, группы и т. д.). 6. Пищевой продукт в виде шара, конуса.

В этом перечне значений уже намечаются основные символические значения слова *голова*, с которыми оно выступает в составе русской фразеологии.

Прежде всего отметим, что слово *голова* — на основе метонимического переноса «часть вместо целого» — представляет всего человека. Это наблюдается во многих фразеологизмах, причем характеристика заключается в других компонентах выражений: «Мальчик добрый, хороший... *светлая голова* и достоин лучшей участи» (А. Чехов. От нечего делать); «— А ты-то где был, *голова еловая?* — вознегодовал Гриша» (Ф. Гладков. Вольница); «— А какой я был сорванец, *буйная головушка*, вы и представить себе не можете» (А. Чехов. То была она!); «Молчи, *пустая голова!* Слышал я истину бывало: хоть лоб широк, да мозгу мало!» (А. Пушкин. Руслан и Людмила); «— Понимаешь, *дубовая голова*, что ты наделал?» (А. Первенцев. Честь смолоду).

Обратим внимание на то, что в одних случаях характеристика человека дается прямо: *пустая голова, дурья голова, умная голова*; в других же это представляется метафорически: *дубовая голова, мякинная голова, пролетная голова, забубенная голова* и др.

По сути дела всего человека слово *голова* представляет и во фразеологизме *негде голову приклонить*: «Пти-

цы небесные имеют гнезда, и лиса взвела убежище, но сыну человеческому *негде главы приклонить*» (А. Герцен. Вторая встреча); «Что делать! Ведь каждый старался свой собственный дом отравить, все стены пропитаны ядом, и *негде главы приклонить*» (А. Блок. Друзьям).

Второе символическое значение этого слова отмечено в Словаре под вторым значением — «ум, рассудок». Выражения *потерять голову, морочить голову, приходить в голову, не выходить из головы, бросаться в голову, вылетать из головы, выбивать из головы, не идет в голову, взбрехать в голову* и т. п. реализуют именно данное значение. Это доказывается еще и тем, что в них в качестве варианта может быть и само слово *ум*: *взбрело в голову — взбрело на ум, входит в голову — входит в ум, в мысль* и т. д. Перенос значения здесь тоже основан на метонимии.

В этой связи интересно обратить внимание на новое выражение, имеющее, правда, профессиональный характер, — *свежая голова*. Издавна существовало выражение *на свежую голову*, означавшее «тогда, когда человек не устал еще, после отдыха». В среде журналистов родилось выражение, называющее человека с помощью слова *голова*, связанное и со вторым значением. Вот его объяснение в книге И. Юдовича «Встречи в редакции».

Почти всю ночь Ирина Михайловна Алехина провела в редакции, потому что настала ее очередь быть *«свежей головой»*. Этот, на первый взгляд, странный термин очень точен и давно уже прочно вошел в обиход журналистов.

Верстка газеты начинается днем. К ночи все устают — и редактор, и дежурный, и корректоры, и верстальщики. В этот момент в редакции и появляется «свежая голова» — выспавшийся человек, который может заметить то, что скрыто от смыкающихся глаз. Он читает первые экземпляры газеты уже с машины. Печатники с опаской на него поглядывают: если «свежая голова» обнаружит ошибки, придется заново переделывать страницу...

Обыгрывается во фразеологии пространственное положение головы. Например, в выражениях *выше головы (чего-то), выше головы не прыгнешь, ставить с головы на ноги, ходить на голове* и др.

Конечно, далеко не все выражения с этим словом открыли нам свою историю. Возьмем, например, выражение *на свою голову*. Современное значение его определяется четко — «себе во вред, в ущерб»: «— Ах я глупенькая! — сказала Пашенька: — чего я наделала! Вот *на свою голову* послушалась боярыни» (А. К. Толстой. Князь Серебряный); «— Забыл, как я тебя из полыма вытащил?.. Таскаем мы вас *на свою голову!*.. — закричал он...» (А. Фадеев. Разгром).

Для создания версии о его происхождении можно взять несколько фактов, представленных в литературе. Во-первых, это басня И. А. Крылова «Безбожники». В ней рассказано о том, как один народ в древности восстал против бога и решил закидать богов камнями. И вот:

Тут с шумом в воздухе взвилась
Тьма камней, туча стрел от войск богоматежных,
Но с тысячью смертей, и злых, и неизбежных,
На собственные их обрушились главы.

Идея такова: бросая в кого-то камень, думай, что он может упасть обратно, на твою голову.

А вот еще интересный текст в книге С. Сартакова «Философский камень»: «Но если факты недобры, пусть действительно будет хуже для них, а не для Тимофея. Не стоит ломать голову. Теперь парнишка и сам напишет. А мрачные представления, как любя т гово-

рить в народе, возьми всяк колдун себе, *на свою голову!*»

Как видим, в народе данное выражение возводили раньше к колдовским действиям, когда колдун обещает чью-то вину взять на себя, на свою голову.

В этом выражении, как и в ряде других — *валить с больной головы на здоровую*, *свалить кому-то на голову*, *свалиться на голову* и т. п., — голова символизирует собой объект, на который направляются несчастья, нападки на человека.

Некоторые выражения со словом *голова* связаны с различными суевериями. К ним относится фразеологизм *очертя голову*. История его восходит к старинному суеверию, которое определяло, что если человек очертит себя кругом, то это может спасти его от нечистой силы. Ярким примером тому может быть эпизод из повести Н. В. Гоголя «Вий», где Хома Брут, бывший бурсак, должен был провести ночь в церкви, читая молитвы над гробом панночки. Панночка оказалась ведьмой, и в церковь набирается нечистая сила, которая окружает бедного бурсака. И он «находит средство», как спастись: «В страхе очертил он возле себя круг. С усилием начал читать молитвы и произносить заклинания, которым научил его один монах, видевший всю жизнь свою ведьм и нечистых духов». Сам факт очерчивания себя кругом объясняет нам историю выражения. При этом, конечно, учитываем, что опять-таки голова представляет здесь всего человека.

Существует множество фразеологизмов со словом *рука*, причем во многих языках мира. В русском языке слово *рука* входит в состав около двухсот фразеологизмов. Так же обстоит дело в польском и болгарском языках.

Объяснение этому найти нетрудно. Рука — орудие труда человека, а труд, как известно всем, — одно из важнейших условий существования человека с древнейших времен. Но рука еще и средство общения людей. Обращали ли вы внимание, как приветствуют друг друга люди разных национальностей? Русские пожимают руки друг другу, китайцы при встрече пожимают руки самим себе, латиноамериканцы обнимают руками друг друга, чеченцы обнимают одной рукой за шею. При помощи рук общаются глухонемые и люди, говорящие на разных языках. Известен условный язык жестов для

судей в боксе, футболе, хоккее и др., во флажковой сигнализации и т. д.

В четырехтомном «Словаре русского языка» у слова *рука* выделено 10 значений: 1. Каждая из двух верхних конечностей человека от плечевого сустава до кончиков пальцев. 2. Употребляется как символ орудия труда человека, а также как символ самого труда, деятельности человека. 3. Манера письма, почерк. 4. Употребляется в значении: работники, люди, выполняющие какую-л. работу. 5. Употребляется для обозначения человека как обладателя, владельца чего-л. 6. (*только в ед. ч.*). Употребляется для обозначения человека, который имеет власть, может оказать покровительство, содействие кому-л. 7. Употребляется в некоторых сочетаниях в значении «согласие на замужество, готовность вступить в брак». 8. (*обычно с порядковыми числительными*). Место, очередь отдельного участника в чем-л. (общей работе, в какой-л. игре и т. п.), а также отдельный участник, вступающий последовательно за кем-л. 9. Употребляется в значении: того или иного сорта, качества и т. п. 10. В вин. п. ед. ч. с предлогом *под* и определением, указывающим на состояние, настроение, означает: в таком состоянии, настроении.

Далеким нашим предкам осознали понятие «иметь» прежде всего как то, что находится в руках или на них самих. В дальнейшем это выразилось уже в переносном плане и схватывающая функция руки запечатлелась в выражениях, связанных со значением «иметь»: *брать в свои руки, держать в руках, прибрать к рукам, не выпускать из рук, отдать на руки* и т. п.

Без участия рук не обходился акт обмена, купли, продажи. Существовали обычаи закрепления соглашения, они отражены в ряде выражений. Так, фразеологизм *из рук в руки* связан с обычаем передавать проданную скотину из рук в руки через полу одежды, есть и такое выражение: *из полы в полу*.

Еще один обычай: вступая во владение чем-то, новый владелец должен был *наложить руку* на этот предмет. Так закреплялось право на владение. Даже в тех случаях, когда хозяин находил, например, пропадавшую скотину, он накладывал руку на нее, подтверждая тем свою собственность. У англичан и французов этот обычай был даже закреплен законодательством.

В наше время выражение *наложить руку* означает

уже иное — «присвоить себе что-то, захватить, завладеть чем-то, не принадлежавшим ранее»: «Первым *наложил руку* на все огромное имущество покойного его законный сын Семен Семенович» (П. Мельников-Печерский. Семейство Богачевых).

В этом значении фразеологизм *наложить руку* близок по смыслу к выражению *прибрать к рукам*, которое тоже носит отрицательный оттенок: «Нашлись соперники побогаче. Прииск *прибрали* к своим *рукам*» (Г. Марков. Сибирь).

Одно из значений, отмеченное в Словаре, представлено как символ власти. Это отмечалось еще в середине прошлого века этнографом Д. О. Шеппингом в книге «Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках». Автор книги определял в слове *рука* «древнейшее значение физической силы и власти над содержанным в руке предметом, откуда пошло и древнерусское выражение *быть под рукою* в смысле быть под властью». В доказательство приводился текст Лаврентьевской летописи (XIV в.): «Иже послани отъ Олга [Олега], великаго князя Русаго, а отъ всѣх иже *суть под рукою его свѣтлых бояр*».

И в современном языке немало фразеологизмов, сохраняющих символику власти через слово *рука*: *быть (у кого-то) в руках, (кому-то) на руку, давать волю рукам, иметь длинные руки* и др.

В том же ряду, хотя и несколько особо, стоят «свадебные» выражения — *отдать руку и сердце, просить руки*. В прошлом эти выражения знаменовали власть мужа над женой: *отдать руку (кому-то)* значит «стать ему подвластной».

А теперь перейдем к двум наиболее общим группам фразеологизмов со словом *рука*. Первую группу составляют выражения, характеризующие человека, а вторую — отношения между людьми.

В первой группе выделяется несколько подгрупп, так как характеризовать человека можно с разных сторон — по внешнему виду, характеру, поступкам и т. д. Вот подгруппа, фразеологизмы которой характеризуют человека с точки зрения трудолюбия, умения, моральных качеств: *(работает) не покладая рук, умелые руки, золотые руки, на все руки мастер; сидит сложа руки, рукой не пошевелит, руки не поднимет; легкий на руку, чистые руки; нечист на руку, умыть руки* («отстраниться

от чего-л.»); *держаться себя в руках, распускать руки; правая рука (кого-то); рукой не достанешь* и др.

Особая группа фразеологизмов характеризует человека в определенном состоянии, в определенные моменты жизни: *из рук все валится* — «чем-то расстроено», *опускаются руки* — «нет желания работать, действовать», *рука не поднимается* — «нет решимости что-то сделать», *быть связанным по рукам и ногам* — «не иметь возможности что-то сделать», *руки чешутся* — «есть большое желание что-то сделать» и т. п.

Довольно активно во фразеологии участвуют слова, называющие органы чувств. Мы уже рассмотрели слово *рука*, которое называет орган осязания. Рассмотрим и другие: *ухо* (слух), *глаз* (зрение), *нос* (обоняние).

Орган нашего слуха — *ухо* как слово представлено в «Словаре русского языка» с шестью значениями, из которых для фразеологии важны лишь три: 1 — орган слуха, 2 — слух, слуховое восприятие, 3 — боковая, опускающаяся часть шапки. Фразеология русского языка насчитывает более 50 фразеологизмов со словом *ухо*.

В ряде выражений нетрудно заметить первые два значения слова: *тугой на ухо* — «о плохо слышащем человеке», *крепок на ухо* — с тем же значением, *слушать своими ушами, слушать во все уши* — «внимательно слушать». О внимательном слушании говорят и фразеологизмы, в которых отражен образ насторожившегося животного: *держаться ухо востро, насторожить уши, наострить уши, держать уши на макушке*.

Уши — приемник информации, в том числе и ложной, когда человеку «наговаривают на кого-то». Именно такой оттенок заключен в выражениях *надуть в уши, нашептывать в уши, натрубить в уши*.

Но слушают не всегда внимательно. Часто человек умышленно не слушает, что ему говорят, или *слушает вполуха, пропускает мимо ушей, в одно ухо у него входит, а в другое выходит*. Об отсутствии реакции на услышанное говорят *и ухом не ведет, и ухом не шевелит*.

Некоторые фразеологизмы, включающие слово *ухо*, имеют значение предела: *влюбиться по уши, погрязнуть в чем-то по уши* и т. д.

Способ наказания детей сохранился в выражениях *нарвать уши, надрать уши*.

У слова *глаз* в Словаре обычно выделяется два зна-

чения: 1) орган зрения, 2) способность видеть. Существует много выражений, в которых слово *глаз* получило особое, фразеологически связанное значение.

Основное значение слова — «орган зрения» нетрудно усмотреть в ряде устойчивых выражений: *глаза слипаются* — «хочется спать», *кто старое помянет, тому глаз вон* — «о прощении обид», *за красивые глаза* — «просто так, без должных оснований», *беречь пуще глаза* — «тщательно беречь» и т. д.

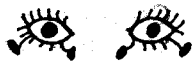
Но чаще за этим прямым значением стоят другие. Так, выражение *делать большие (или круглые) глаза* вроде бы указывает на глаз как орган зрения. Но на самом деле все выражение передает внутреннее состояние человека — удивление. Это те случаи, когда внешние признаки помогают выразить внутреннее состояние.

В народе недаром говорят: *глаза — зеркало души*. Вот и фразеологизмы со словом *глаз* чаще всего передают душевное состояние человека. Это, например, особое внимание человека к происходящему: *«Аннинька смотрела во все глаза и не понимала»* (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы); *«Девушка в синей шубейке и высокой папахе не двинулась с места, только во все глаза глядела туда, куда ушла ее спутница»* (М. Слонимский. Верные друзья); *«Девочка навострила на него глаза, ожидая, что он сделает с сухарями»* (И. Гончаров. Обломов); *«Шурка передавал матери бумажку и впивался глазами в полки, заставленные ящиками с пряниками и орехами»* (В. Смирнов. Открытие мира); *«Таким образом, пожирая Домашку глазами, он просидел до вечера, когда спустившиеся сумерки само собой принудили сражающихся разойтись по домам»* (М. Салтыков-Щедрин. История одного города).

Фразеологизмы с этим словом обозначают сильные чувства: *«Он выделял людей из толпы как организатор, не всякому разрешая коснуться тела учителя, и глаза его горели лютой ненавистью»* (М. Слонимский. Ровесники века); *«Глаза ее тихо светились, и лицо улыбалось, точно сквозь дымку»* (И. Тургенев. Первая любовь).

Чувство стыда выражается рядом фразеологизмов: *«Арина Петровна опускает глаза в землю и молчит»* (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы); *«...Митя не знал, куда глаза девать от стыда за нее»* (И. Бунин. Митина любовь).

Выражение *глаза разбегаются* передает состояние

растерянности, а глаза на мокром месте, выплакать все глаза, глаз не осушать — горе человека.

Выражения в глазах потемнело, искры из глаз посыпались, глаза на лоб лезут, в глазах помутилось передают физическое состояние.

И еще одна функция слова *глаз* во фразеологии — оценивающая. Выражения *открыть глаза, раскрыть глаза кому-то, глаза раскрылись (на что-то или кого-то)* представляют изменение оценки явлений, когда человек узнает истинное положение вещей, истинный смысл происходящего: «— Болезнь тут ни при чем, — перебивает меня Костя, — просто у вас открылись глаза; вот и все. Вы увидели то, чего раньше почему-то не хотели замечать» (А. Чехов. Скучная история); «— Я раскрою глаза этому дураку Николаеву, которого она третий год не может пропихнуть в академию» (А. Куприн. Поединок); «Слова Марьи Ивановны открыли мне глаза и объяснили мне многое» (А. Пушкин. Капитанская дочка).

Изменение оценки — повышение ее или понижение — передается и фразеологизмами *вырасти в чьих-то глазах; подняться в чьих-то глазах, упасть в чьих-то глазах; опуститься в чьих-то глазах, уронить себя в чьих-то глазах*: «Не кто-то, а он, оставшийся в Мильве, должен сыграть роль защитника рабочих и тем самым подняться в их глазах» (Е. Пермяк. Горбатый медведь); «Ей хотелось возвысить Дусю и в глазах коллектива, и в ее собственных» (А. Рыбаков. Екатерина Воронина); «Отцу

Светланы и ее матери «жених» явно не нравился. Они не упускали случаев уронить его в глаза дочери» (Е. Пермяк. Саломата); «Паратов. Об вас я всегда буду думать с уважением; но женщины вообще, после вашего поступка, много теряют в глазах моих» (А. Островский. Бесприданница).

По выражению *глаз* определяется и характер человека, например *глаза завидующие* (так говорят о жадном человеке).

И еще одну функцию слова *глаз* следует отметить. В период, когда народ верил в колдовские силы, глазам человека уделялась большая роль в этом. В. И. Даль записал, например, такие пословицы и присловья: *Черный глаз, карий глаз, минуй нас; Недобрый глаз поглядел на нас*.

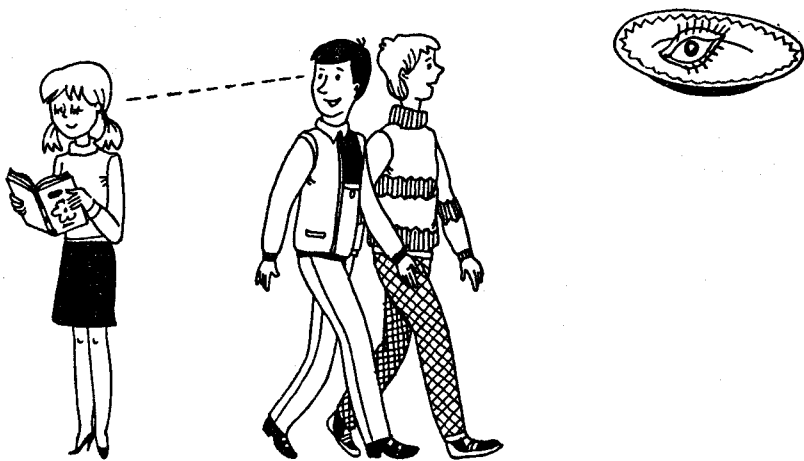
По суеверным представлениям, взгляд недоброжелателя мог принести вред: «...все храбрецы с воем разбегались, а потом долго дрожали и произносили заклинания от дурного глаза...» (Ю. Герман. Дело, которому ты служишь); «[Фимушка] смертельно боялась духовных лиц; у них, по ее приметам, *глаз был дурной*» (И. Тургенев. Невь).

Сюда же, пожалуй, можно отнести выражения *отводить кому-то глаза и для отвода глаз*. В этом случае также имелось в виду некое колдовское действие.

Глаз символизировал также наблюдение, охрану кого-то: *глаз да глаз нужен (за кем-то), следить во все глаза, не сводить с кого-то глаз, положить глаз на кого-либо*.

Довольно активно используется во фразеологии и слово *нос*. Однако прежде всего нужно разграничить несколько слов с одним общим звучанием. Дело в том, что, помимо носа, обозначавшего наш орган обоняния, существовали и другие носы, ныне уже забытые, но оставившие след во фразеологии.

В выражениях *оставить с носом, уйти с носом, зарубить на носу* слова с корнем *нос* соотносятся с глаголом *носить*. В первых двух выражениях имелось в виду подношение, подарок или, проще, взятка, которую несли приказчикам и судьям для успешного решения дела. Такой уж порядок существовал в старой Руси. И если эти должностные лица отказывались от взятки, т. е. *оставляли* просителя *с носом*, то его дело было плохо: он уже не мог надеяться на решение дела в свою пользу, он *уходил с носом*. *С носом* можно было оставить и жениха,

пришедшего свататься. В этом случае подношение, типа калыма, тоже называлось *носом*. И если жених не нравился невесте и ее родителям, то *нос* не принимали; об этом можно прочитать, например, в романе Ф. Решетникова «Свой хлеб»: «Многие посылали к ее родителям свах, но все эти женихи... *оставались*, что называется, *с носом*, потому что она в каждом находила недостаток».

Но был и еще один *нос*. Это дощечка или бирка, на которой люди делали зарубки для памяти, подобно тому как завязывают узелок на носовом платке — чтобы вспомнить о чем-то. Делая зарубку, человек помогал себе потом вспомнить, по какому поводу она была сделана. Отсюда *зарубить на носу* значит «запомнить». Интересен вариант этого выражения, использованный И. А. Крыловым в басне «Кот и Повар»:

А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтобы речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.

Правда, этот *нос* в дальнейшем стал уже употребляться как-то в связи с нашим органом обоняния, и стали возможными такие, например, тексты: «— И кроме того, я уверен: немцам, фашистской Германии, никогда не одолеть Россию. И никому не одолеть. *Заруби это себе на своем остром и хищном носу...*» (А. Иванов. Вечный зов). Интересно отметить, что в четырех-

томном «Словаре русского языка» выражения *оставить с носом* и *зарубить на носу* приводятся в статье слова *нос* как орган обоняния.

А теперь вернемся к настоящему носу, нашему органу обоняния. Это основное свое значение слово сохраняет в ряде выражений: *говорить себе под нос*, *нос воротить* (от чего-то), дурно пахнущего, *не видеть дальше собственного носа...*

Впрочем, последнее выражение не так просто. Здесь значение компонента *нос* уже отходит от основного. *Нос* как нечто близкое, очевидное, понятное противопоставляется чему-то более общему, лежащему дальше... «— Человек... Природа дала ему способность видеть не только то, что *перед носом* — как он живет, но и то, как можно жить — должно жить! — чтоб жить по-человечески» (В. Анчишкин. Арктический роман).

Примерно это же значение и у ряда выражений — *на носу*, *из-под носа* (уходить, уносить и т. д.), *под самым носом*.

Нос нередко представляется метонимическим обозначением человека в целом: *носа не показывает*, т. е. «не приходит человек», *высунуть нос* — «выйти», *с носа*, т. е. «с человека», и т. д.

В лексике слово *нос* обозначает не только нос человека, но и нос животного, клюв птицы. Это помогает созданию образной основы выражений, говорящих о человеке: *клевать носом* — «засыпать», *нос по ветру*

держат — «применяться к обстоятельствам», *совать нос (куда-то)*.

Правда, в связи с последним выражением можно вспомнить Буратино, который в прямом смысле любил совать всюду свой длинный нос. Но вполне понятно, что по отношению к людям это выражение метафорично: «— А ты не ходи, куда не след! Во всякую дыру *нос суешь*» (М. Шолохов. Нахаленок).

С помощью указания на положение носа передается характер человека, его отношение к людям: *задирать нос, воротить нос (от кого-то), нос не дорос, в носу не кругло, натянуть нос (кому-то), наставить нос*.

Символом чего-то очень малого используются выражения *с гулькин нос* (т. е. «голубиный»), *с воробьиный нос*: «— У нас жирной земли, какая по семь на десятину требует, *с гулькин нос*» (М. Шолохов. Поднятая целина); «— Нынче мы и то за счет ржи хлеба много государству сдали, хотя ее и посеяно было *с воробьиный нос*» (А. Иванов. Вечный зов).

И наконец, еще одно употребление слова *нос* в выражении *водить за нос* представляет Эд. Вартамян в книге «Из жизни слов»:

Поезжайте в Среднюю Азию. Там на дорогах вы увидите странную картину. Идет крошечный мальчуган или девчурка и ведет за собой огромного верблюда. Животное идет послушно, потому что ребенок тянет его за веревку, привязанную к кольцу, продетому в ноздри. Попробуй не подчинись! И не захочешь, а пойдешь, следом, если тебя ведут за нос. Прodeвали кольцо в ноздри и для укрощения свирепых быков.

Выражение «*водить за нос*» значит «обманывать, обещать и не исполнять».

Однако более близким к истине представляется справка, приведенная в академическом 17-томном Словаре русского языка: «...выражение возникло, может быть, из сравнения с медведями, которых цыгане водили напоказ за кольцо, продернутое в носу, и заставляли проделывать фокусы, обманывая обещанием подачки».

Итак, мы убедились, что и в составе фразеологизмов слова могут иметь какой-то смысл. Во всяком случае одно и то же слово-компонент, входя в состав разных выражений, вносит в их общее значение определенный, один и тот же смысл.

Глава 4 СВОЕ И ЧУЖОЕ

СВОИ ИЛИ ЧУЖИЕ?

Фразеологизмы языка с точки зрения их происхождения делятся на «свои» и «чужие». «Своими» будем называть такие, которые родились в нашем языке или достались нам от нашего языка-предка. Их еще называют «исконными». Вполне понятно, что все «не свои» оказываются уже «чужими», заимствованными. Каждый народ что-то берет у других народов по доброй воле или в силу каких-то условий, не зависящих от него.

В русской фразеологии есть и «свои» и «чужие» фразеологизмы по происхождению, хотя, конечно, основу составляют родные выражения, поэтому и говорят, что фразеология нашего языка носит национальный характер. Это отмечал еще В. Г. Белинский. Высоко оценивая национальное творчество И. А. Крылова, он заметил, что в его баснях «вся житейская мудрость, плод практической опытности, и в своей собственной и завещанной отцами из рода в род. И все это выражено в таких оригинальных русских, не передаваемых ни на какой язык в мире, образах и оборотах; все это представляет собой такое неисчерпаемое богатство идиомов, русизмов, составляющих народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство, что сам Пушкин не полон без Крылова в этом отношении».

Оценка, данная нашим выдающимся критиком языку И. А. Крылова, вполне заслуженная. Недаром из басен Крылова в нашу фразеологию пришло значительное количество фразеологизмов, пожалуй, большее, чем из произведений всех других авторов.

Одни из них родились в баснях Крылова или существ-

вовали ранее, но стали широко известными только после издания басен, такие, например, как *а Васька слушает да ест, слона-то я и не приметил, демьянова уха, тришкин кафтан, рыльце в пуху, и мы пахали* и др. А некоторые родились под влиянием басен, хотя в самих текстах басен их нет: *мартышкин труд* (басня «Обезьяна»), *медвежья услуга* (басня «Пустынник и Медведь»).

Вполне понятно, что все выражения, созданные нашими писателями, относятся к исконным, а иногда заимствованы другими языками мира. Но все-таки основу составляют не авторские образования, а выражения, созданные народом-языкотворцем.

Национальный характер, специфика русских фразеологизмов хорошо обнаруживаются, если сопоставить их с фразеологизмами других языков, соотнесенных с ними по смыслу. Убедитесь в этом сами:

Русские	Иноязычные
<i>душа в пятки ушла</i> — «струсил»	<i>сердце ушло в ноги</i> — лат.
<i>как слону дробина</i> — «очень мало»	<i>сердце в штаны упало</i> — нем.
<i>как две капли воды</i> — «очень похожи»	<i>как псу (собаке) муха</i> — польск.
<i>родиться в сорочке</i> — «быть счастливым»	<i>как два яйца</i> — чешск., нем.
	<i>как две горошины</i> — англ.
	<i>родиться с серебряной ложкой во рту</i> — англ.
	<i>родиться причесанным</i> — франц.
<i>делать из мухи слона</i> — «сильно преувеличивать»	<i>делать из иглы вилы</i> — польск.
	<i>делать из комара верблюда</i> — чешск.
	<i>делать из кротовины гору</i> — англ.
<i>дело в шляпе</i> — «дело сделано»	<i>есть рука в рукаве</i> — чешск.
<i>(разбираться) как свинья в апельсинах</i> — «не разбираться»	<i>как заяц в ананасе</i> — польск.
	<i>как курица в перце</i> — польск.

Впрочем, это сопоставление еще не решает проблему полной оригинальности фразеологии каждого языка.

Различение исконных и заимствованных фразеологизмов составляет немалую трудность, особенно если учесть,

что, во-первых, корни многих из них уходят в глубокую старину, а во-вторых, что существуют интернациональные выражения, на исконность которых претендуют разные языки.

Чтобы определить происхождение того или иного выражения, ученые привлекают не только факты языка или языков, как в настоящем, так и в прошедшем, материал диалектов, но и данные истории, этнографии, отражающие особенности жизни и быта народа. Исследователь должен знать нравы и обычаи народа, его верования и суеверия, поскольку это способствует установлению происхождения фразеологизма.

И все-таки есть признаки, которые помогают довольно четко определять исконность тех или иных фразеологизмов. Такими признаками служат особые слова, называющиеся «чисто русские» понятия.

ВЕРСТЫ, ФУНТЫ И АЛТЫН

Культура каждого народа содержит особые системы, заметно отличающиеся от систем других народов. К ним, например, относятся системы веса, длины (расстояний), денежные системы. Эти системы на протяжении веков могут заметно изменяться, заменяться новыми, и тогда наименования старых систем уходят в число архаизмов, слов, которые уже непонятны молодым поколениям народа. Причем если в свободном употреблении такие слова уже не используются, то они могут консервироваться, как бы окаменевать в составе фразеологизмов. Вот они-то и служат верными указателями исконности выражений.

От горшка два вершка, семи пядей во лбу, семь верст до небес и все лесом... Что означают в приведенных выражениях слова *вершок, пядь, верста*? Вряд ли кто из молодых людей точно знает, что означают эти единицы измерения расстояния. Они остались от ранее существовавшей системы единиц длины.

Вершок составлял 4,4 см. Название это, как полагал известный знаток русской жизни В. И. Даль, связано с фалангой пальца. Нужно сразу заметить, что данная версия имеет под собой достаточно веское основание. Самой удобной единицей измерения длины была такая, которую не нужно специально носить с собой.

Однако по поводу вершка есть и другая версия. Известные языковеды А. Г. Преображенский и Л. А. Бу-

лаховский считали, что вершок — излишек, образующийся при насыпании меры зерна: вершок — то, что сверх меры. И эта версия не лишена оснований. Во-первых, само слово *верх* означает положение в пространстве, во-вторых, вспомним сказки, в которых мужик и медведь делили, кому корешки, а кому вершки. Впрочем, не исключено, что правы все эти ученые, но речь идет просто о разных понятиях, связанных со словом *вершок*. Если это слово значило «сверх меры», то не могло быть мерой длины. А меры длины часто определялись с помощью рук и ног, например локоть, пядь, сажень.

Вершками определялся и рост человека. Но вот что любопытно — вспомним текст рассказа «Муму» И. С. Тургенева, где говорится о богатыре Герасиме: «Из числа всей ее челяди самым замечательным лицом был дворник Герасим, мужчина двенадцати вершков роста, сложенный богатырем и глухой от рождения».

Однако, позвольте, произведем несложные расчеты: двенадцать вершков, это значит 4,4 см, умноженные на 12. Что же это за «богатырь», если его рост равняется 52,8 см? В чем же дело? Но объясняется все очень просто. Существовала в литературе XIX в. одна условность, которая, нужно полагать, была общеизвестна и принята в устной речи. При обозначении роста человека не учитывались обязательные для каждого человека два аршина, а рост указывался только вершками, которые шли сверх нормы. И вот теперь мы можем определить рост Герасима точно: около двух метров — действительно богатырский рост.

Выражение *от горшка два вершка* носит шуточный характер, оно основано на литоте, так как рост ребенка не может равняться 8,8 см.

Другой единицей измерения была пядь, пядень. Она сохранилась в ряде выражений: *От дяди ни пяди, от кумы никуды; Ты от дела на пяденку, а оно от тебя на саженку*. В этих пословицах, как и во фразеологизмах *ни на пядь, семи пядей во лбу*, также сохранилась старинная мера длины.

В старину пядей было две. Одна из них называлась «малой пядью» и составляла расстояние от конца большого пальца до конца указательного пальца растянтой кисти. «Большая пядь» измерялась расстоянием от конца большого пальца до среднего или мизинца. Но мерять было удобней до указательного пальца, поэтому

в большем ходу была малая пядь. Кстати, и в наше время можно увидеть, как люди, не имеющие под рукой сантиметра, например в мебельном магазине, пользуются этой удобной мерой длины, которая всегда при себе.

А теперь попробуйте отсчитать семь пядей и представьте себе, может ли быть у человека такой лоб? Конечно, это тоже прием, который называется гиперболой. Преувеличение имеет цель показать достоинства человека, о котором так говорят.

Теперь уже нам должны быть понятны слова известной советской песни:

Чужой земли мы не хотим ни пяди,
Но и своей вершка не отдадим...

В Словаре В. И. Даля приводятся такие выражения со словом *пядь*: *пядень с кувырком*, т. е. с прибавкою двух суставов указательного пальца; пословицы: *Жили сажень, а доживать пядень; Уступишь на пядень, а потянут на сажень; Пяденька за пяденькой, а не стало саженьки*. Как видим, слово *пядень*, хорошо рифмовавшаяся со словом *сажень*, выступает в пословицах часто рядом.

Слово *сажень* также признак исконных русских выражений: *косая сажень в плечах, ростом с косую сажень, сажений размах* (у В. Маяковского: *размаха шаги саженьки*). Но с саженью дело обстоит сложнее. Уж очень много было разных саженей: *сажень дворовая, сажень городовая, сажень печатная*, а еще и *косая сажень*, попавшая во фразеологию. Вот последняя для нас как раз и важна.

В основе этой единицы тоже лежали расстояния между частями тела: расстояние между концом большого пальца вытянутой вверх руки и концом большого пальца противоположной ноги. Естественно, что для каждого человека такая «косая сажень» была своей, зависимой от роста. Но она еще приравнивалась к трем аршинам, т. е. была около 2 метров 13 сантиметров. Изготовленная из дерева в виде двух скрепленных под углом реек, она до сих пор используется для измерения земли. И в выражении *косая сажень в плечах* нетрудно усмотреть гиперболу.

Слово *аршин* более активно используется во фразеологии: *мерять на свой аршин, словно аршин проглотил, на три аршина сквозь землю видеть, мерить всех на один*

аршин; а раньше еще были выражения *аршинный товар, аршин не солжет, смерить на аршин* («побить палкою»), *семь аршин говядины и три фунта лент* (о чепухе, бессмыслице).

Это слово тюркского происхождения, оно было в ряде языков Европы и Азии, где также обозначало меру длины. В России стало употребляться с XVI в. Аршин делался из дерева, что и создает образную основу выражений *как аршин проглотил, смерить на аршин*.

Следует остановиться на трех сходных выражениях — *мерить на свой аршин, мерить одним аршином и мерить на аршин*. Значения этих довольно похожих выражений различны. Первое обличало купцов, жульничавших за счет использования укороченного аршина, оно приобрело значение «судить о ком-либо или о чем-либо только по своим представлениям»: «— Я заметил, ты все *меришь на свой аршин*, — ответил он» (В. Кочетов. Молодость с нами); «— ...От Лари Пескова — подальше, а Микитушку слушайте, да на *свой аршин мерьте...*» (Ф. Гладков. Повесть о детстве). К этому выражению в XIX в. присоединился вариант *мерить своей меркой*: «Как Павел Петрович ни воевал с нею, как ни доказывал, что требования ее чрезмерны и что *мерить всех по своим меркам* нельзя, на Елену это нисколько не действовало» (В. Кочетов. Молодость с нами).

Выражение *мерить одной меркой* подчеркивает беспристрастность оценки, однако оно часто несет отрицательную оценку; это же значение передает и выражение *мерить одним аршином*: «Вы принадлежите к особому разряду людей, которых нельзя *мерить на обыкновенный аршин*, ваши нравственные требования отличаются исключительной строгостью» (А. Чехов. Рассказ неизвестного человека); «Есть обстоятельства, когда надо допустить и другие соображения, когда нельзя все *мерить на одну меру*» (Ф. Достоевский. Униженные и оскорбленные).

И наконец, третье выражение — *мерить на аршин* — «судить с какой-либо точки зрения о ком-то или о чем-то»: «Подобных ему [Базарову] людей не приходится *мерить обыкновенным аршином*» (И. Тургенев. Отцы и дети).

Самая большая мера расстояния — верста. Она равнялась 500 саженим, но ранее исчислялась и 750 саженими и в 1000 сажений. Слово *верста* произошло от

глагола *вертеть* и сначала означало поворот плуга во время пахоты, т. е. то, что сейчас называется гоном. Верста встречается в ряде фразеологизмов, но в одних она определяет расстояние вверх, а в других в даль.

Коломенская верста — определение высокого человека. Основанием для этого определения явились особые верстовые столбы, которые были поставлены на дороге к резиденции царя Алексея Михайловича — к селу Коломенское.

А выражения *за семь верст киселя хлебать* или *семь верст до небес и все лесом* — это уже меры длины, как и в выражениях *за версту видно* кого-то или что-то, *мерить версты*.

Мерами веса на Руси были золотник, фунт и пуд. Золотник считался самой малой мерой и составлял 4,266 грамма. Он противопоставлялся пуду, который составлял 40 фунтов, или 16 килограммов по-современному. Это противопоставление и отражено в пословицах и фразеологизмах: *Недоля пудами, а доля золотниками; Беда приходит пудами, а уходит золотниками; Мал золотник, да дорог; пуд соли съест* с кем-то («хорошо узнать»); «— Подлинно, матери мой, человека не узнаешь, пока *пуд соли не съешь*, — говорила она...» (А. Писемский. Тысяча душ); «— Понять человека, говорят, — *пуд соли с ним съест* надо» (С. Сартаков. Философский камень).

Слово *фунт* (400 граммов) входит в два шуточных выражения: *узнать почем фунт лиха* — «о тяжелых испытаниях» и *не фунт изюму* — «не пустяк, не шутка». Слово *фунт*, латинского происхождения, но в этом языке оно не означало единицу веса, а значило «тяжесть».

Не раз менялись на Руси денежные единицы. После смены каждой денежной системы названия денег забывались или приобретали новые значения. Некоторые названия так и исчезли, опять-таки сохраняясь лишь в составе фразеологизмов и пословиц. Таковы, например, *полушка, грош, алтын, гривна*: *нет ни полушки за душой* — «очень беден», что-то или кто-то *полушки не стоит* — «не имеет никакой ценности», *за морем телушка полушка да рубль перевоз, гроша ломаного не стоит* — «не имеет ценности», *пропасть ни за грош* — «бессмысленно пропасть», *ни в медный грош не ставить* — «совсем не считаться с чем-то или с кем-то», *не было ни гроша да вдруг алтын* — «о неожиданном приобре-

тении чего-то значительного»; *Жалеть алтын — отдать полтину; С алтыном воюют, без алтына горюют; Потерял Мартын отцов алтын; Не стоит алтына, а тянется за полтиной; Счастье — бедному алтын, богатому — миллион; Лучшие на гривну убытку, чем на алтын стыда.*

Здесь мы должны коснуться истории денег на Руси. В XI—XII вв. на Руси функцию денег выполняли серебряные и золотые бруски, которые назывались гривнами. Так же назывались и шейные женские украшения из металла, которые получили название от слова *грива*, т. е. «шея». В дальнейшем появилось слово *гривенник*, которое обозначало уже 10 копеек. А откуда копейка?

В 1534 г., когда Ивану Грозному было еще 4 года, стали чеканить из металла деньги, которые и получили название *копейки*. Летопись «Софийский временник» рассказывает об этом так: «Князь великий Иван Васильевич учини знамя на денгахъ: князь великий на коне, а имея копые в руце, и оттоле прозваша денги копейныя». В этом тексте слово *знамя* означает «знак, рисунок, символическое изображение чего-то». Так *копейная монета* и стала названием денежным до нашего времени.

Слово *рубль* встречается в летописях с XI в., но оно имело там иное значение — «деревянный обрубок». Однако и денежные бруски делились на части, которые «отрубывались». И вот в XIII в., как показывает новгородская берестяная грамота, слово *рубль* приобретает значение денежной единицы. Хотя отрубки как денежные единицы вскоре исчезают, слово *рубль* сохранилось до наших дней со значением денежного характера.

Денежный разнобой очень мешал нормальному общению людей, и при Петре I была введена единая денежная система, по которой рубль стал основной единицей, содержащей 100 копеек.

Слова-компоненты *копейка* и *рубль* довольно активно входят в ряд исконных русских фразеологизмов: *копейка в копейку* — «точно», *дрожать над копейкой* — «быть скупым», *до последней копейки* — «полностью», *как одну копейку* — «все целиком (истратить, израсходовать)», *копейка цена в базарный день* — «очень малая цена; о чем-то, не имеющем ценности», *влететь в копейчку* — «дорого обойтись», *пропасть ни за копейку* — «бесмысленно пропасть», *(стрелять) в белый свет как в копеечку* — «неточно стрелять», *бить рублем* — «наказы-

вать материально, штрафовать», *гоняться за длинным рублем* — «искать легкого заработка», *как рублем подарить* — «сделать что-то приятное», *взять за рубль двадцать* — «о странном поведении кого-то», например: «— Феофан Парокопытов уже староват для полицейской службы. Но вот возьми его за *рунь двадцать*, вместо того, чтобы сидеть дома на перине, приперся чуть не за полночь на вечерку» (Г. Марков. Сибирь).

Слова *полушка* и *грош* получили символическое значение чего-то малого. И для этого были все основания: полушка была самой мелкой монетой — $\frac{1}{2}$ московской деньги, а деньга равнялась половине копейки. Польское по происхождению слово *грош* позднее также стало обозначением самой малой монеты: с XIX в. оно обозначало монету в полкопейки. А вот алтын — 3 копейки, что и создало пословицу *Не было ни гроша да вдруг алтын*. *Алтын* по происхождению слово тюркское, пришло, видимо, из татарского языка, но там оно имело иное значение — «золото».

АЗ, БУКИ, ВЕДИ...

Фразеология отражает и историю культуры народа. И здесь тоже обнаруживаются слова, помогающие выделить исконные фразеологизмы. К ним, в частности, относятся названия букв русской азбуки. История русской графики, русского письма довольно сложна. Основанная на базе кириллицы, одной из двух древнейших славянских азбук, и названная кириллицей в честь славянского просветителя Кирилла (Константина) Филозофа, одного из ее создателей, она долгое время сосуществовала с церковнославянской графикой, совершенствуясь и постепенно освобождаясь от лишних букв. О таких «лишних» буквах, уже исчезнувших, знают только специалисты, но их названия запечатлелись во фразеологизмах.

В прошлом каждая буква азбуки имела свое полное название, которое было похоже на обычное слово. Эти названия нужно было запоминать, что чрезвычайно усложняло процесс обучения грамоте. Вспомним, как М. Горький описал в повести «Детство» процесс обучения грамоте дедом Кашириным:

Вдруг дедушка, достав откуда-то новенькую книжку, громко шлепнул ею по ладони и бодро позвал

меня: — Ну-ка, ты, пермяк солены уши, поди сюда! Садись, скула калмыцкая. Видишь фигуру? Это — аз. Говори: аз! Буки! Веди! Это что? — Буки. — Попал! Это? — Веди. — Врешь, аз! Гляди: глаголь, добро, есть...

Заучивая буквы, люди обращали внимание на их форму, они что-то напоминали. И сам Алеша Пешков наблюдал тоже:

Слова были знакомы, но славянские знаки не отвечали им: «земля» походила на червяка, «глаголь» — на сутулого Григория, «я» на бабушку со мною, а в дедушке было что-то общее со всеми буквами азбуки.

Образность букв осознавалась народом и вкладывалась в устойчивые выражения, она заключалась и в загадки, означающие буквы: два косяка с притолокой — буква П. В. И. Даль приводит в Словаре народные описания внешности людей, напоминающих буквы: *Сам оником* (буква О), *а ручки фертом* (как буква Ф), *брюшко оником* и т. д.

При образовании фразеологизмов, включающих названия букв, учитывались различные признаки букв: место в алфавите, ее форма, соотношенность названия буквы с другими словами и явлениями жизни, с предментами. Обычно использовался один из признаков.

Место буквы в алфавите учтено в первую очередь для первой буквы — «аз» и последней — «ижицы». Аз стал символом начала, а ижица символом конца: *от аза до ижицы* — значит «с начала до конца». Когда-то это выражение было связано только с азбукой, но постепенно получило более широкое отвлеченное значение: «— Я на манер «нашего пострела», который всюду поспел, ухитрился уже пройти всю жизнь *от аза до ижицы*: и науки кончил, и своим домом жил, и под судом был, и в Сибирь попал» (А. Чехов. Нытье).

Пословица *Сам ни аза в глаза, а людей ижицей тычет* также включает в свой состав эти два названия с их символическими значениями, и означает она, что человек ничего не знает (даже аза), а других упрекает в незнании чего-то более сложного (конечного).

Слово *аз* входит в выражения *изучать азы, сидеть*

на азах, твердить азы: «Двое твердили азы, трое [учеников] твердили умножение, раскачиваясь, как маятник, от усердия» (Ф. Решетников. Глумовы); «*Твердит Яша азы да поглядывает в окошечко*» (А. Островский. Биография Яши).

Позднее эти выражения стали употребляться также в других ситуациях, получили более широкое значение: «Бархатов не смог сдержать одобрительной улыбки: заметно вырос Кулемин. А давно ли *познавал* большевистские азы» (Е. Пермяк. Горбатый медведь).

Противоположное значение получило выражение *ни аза в глаза*, т. е. «ничего не знать».

Интересно использовал различные признаки букв А. С. Пушкин в эпиграмме, посвященной поэту Ф. Глинке:

Поэт Фита, не становись Фертом!
Дьячок Фита, ты Ижица в поэтах!

Здесь даже названия букв даны с большой буквы, что говорит об их символическом значении. Народный образ — *стоять фертом* — означает горделивую позу человека, подпершего руки в бока. В эпиграмме и говорится, что стоять горделиво этому поэту нет оснований, поскольку он Ижица (т. е. последний) среди поэтов.

Место ижицы отражено в выражении *дошли до ижицы*, т. е. до конца.

И еще одно выражение с названием ижицы — *прописать ижицу*, т. е. «наказать». Это выражение породило несколько версий о его происхождении. «Ижица — последняя буква в алфавите, она же по форме напоминает плетку», — писал один из исследователей фразеологии М. И. Михельсон. Следовательно, *прописать ижицу* — «побить плеткой».

Академик Н. М. Шанский объясняет это иначе: «Если учить, что очень часто прописные буквы ранее писали не чернилами, а красной краской, то становится особенно понятной меткость иронии выражения *прописать ижицу*. Ведь при «хорошей» старательной порке, когда удары ложатся под углом друг к другу, на теле действительно возникает что-то вроде прописной ижицы».

Насчет «прописной ижицы», конечно, можно усомниться; ведь есть у нас целый ряд, где «прописать» вовсе не означает прописной: *прописать по первое число, прописать порку* и др.

Современные названия букв также вошли в состав фразеологизмов: говорят теперь *от а до я, ни бе ни ме не смыслить* и др.

КАША — МАТЬ НАША

Что ели наши предки? Какие блюда можно считать исконно русскими? Даже если бы мы этого не знали, нам подсказали бы ответ устойчивые выражения, в которых и отразились названия исконно русских блюд и продуктов питания.

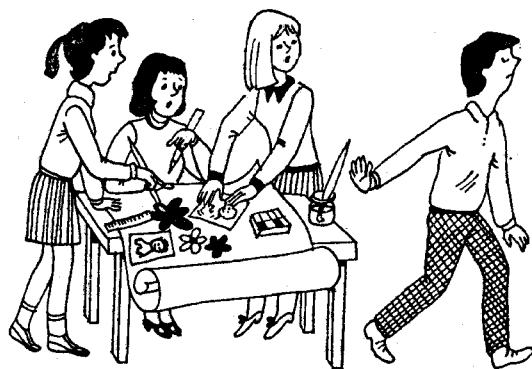
Важнейшими продуктами на Руси издавна были хлеб и соль. Хлеб считался основным продуктом, и поэтому он попал во множество пословиц: *Хлеб — батюшка кормилец; Хлеб — батюшка, водица — матушка; Хлеб выкормит, вода вымоет; Хлеб всему голова; Хлебушка калачу дедушка; От хлеба хлеба не ищут; Хлеб греет, не шуба* и т. д.

Хлеб на Руси символизировал самое дорогое, поэтому гостей и встречали хлебом-солью, отсюда и фразеологизмы: *встречать с хлебом-солью, делить с кем-то хлеб-соль, водить хлеб-соль*. Хлеб приобрел символическое значение чего-то крайне необходимого, стал символом достатка, заработка: *добывать себе хлеб, отбивать хлеб у кого-то, хлебом не корми (только дай что-то сделать), сидеть на хлебе и воде, есть даром хлеб* и др. Пожелание приятного аппетита выражалось формулой *хлеб да соль*, а само гостеприимство выражено словом *хлебо-сольство*.

Из основных блюд русской национальной народной кухни можно выделить кашу, щи (шти), квас, кисель. Эти слова-то и встречаются в составе фразеологизмов.

Слово каша входит в состав ряда пословиц и фразеологизмов: *Хороша кашка, да мала чашка; Кашу маслом не испортишь; Без каши не обед; Мать наша — гречневая каша; Щи да каша — пицца наша; каша во рту — «говорит непонятно», (башмаки, сапоги) каши просят — «рванные», каши не сварить (с кем-то) — «трудно сговориться, сладиться», мало каши ел — «о человеке, не способном сделать что-то», заваривать кашу — «затевать хлопотное, сложное дело», расхлебывать кашу — «распутывать сложное дело»* и др.

И здесь ряд выражений связан с народными обычаями. Таким, например, оказывается выражение *завари-*

вать кашу. Каша была обязательным угощением на свадебном пиру, так как она символизировала собой плодородие. В прошлом свадебный пир так и назывался: *чинить кашу*. В Новгородской летописи описывается жизнь Александра Невского: «Оженися князь Олександр, сын Ярославль, в Новѣгородѣ: поя в Полотьскѣ у Брячслава дчерь и вѣнчаса в Торопчи; ту кашу чини, а в Новѣгородѣ другую». Таким образом, Александр Невский дважды кашу чинил, т. е. устраивал свадьбу и в Торопце и в Новгороде.

Свадьба рассматривалась, и не без оснований, как дело хлопотное, отсюда и значение выражения *заваривать кашу*. Как видим, это перенос значения по связи, т. е. метонимия, когда деталь представляет весь процесс: свадьба представлена обязательным элементом — приготовлением каши. А далее выражение получило более широкое распространение уже на основе метафоры — дело сложное, как свадьба. И от этого фразеологизма родился новый по противоположности — *расхлебывать кашу*. Оба выражения встречаем в пословице: *Сам кашу заварил, сам и расхлебывай*.

С другим обычаем связаны выражения *(с кем-то) каши не сварить*. В древности существовал обычай братчины, когда пиршество готовили коллективно, на паях. Каждый человек должен был принести свою долю продуктов. Если человек не изъявлял желания участвовать в общем деле, о нем говорили, что с ним *каши не сва-*

ришь. И потом, уже в ином контексте, выражение сохраняло все-таки значение, с которым родилось, хотя и более широкое: «—...С ними мы каши не сварим, с Дороховыми. Надо принимать меры» (М. Соколов. Искры); «Сема исподлобья посмотрел на Наумку и сердито оттолкнул Кузря. — С вами... каши не сварить» (Ф. Гладков. Повесть о детстве).

В XVI в. в текстах появляется слово *шти*, т. е. *щи*. Слово это исконное, и называется оно исконно русское блюдо. Встречаем его и в исконных русских фразеологизмах: *попасть как кур во щи* (об этом выражении уже шла речь ранее), *лаптем щи хлебать* — «быть отсталым», *трем свиньям щей не разольет* — «о нерасторопном, неумелом человеке», *профессор кислых щей*.

Последнее выражение шутливо-иронического характера, оно определяет пренебрежительное отношение к человеку, которого так называют: «Грозной. Да ты кто такой? Горностаев. Я — профессор Горностаев. Грозной. Профессор кислых щей? Ха-ха-ха» (К. Тренев. Любовь Яровая).

Встречаем слово *щи* и в устаревших выражениях: *подогретье щи* — «о старых новостях»; *тех же щей, да пожиге влей* — «о затяжке дела».

Одним из самых распространенных блюд был кисель. Упоминание о нем встречаем в летописи под 997 годом. Известная летопись «Повесть временных лет» приводит рассказ о белгородском киселе. В нем говорится, как однажды Белгород осадили печенеги. У осажденных уже кончались запасы пищи, и печенеги ждали, когда город сдастся. Но нашелся в Белгороде мудрый старик-горожанин, который предложил остроумный выход. Он потребовал, чтобы жители города собрали по горсти муки и отрубей и в выкопанном колодце заварили кисель. Затем собрали остатки меда и закопали его в кадке. После этого в город пригласили послов от печенегов. И вот послы увидели «чудо»: два колодца, которые наполняются сами по себе и дают жителям пропитание. Впечатление было настолько сильное, что послы убедили осаждавших; они сняли осаду и ушли от города. С тех пор выражение *белгородский кисель* и означает ловкий обман.

Кисель на Руси имел также символическое значение, им угощали на поминках. С этим связано выражение *за семь верст киселя хлебать*, т. е. «идти на поминки

далеко», а затем — «затрудняться из-за чего-то не очень важного»: «— Ташиться за семь верст киселя хлебать, — проворчал подрядчик...» (С. Подъячев. Среди рабочих); «— Помилуйте, разве сладко свидетелем-то быть? — Какая сладость! Первое дело, за сто верст киселя есть, а второе, как еще свидетельствовать будешь!» (М. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия).

Выражение *седьмая вода на киселе* означает «далекое родство», а *молочные реки с кисельными берегами* — «нечто несбыточное».

О слове *квас* уже шла речь в связи с выражением *квасной патриотизм*. Слово *квас* входит также в выражения *перебиваться с хлеба на квас*; *часом с квасом, а порой и с водой*. Встречаем его и в ряде пословиц русского народа: *Есть квас, да не про вас*; *Ешь щи с мясом, а нет, так с квасом*; *Не смейся, квас, не лучше нас*. Как видим, квас был уделом бедняков, для которых он входил едва ли не в основной рацион питания.

Показателем исконности фразеологизмов служат и такие названия русских блюд, как блины. «Блинами, — писал В. И. Даль, — поминают покойника и празднуют свадьбу; блины называется стол у родителей молодой на другой день свадьбы». Блины на Руси имеют свою историю. Слово *блин* образовалось от формы *млин*, которая восходит к глаголу *молоть*. Русские блины восходят к языческим временам, когда славяне-солнцопоклонники декли блины, как подобие солнца, стараясь этим дей-

ствием способствовать концу зимы и помочь утвердиться теплу.

Слово *блин* входит в ряд фразеологизмов: *печь как блины* — «что-то делать быстро и без особых усилий», *первый блин комом* — «о неудачном начале чего-то», *как собаке блин* — «очень мало», *блином в рот лезет* — «о лъстеце», *тот же блин, да подмазан* — «о старой но- вости».

ЛАПТИ ПРОТИВ САПОГ

Исследователи русского быта давно обратили внима- ние на то, что одежда людей в прошлом была строго регламентирована: каждый должен был одеваться в со- ответствии со своим положением в обществе. Так, ис- следуя историю быта в России XVIII в., Л. Н. Семенова в книге «Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII в.» пишет: «Обувь на- селения была разнообразной и довольно точно позволяла судить о социальном положении человека. Единственной приличной для дворянина обувью считались сапоги». И далее: «Древнерусская деревня вовсе не была ла- потной, как это представлялось прежде. Лапти очень редко упоминаются в источниках XVII в. Зато они хоро- шо известны по материалам XVIII в.». Если учесть, что основная часть современной русской фразеологии форми- ровалась именно в XVIII в., то не стоит удивляться тому, что лапти попали во фразеологию.

Но вот что интересно: лапти в пословицах и поговор- ках чаще всего противопоставляются сапогам: *Правда в лаптях, а кривда хоть и в кривых, да в сапогах; Ла- поть знай лаптя, а сапог сапога; И мы не на руку лапоть надеваем; Лапти плетешь, а концов хоронить не умеешь; лапти плести* — «путать в деле», *переобуть кого-то в лапти* — «одурачить», *в лапоть звонить* — «быть без де- ла», *не лапоть сплесть* — «не сразу можно сделать». *лаптем щи хлэбать* — «о неумелом, примитивном челове- ке», *лапти откинуть* — «умереть», *(что-то) в сапожках ходит* — «дорого стоит», *два сапога пара* — «о сходных людях, характеризующихся чем-то плохим».

В этом ряду фразеологизмов и пословиц нетрудно усмотреть антагонистические отношения между лаптем как символом простого и бедного человека и сапогом, символизирующим достаток и знатность.

Объяснение стоит дать лишь к выражению *обуть в лапти*. Это хорошо сделал великолепный знаток мос- ковского быта конца прошлого и начала нашего века В. А. Гиляровский в рассказе «Один из многих»:

Под навесом среди площади, сделанным для за- щиты от дождя и снега, колыхался народ, ищущий поденной работы, а между ними сновали «мартышки» и «стрелки». Под последним названием известны ни- щие, а «мартышками» зовут барышников. Эти — грабители бедняка-хитровака (речь идет о Хитровом рынке в Москве. — Ю. Г.), обувающие, по местному выражению, «из сапог в лапти», скупают все, что имеет какую-либо ценность, меняют лучшее платье на худшее или дают «сменку до седьмого колена», а то и прямо обирают, чуть не насильно отнимая платье у неопытного продавца.

Нелепое на первый взгляд выражение *сапоги всмятку* за счет такой своеобразной сочетаемости слов передает как раз идею нелепости.

Одежда людей меняется очень часто, мода весьма подвижна. Еще совсем недавно в ходу были такие на- именованья, как *шпильки, платформы, румынки*, а се- годня они уже вытеснены новыми названиями модной обуви. Устарело слово *кафтан*, называющее исконно рус- скую одежду. Устарели и связанные с ним выражения: *кафтан с подкладкой* — «о человеке, у которого много денег», *пуст карман, да синь кафтан* — «о щеголе, не имеющем денег», *служить по кафтану* — «служить по оплате, в соответствии с тем, сколько платят».

А вот *тришкин кафтан*, ведущий начало от басни И. А. Крылова, употребляется довольно активно.

Важной деталью одежды была шапка. У мужчин и замужних женщин голова по нормам прошлого должна была обязательно быть покрыта. Снять с мужчины шап- ку означало опозорить его. Так, с должников на рынке публично снимали шапку, что символизировало позор, но после этого им прощались долги. Отсюда понятен ряд фразеологизмов: *дать по шапке, получить по шапке. Снять шапку, ломать шапку* перед кем-то означало ува- жение.

Выражение *ходить козырем* в наше время обычно соотносят с игрой в карты, где выделяются условно

карты одной масти как «козыри». В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова выражение приводится в словарной статье «козырь», где первое значение указано как «карта старшей масти», что наводит некоторых читателей на мысль связи выражения с картами.

Однако это не так. Вот как объясняет историю выражения Вл. Волжанин в книге «Древняя Русь в пословицах и поговорках»: «В отличие от простых людей знатные и чиновные лица прикрепляли себе сзади шеи у ворота особый козырь, вышитый золотом, серебром или жемчугом. С этим козырем бояре показывались на торжествах и царских выходах. Расшитый козырь торчал столь внушительно и придавал такую гордую осанку, что и до сих пор «ходить козырем» — значит высоко держать голову, выступать с большой важностью».

Вспоминая об одежде прошлого, стоит обратить внимание на слово *рубашка*. Оно оказывается родственным по происхождению таким словам, как *рубить*, *рубитьце*. Древнерусское *руб* означало «плохая одежда, грубая ткань». А. Терещенко в книге «Быт русского народа», изданной в середине прошлого века, писал о древней одежде славян: «Рубашки, называемые сорочками... шились из холста длинными до колен, с разрезанным наперед воротом». Рукава у рубах были тоже длинными, отсюда и нужно было *засучивать рукава* во время работы, *спустя рукава* работать было неудобно, о чем и напоминают нам выражения *спустя рукава* и *засучив рукава*.

Рубашка носилась на голое тело, отсюда и *своя рубашка ближе к телу*, *отдать последнюю рубашку* и др.

ОТ НАРОДА ДЛЯ НАРОДА

«Мы теперь стараемся все наши идеалы и мысли, взятые из жизни, как можно реальнее и правдивее изобразить до самых мельчайших подробностей бытовых, а главное, мы считаем первым условием художественности в изображении данного типа верную передачу его образа выражения, т. е. языка и даже склада речи, который определяется самым тон роли». Это написал в середине прошлого века великий русский драматург А. Н. Островский.

Писатель, если он настоящий писатель, должен чув-

ствовать свой народ, учиться у него, но он должен и отдавать ему, обогащая язык народа своего. Говоря, что основу русской фразеологии создал народ, нельзя и умалять роль писателей, внесших свою лепту.

Уже говорилось, как много сделал в этом отношении И. А. Крылов. Приведенный перечень созданных им выражений можно продолжить: *сильнее кошки зверя нет, от радости в зобу дыханье сперло, лебедь, рак и щука, а воз и ныне там, щуку бросили в реку, а ларчик просто открывался, слон и моська, без драки попасть в большие забияки, как белка в колесе, великий зверь на малые дела, ворона в павлиньих перьях, чтоб гусей не раздражить, демьянова уха, и моего хоть капля меду есть, и я его лягнул, как ни садитесь, а в музыканты не годитесь, кукушка хвалит петуха, синица моря не зажгла, не лучше ль на себя, кума, оборотиться, орлам случается и ниже кур спускаться, римский огурец* и др.

Большой вклад внес во фразеологию А. П. Чехов. Широко известны и активно употребляются созданные им выражения: *унтер Пришибеев, палата № 6, лошадиная фамилия, увидеть небо в алмазах, мантифолия с уксусом* и др.

Наиболее значительно выражение *человек в футляре*. За ним тип человека, который встал в ряд широко известных в художественном отношении персонажей, таких, как Чичиков, Обломов и др.

Чехов был очень внимателен к слову и подолгу вынашивал характеры своих героев. Для учителя гимназии Беликова ему удалось найти очень емкую формулу. Футляр оказался главной внешней чертой, раскрывающей образ. Не менее важной оказалась другая формула, обнаруживающая внутреннюю сущность беликовщины, — *как бы чего не вышло*. Это выражение существовало и раньше. Его, например, встречаем у Салтыкова-Щедрина, где чиновники хором твердят *как бы чего не вышло*. Однако это сугубо «чиновничье выражение» как нельзя кстати пришлось к Беликову. Связав его со своим героем, Чехов придал ему особый оттенок значения. После выхода чеховской повести оно стало часто употребляться.

В выражении *мантифолия с уксусом* обращает на себя внимание слово *мантифолия*. Откуда оно взялось? Как полагают языковеды, возникло оно в среде семинаристов от греческого слова со значением «ясновидец,

пророк». Но у нас оно приобрело значение «патетическая речь», а добавление к нему слова *уксус* создало ироническое выражение со значением чепухи (ср. *чепуха на постном масле*).

Есть среди чеховских выражений и менее известные выражения: *живая хронология* — «о человеке, много помнящем», *миндальное выражение* — «о сладком, неискреннем выражении лица», *сарайная жизнь* — «неблагоустроенная жизнь» и др.

Каждый крупный писатель оставлял в русской фразеологии свои оригинальные выражения. Грибоедовское «Горе от ума» оставило, например, такие выражения: *завиральные идеи, дым отечества, мильон терзаний, как не порадеть родному человечку, свежо предание, а верится с трудом, шел в комнату, попал в другую* и т. д.

Немало фразеологизмов подарил русскому языку великий Пушкин: *с веком наравне, тяжела ты, шапка Мономаха, с корабля на бал, властитель дум, гений чистой красоты, глаголом жечь сердца людей, скупой рыцарь, пир во время чумы, не мудрствуя лукаво, остаётся у разбитого корыта* и др.

От М. Ю. Лермонтова ведут начало выражения *герой нашего времени, без руля и без ветрил, дух изгнанья*.

Большое количество фразеологизмов принадлежит Н. В. Гоголю. Из знаменитого «Ревизора» вышли выражения *свинья в ермолке, легкость в мыслях необыкновенная, сама себя высекала, а подать сюда Тяпкина-Ляпкина, кто раньше сказал «Э», как мухи выздоравливают*; из других произведений вышли *мертвые души, исторический человек, есть еще порох в пороховницах, пошла писать губерния* и др.

М. Е. Салтыков-Щедрин, великий мастер сатиры, обогатил русскую фразеологию выражениями, которые служат характеристикой определенных типов людей: *премудрый песткарь, карась-идеалист, Иудушка Головлев*.

Советские писатели продолжают эту традицию. М. Горький создал выражения *свинцовые мерзости, безумство храбрых, человек с большой буквы*. Обычно такие выражения мотивируются самими текстами произведений.

Вот, например, выражение Горького *да был ли мальчик-то?* В тексте романа «Жизнь Клима Самгина» рассказывает, как Клим Самгин с другими ребятами катался по льду реки на коньках. Двое из ребят —

Борис Варавка и Варя Сомова — провалились в воду. Клим сначала спешит помочь Борису, но, испугавшись, бросает конец ремня, протянутый Борису для спасения. Мальчик гибнет. И вот, разыскивая утонувших, кто-то изрекает: «— *Да был ли мальчик-то?* может, мальчика и не было». Найдена формула, помогающая отделаться от чего-то сложного, формула, за которую можно спрятаться, чтобы не чувствовать укоров совести: *а может, мальчика-то и не было*. И все спокойно!

И еще одно выражение Горького. Существует фразеологизм *точка зрения*, который означает определенный взгляд на явления, на отношение к чему-то: «Чтобы занять себя мыслями, я становлюсь на прежнюю *точку зрения*, когда я был равнодушен...» (А. Чехов. Скучная история); «Ты разделяешь, Бунчук, их *точку зрения?*» — задал вопрос Листницкий» (М. Шолохов. Тихий Дон).

М. Горький, отталкиваясь от этого выражения, создает новое, свое — *кочка зрения*. Комментирует это он в статье «О кочке и точке»: «Есть *кочка зрения* и *точка зрения*. Это надобно различать. Известно, что кочки — особенность болота и что они остаются на месте осушаемых болот. С высоты кочки не много увидишь. *Точка зрения* — нечто иное: она образуется в результате наблюдения, сравнения, изучения литератором разнообразных явлений жизни». Здесь четко представлена образная основа созданного выражения, особенно если учесть метафорическое значение слова *болото*.

Советские писатели продолжают обогащать нашу фразеологию. В 20—30-е гг. родилось много выражений из публицистических произведений. В 1928 г. вышел в свет сборник критических статей литературоведа В. Шкловского с необычным названием «Гамбургский счет». Название объяснял сам автор в «Предисловии»: «*Гамбургский счет* — чрезвычайно важное понятие. Все борцы, когда борются, жулят и ложатся на лопатки по приказанию антрепренера. Раз в году в гамбургском трактире собираются борцы... Здесь устанавливаются истинные классы борцов — чтобы не исхалтуриться». Таким образом, *по гамбургскому счету* означало «в соответствии с действительностью». На базе этого выражения родились новые. В. Каверин в романе «Исполнение желаний» впервые употребил выражение *по большому счету*.

С именем журналиста М. Кольцова связывают вы-

ражение *дело пахнет керосином*. Нужно заметить, что в XIX в. слово *пахнуть* употреблялось в значении «подозревать, обнаружиться», когда речь шла о чем-то неблагоприятном, нехорошем. «Письмо твое пахнет унынием», — писал Н. В. Гоголь А. Данилевскому. В Словаре В. И. Даля приводится выражение *Не жареное — не пахнет*, отсюда затем родилось выражение *пахнет жареным*, что значит «есть, обнаруживается что-то нехорошее».

Но кольцовское выражение связано с иным. Как установил лингвист К. С. Горбачевич, впервые выражение появилось в фельетоне М. Кольцова, опубликованном в газете «Правда» от 30 марта 1924 г. В фельетоне речь шла о махинациях в США:

Американцы подозрительно потянули носом: из Белого дома явственно *попахивало чем-то горючим*. Нефть не нефть, а что-то вроде очищенного бензина чувствуется... Кое-кто из судебных следователей оказался не без греха. У одного несколько нефтяных акцишек завалилось на самом дне кармана. Другой еще совсем недавно получил за прекращение нефтяного дела взятку средних размеров, крепко и убедительно *пахнувшую керосином*.

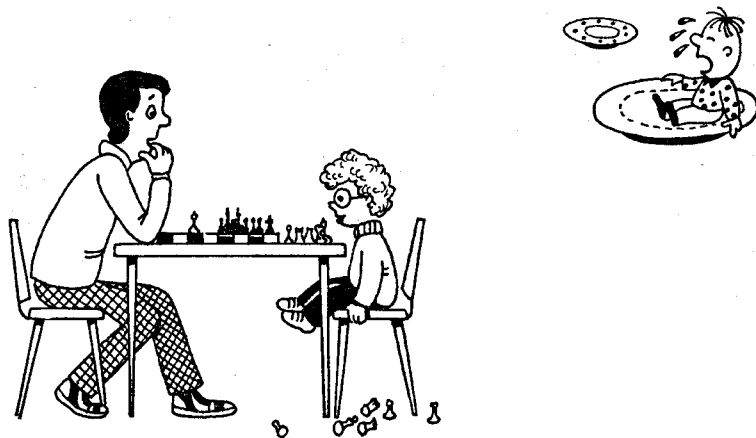
Как видно из текста, здесь фразеологизм еще не сформировался, но образная основа его уже была готова.

В дальнейшем выражение стало употребляться со словом *дело* или без него, просто — *пахнет керосином*, значит что-то нечисто: «Хотя учился он так себе, но зато знал, кому что снится и откуда *пахнет керосином*» (В. Шефнер. Сестра печали).

Из известных романов И. Ильфа и Е. Петрова вышли выражения, характеризующие определенные типы людей: *Остап Бендер, великий комбинатор, Эллочка Людоедка, Васисуалий Лоханкин*. Символом мошеннического предприятия стали *рога и копыта*.

Из михалковской басни родилось *заяц во хмелю*, от К. Чуковского идет выражение *доктор Айболит* и т. д.

Русский фольклор также послужил богатым источником фразеологии. Со сказками связаны фразеологизмы *живая вода, за тридевять земель, избушка на курьих*

ножках, остались у бабушки рожки да ножки, по щучьему велению, сказка про белого бычка, битый небитого везет, при царе горохе, молочные реки с кисельными берегами и многие другие.

Но и в тех случаях, когда впервые встречаем то или иное выражение у русского писателя, не всегда легко решить вопрос о его исконности. Обратимся к конкретным случаям.

У А. С. Грибоедова в «Горе от ума» встречается выражение *быть не в своей тарелке*. Фамусов говорит Чацкому: «— Любезнейший, ты не в своей тарелке». Почему в «тарелке»? Первым обратил на это внимание А. С. Пушкин. И Грибоедов, и Пушкин великолепно знали французский язык. Оба знали, что у французов есть выражение *Dans son assiette ordinaire*, которое употреблялось для обозначения положения человека. Но у Грибоедова выражение *не в своей тарелке* обозначало уже состояние человека, на что и обратил внимание Пушкин: «...Assiette — значит положение от слова *asseoir*, но мы перевели каламбуром — *в своей тарелке*». Основанием для создания такого каламбура послужил тот факт, что во французском языке слова *положение* и *тарелка* сходны по звучанию, т. е. являются омонимами.

Но как считать этот случай — заимствованием или нет? В науке принято положение: если слово или выражение создано в каком-то языке на базе материала

другого языка, в котором такого слова или выражения с этим же значением нет, то такое образование признается исконным. Именно так на базе французского *cher amie* («дорогой друг») родилось русское образование *шерамыжник*, отнюдь не с тем же значением, а со значением *попрошайка*.

И еще одно выражение — *петь Лазаря*. Оно означает в наше время «прибедняться, прикидываться несчастным». Во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А. И. Молоткова к нему дается комментарий: «От евангельской притчи о нищем Лазаре, который лежал в струпьях у ворот богача и рад был напитаться крохами с его стола». Но при чем здесь «прибедняться» и почему «петь» Лазаря?

Объяснение находим в текстах XIX в. Вот у А. И. Герцена в «Былом и думах»: «На монастырском дворе сидят целые толпы нищих, калек, слепых, всяких уродов, которые хором поют *«Лазаря»*. Обратите внимание: «Лазарь» дан в кавычках. Что это — название какого-то произведения? Да, именно. Так называлось песнопение нищих, которые просили подаяние и хотели растрогать слушателей печальной историей библейского Лазаря. Вот отсюда и значение «прибедняться»: «Здесь же около ворот сидели слепые и *пели Лазаря*, чутко прислушиваясь к ударам копеек, падавших в деревянные чашки, которые они расставили около себя...» (С. Подъячев. Среди рабочих). И вот новое значение: «— А вот что потом, после своей ошибки человек делает — это другой вопрос! Твой отец *Лазаря* никому *не пел*. Встал за свой станок и стоял за ним, пока жил» (К. Симонов. Солдатами не рождаются); «— От Семилужков до Лукьяновки рукой подать. А то ноги-то затоскуют. *Лазаря запоешь*, — смеялась Маша» (Г. Марков. Сибирь).

И выходит, что выражение *петь Лазаря* лишь косвенно связано с евангельской притчей, а на самом деле чисто русское образование.

ЧУЖИЕ, НО ВСЕ-ТАКИ НАШЕНСКИЕ

Как уже было сказано, иноязычные выражения распознать бывает нелегко. Легче всего это, конечно, сделать, если заимствование «чистое» и оно сохранило родное свое звучание. В прошлом веке такие выражения даже писались их родными буквами, писать такие вы-

ражения русскими буквами считалось неприличным, что прослеживается в текстах писателей прошлого: «Когда дым рассеялся, Грушницкого на площадке не было... Все в один голос вскрикнули. — *Finita la comedia*, — сказал я доктору» (М. Лермонтов. Герой нашего времени); «Высокоталантливый обвинитель с необыкновенной тонкостью очертил нам все *pro* и *contra* предположения о возможности обвинить Смердякова в убийстве» (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы); «— Да, — сказал он нежно, как женщина, улыбаясь ему, — дай мне *carte blanche*, выходи из полка, и я тебя втяну незаметно» (Л. Толстой. Анна Каренина).

Итальянское выражение *финита ля комедия* — «комедия окончена», т. е. «конец какого-то дела», латинское *pro et contra* — «за и против», французское *карт бланш* — «чистый бланк», т. е. «полная свобода действий» — все перечисленные выражения в текстах прошлого века, как видим, передавались в родной графике. Но этот запрет в XX в. был уже снят, и теперь такие выражения обычно передаются в русской графике. Сравните: «Теперь вообразите себе мою небольшую комнату, печальный зимний вечер, окна замерзли и с них течет по веревочке, две сальные свечи на столе и наш *tête-à-tête*» (А. Герцен. Былое и думы); «Я остался охранять чемоданы *tet-a-tet* с этой мужеподобной фурией» (С. Крутилин. Липяги); «Изредка он устраивал ужины, впоследствии — обеды. Для обедов он приглашал повара и лакеев из «Малого Ярославца», где считался *persona grata*» (П. Гнедич. Книга жизни); «— Мне просто обидно: к нам идет прекрасный человек, а мы, не зная, не видя его, уже готовы... — Объявить *персоной non grata*, — вставил Белогрудов» (В. Кочетов. Молодость с нами).

Французское выражение *tet-a-tet* имеет в русском языке несколько значений: «с глазу на глаз, наедине», «вдвоем» и «беседа двух лиц». У А. И. Герцена использовано последнее значение. А латинские выражения *персона грата* и *персона non грата* употребляются во многих языках, они используются и в официальных значениях, в качестве официальных дипломатических терминов: когда из страны высылается иностранный посол, он объявляется *персоной non грата*. В нашем языке эти выражения имеют несколько шутовское значение: «желательная личность» и «нежелательная личность».

К числу заимствованных фразеологизмов, сохранивших в основном свое родное звучание, относятся также выражения *идея фикс* — «навязчивая идея» (франц.), *альма матер* (буквально «кормящая мать») — «вуз, который окончил говорящий», *альтер эго* — «второе я» (лат.).

Многие из этих выражений существуют уже в двух формах: и в родном звучании, и в русском переводе. Такой перевод называется калькированием. При калькировании иноязычные слова заменяются русскими эквивалентами, например: *мemento мори* — *помни о смерти*, *сальто мортале* — *смертельный прыжок*.

Особо выделяются заимствования из старославянского языка, поскольку этот язык тесно связан с судьбой русского языка.

Фразеологизмы-старославянизмы обращают на себя внимание формой слов: *ищите и обряцете* — «ищите упорно и достигнете, добьетесь», *толцйте и отверзется* — «стучите и добьетесь», *притча во языцех* — «то, что у всех на языке, что волнует людей в настоящее время»: «Извозчичья гора, наверно, долго еще будет *«притчей во языцех»*» (П. Нилин. Испытательный срок).

Заимствования, однако, редко бывают точной копией. Чаще всего они как-то обрабатываются заимствующим языком. *В чужой монастырь со своим уставом не ходят* — говорит русская пословица. И действительно, попадая в другой язык, фразеологизм обычно что-то меняет: формы слов, словесный состав или даже само значение. Такая адаптация затрудняет процесс установления исконности выражения.

Нередко бывает так: кажется, что фразеологизмы двух языков сходны, но вместе с тем в глаза бросается и их различие. Сравните сами:

Русские	Латинские
<i>вилами по воде писано</i>	<i>писать на воде</i>
<i>одной ногой в могиле стоять</i>	<i>одной ногой стоять в лодке Харона</i> (Харон — мифический перевозчик в загробный мир)
<i>тише едешь — дальше будешь</i>	<i>спеши медленно, не торопясь</i>
<i>поспешешь — людей напугаешь</i>	
<i>после смерти покаяние</i>	<i>после смерти лекарство</i>

Заимствование не всегда идет кратчайшим путем. Нередко фразеологизм приходит через два-три языка. Так, выражение *строить воздушные замки* хорошо известно во многих языках мира. Исследователи возводят его к сочинениям богослова IV века н. э. Августина Блаженного. Поскольку богословские трактаты в те времена писались на латинском языке, нужно полагать, что оно и возникло в этом языке. Но В. И. Даль в Словаре сопровождает его пометой «с немецкого». Следовательно, перед нами как раз такое заимствование через язык-посредник.

Из числа заимствованных фразеологизмов необходимо выделить прежде всего две наиболее большие группы: это библеизмы и мифологизмы.

Библия в наше время утратила значение «священного писания», она рассматривается скорее как памятник древней письменности, как литературный памятник. От греческого слова *biblia*, буквально «книги» (ср. *библиотека*). «Советский энциклопедический словарь» определяет эту книгу как сборник разновременных и различного характера сочинений VIII в. до н. э. — II в. н. э. (мифы о сотворении мира, исторические повествования).

Мифический характер содержащихся в ней легенд нетрудно увидеть в связи с такими, например, выражениями: *мафусаилов век* — от легенды о Мафусаиле, который жил якобы 969 лет; *аредовы веки* — от легенды об Иареде, который прожил якобы 962 года. Оба этих выражения просто знаменуют собой долгое время.

Библейские образы встречаются в баснях и легендах, отразились они и во многих фразеологизмах. Достаточно напомнить такие: *волк в овечьей шкуре*, *козел отпущения*, *заблудшая овца*, *метать бисер перед свиньями*, *камень преткновения*, *блудный сын* и многие другие.

На базе библейских легенд возникли выражения *вавилонское столпотворение* — «полная неразбериха», *обетованная земля* — «нечто желанное, место, где довольство и счастье», *знамение времени* — «общественное явление, характерное для данного времени», *зарывать талант в землю* — «о неиспользованных возможностях». Количество библеизмов в русской фразеологии очень велико.

Вторая большая группа — мифологизмы, т. е. выражения, связанные с греческой мифологией. Каждый из таких фразеологизмов содержит в себе указание на древний миф. Вот, например, выражение *ящик Пандоры*,

означающее «источник несчастий», связано с мифом о Пандоре (*Пандора* по-гречески — «всем одаренная»). Это первая женщина, сотворенная по воле верховного бога Зевса. В наказание за проступок Прометея, похитившего у богов огонь и передавшего его людям, Гефест создал Пандору из земли и воды, придав ей облик богини и человеческий голос, человеческую прелесть. Но одновременно ее одарили хитростью и коварством, красноречием и лживостью. Зевс отдал ее замуж за брата Прометея Эпиметея, которому подарил коварный подарок — сосуд (ящик), где были заключены все людские пороки, несчастья и болезни. Движимая любопытством, Пандора открыла ящик, и с тех пор человечество, по мифу, терзается этими несчастьями. А выражение *ящик Пандоры* означает теперь «вместилище бед». Миф этот стал известен из поэмы греческого поэта Гесиода «Труды и дни».

Сведения о фразеологизмах, связанных с мифами Древней Греции, дает «Мифологический словарь», составленный М. Н. Ботвинником и др. Этот Словарь содержит около тысячи статей, посвященных мифологии древних греков, и помогает осмыслить все выражения этого порядка. Вот, например, статья, посвященная выражению *дары данайцев*:

Данайцев дары — крылатое выражение, возникшее в связи с легендой о взятии Трои и *Троянском коне*. Когда троянцы хотели затащить в город оставленного греками (данайцами) деревянного коня, жрец *Лаокоон* воскликнул: «Боюсь данайцев, дары приносящих!», т. е. подарок врага таит в себе опасность». («Ох, боюсь я данайцев и Вам советую бояться!» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47, с. 19)).

Многие заимствованные фразеологизмы настолько уже стали привычными в русской фразеологии, что мы употребляем их, не думая об их иноязычном происхождении.

Глава 5

«ДРЕВНЯЯ РАССЫПАННАЯ ПОВЕСТЬ»

ЭХО ВЕКОВ

Люди часто думают о прошлом, об истории своей страны, своего народа. Одно из стихотворений Ф. И. Тютчева начинается с вопроса:

От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?

Поэт как бы сожалеет о том, что все страсти человеческие проходят бесследно и «природа знать не знает о былом», «ей чужды наши призрачные годы».

Чужды ли прошедшие годы природе — это другой вопрос. А человеку не чужды. То, что было, так или иначе сохраняется в памяти человеческой, потому что без памяти нет вообще человека.

И здесь стоит вспомнить слова Н. М. Карамзина, написанные в предисловии к «Истории государства Российского»: «История, отвергая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созидающая царства и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия, ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим...»

История нашла свое материальное воплощение в камне и металле, легендах и летописях и, конечно, в языке. «Народ и язык один без другого представлен быть не может... Народ действует, его деятельностью управляет ум; ум и деятельность народа отражаются в языке его» — так писал крупнейший филолог и этнограф прошлого века И. И. Срезневский.

Мысли о связи народа и языка беспокоят и современных писателей. Однажды над этим вопросом задумался Самуил Яковлевич Маршак и написал стихотворение:

На всех словах события печать.
Они дались недаром человеку.
Читаю: «Век. От века. Вековать.
Век доживать. Бог не дал сыну веку.
Век заедать, век заживать чужой...»
В словах звучит укор, и гнев, и совесть.
Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть.

Древняя рассыпанная повесть... Назвать повестью словарь языка у писателя были все основания, ибо язык отражает жизнь народа во все времена. Нужно только выявить эти связи языка с народом, привести их в систему... И возникнет повесть о жизни народа.

Идея восстановить «повесть» давно лежит в основе действий и историков просто, и историков языка, и историков искусства. Немало работ посвящалось этой идее. Так, в прошлом веке были изданы работы, рассказывающие о связи языка с народом.

В середине прошлого века известный этнограф и фольклорист И. М. Снегирев издал большой труд из четырех томов с названием «Русские в своих пословицах и поговорках». Другой этнограф — Д. О. Шеппинг написал книгу «Русская народность в ее поверьях, обрядах, сказках». Крупной работой явилась трехтомная работа А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов» (избранные места из этой работы недавно переизданы под названием «Древо жизни»). Книга Афанасьева опиралась на языковые данные, что помогало восстановить ряд русских обычаев и показать историю выражений. Приведем лишь один пример. Отъезжающим обычно махали платком, это означало, что им желают хорошего пути, счастливой дороги, ровной и гладкой, как полотно. Если сравнить слова *платок* и *полотно (дороги)*, а также выражение *скатертью дорога*, которое означало ранее «счастливого пути», то связь слов с обычаем становится очевидной.

Восстанавливая «древнюю рассыпанную повесть», мы

обратимся к фактам истории, жизни и быта народа. Но прежде всего обратим внимание, что многие выражения не открывают нам своей исторической основы, хотя и кажутся странными по форме. Вот, например, ряд выражений: *испокон (спокон) веку, пускать слова на ветер*. Рассмотрим каждое из них, чтобы убедиться, что в них заложены кусочки нашей «повести».

Выражение *испокон веку* содержит в составе непонятное слово *испокон* (или *спокон*), что не мешает нам употреблять все выражение, даже не замечая его, когда нужно передать значение «издавна», «с очень давних пор». При этом сам непонятный компонент довольно широко варьируется: «Вот он, неласково жесткий ржаной колос, *испокон веков* политый потом, слезами, кровью» (В. Тендряков. Тугой узел); «— Всюду так, — пробурчал после довольно длительного молчания Степан. — Такой порядок, *спокон века*: кого люблю, того и бью» (Л. Лагин. Голубой человек); «Деды и прадеды наши пришли сюда из Володимирских и Мижгородских слобод, где они тонким тканьем да чеботарским ремеслом занимались. *Сispoкон века* в чистоту облекались» (Ф. Гладков. Повесть о детстве); «Это наша земля *со спокон веку*» (Там же).

Как видим, даже у одного писателя употребляется выражение в различных формах. Вместе с тем в далеких употреблениях оно встречается в форме *испокон века*.

Объяснение этому выражению дал И. М. Снегирев: «Переход славяноруссов от язычества к христианству составляет между тем и другим КОН, в который нередко переступали старобытные поверья, взвychаи (поконы), слившиеся с нравами и обычаями народа». Следовательно, *испокон* — еще до кона (в период язычества), или «очень давно». Объяснение происхождения фразеологизма раскрывает еще один эпизод из жизни народа.

И наконец, *бросать слова на ветер, кидать слова на ветер, пускать слова на ветер*. В вариантах приведенного выражения все слова хорошо знакомы. Но все-таки оно кажется странным: кому в наше время придет в голову пускать слова по ветру и зачем?

На время отвлечемся от этого выражения, а обратим внимание на факт существования современных выражений: *бросать деньги на ветер, бросать добро на ветер, пускать по ветру деньги* и т. д. Для них нетрудно придумать образную основу. Вспомним пьесы А. Н. Остров-

ского и вообразим себе купчика, который, похваляясь богатством, бросает деньги по ветру. Образ достаточно ясный, чтобы вынести значение выражения — «зря расходовать что-то ценное, деньги».

Но все дело в том, что современные выражения возникли гораздо позднее, чем выражение *пускать слова на ветер*. Более того, они возникли на базе этого выражения.

Обратите внимание: в выражении *пускать слова на ветер* первый член варьируется — пускать, бросать, кидать, а второй нет. Почему? В более поздних выражениях второй член как раз и несет смысловую нагрузку, он указывает, что о пускать на ветер: «— Глупо бросать деньги на ветер» (И. Тургенев. Вешние воды); «Максимов. ...В один час ты пустил на ветер свою честь...» (Б. Лавренев. За тех, кто в море); «...Много тысяч рублей выбрасывает на ветер» (А. Рыбаков. Екатерина Воронина); «...Ферму он пустил на ветер на другой же день» (Е. Пермяков. Сказка о сером волке); «Кусок моей жизни, крупная ставка — нет, не хочу выбрасывать на ветер» (В. Тендряков. Свидание с Нефертити).

Но вернемся к истории выражения *пускать слова на ветер*. И для начала посмотрим документ XVII в., обнаруженный в судебных делах этнографом Е. Е. Елеонской, изучавшей историю заговоров и колдовства на Руси. Вот он: «Волхов — коновал Дорофей Прокофьев был сожжен в срубе за то, что, по свидетельству разных людей, заговорными словами по ветру напускал на царя Петра Алексеевича в подмосковном селе Хорошове».

Небольшая запись, но что за ней стоит! Как установила Е. Е. Елеонская, в XVII—XVIII вв. «заговор был хорошо знаком всем слоям общества». С его помощью, как полагали, можно было не только привораживать, унимать зубную боль и т. п., но и насыпать на человека порчу, приносить ему вред, даже не видя его. Вот для этого и использовался как один из «методов» заговор «наговорными словами», пускаемыми по ветру. Губительный заговор, как думали тогда, мог издали достигнуть свою жертву. Вера эта была настолько глубока, что в XVI—XVII вв., принимая присягу, даже клялись «ведовством по ветру никакого лиха не посылать и следу не вынимать». Считалось, что по следу (выну-

тому из отпечатка (ступни человека) тоже можно послать порчу.

Но каждое суеверие рано или поздно осознается людьми, и это неизбежно. Так и с пусканием слов на ветер. Люди убедились наконец, что эта форма мести не реализуется, «не работает». И вот тогда-то у выражения и появилось новое значение — «тратить усилия попусту», «говорить впустую».

ЗА РОДИНУ В БОРЬБЕ

Немало русской крови было пролито в борьбе с врагами, нападавшими на нашу Родину.

Катился на Русь за набегом набег
Из края степного горячего... —

писал В. Солоухин. И это общеизвестно. Известно и то, сколько простых людей гибло в княжеских междоусобицах. Геройство и мужество наших предков запечатлелось в различных источниках, начиная от древнейших летописей, фольклора и кончая историческими описаниями ученых и писателей.

С именем князя Святослава связывает летописец выражение *мертвые сраму не имут*. В летописи рассказывается о том, как князь, сын княгини Ольги, выступил сражаться с греками: «И выставили греки против Святослава сто тысяч и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их — сильно испугались такого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрамят земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвые не знают позора». Последняя фраза в тексте летописи звучала так: «...да не посрамят земля Рускиѣ, но ляжемъ костями, мертвыи бо срама не имамъ».

Тяжелой бедой навалилось на Русь монголо-татарское нашествие. В «Задонщине», выдающемся памятнике русской письменности, написанном после Куликовской битвы, теперь встречаем выражение, закрепившееся во фразеологии (хотя уже с иным значением) — *мамаево побоище*. Упоминается хан Мамай и в других фразеологизмах — как *мамай прошел*, *мамаево нашествие*. Если во время возникновения этих выражений они отражали настроения, которые были связаны со страшным разрушением

русских городов, с гибелью многих тысяч людей, то по прошествии веков время как-то сгладило эту память и выражения приобрели шуточный оттенок: «Антоновна. Как Мамай прошел по дому... нате-ка, поглядите. Разбросано все, растворено» (М. Горький. Дети солнца).

В 1709 г. русская армия под командованием Петра I разгромила шведскую армию, напавшую на нашу страну. Решающим было Полтавское сражение, ставшее страницей истории России. К нему неоднократно обращались писатели и поэты. И вот в середине XIX в. появилось стихотворение поэта И. Е. Молчанова, которое начиналось так:

Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья!
Мы дрались тогда со шведом
Под знаменами Петра...

В отрывке несколько раз использовано слово *дело* в его уже устаревшем значении — «бой, сражение».

Стихотворение это понравилось читающей публике, текст его стал песней, а первая строка закрепились в виде устойчивого сочетания, фразеологизма. И, как всякий фразеологизм, это устойчивое сочетание, конечно, изменило значение, которое было присуще выражению в песне. Оно приобрело уже шуточный характер, употребляется, когда о чем-то напоминают с похвалой или в шутку. Например: «Иван Иванович поперхнулся чаем, закашлял и весь затрясся от скрипучего удушливого смеха. — *Было дело под По...Полтавой*, — выговорил он...» (А. Чехов. Жена); «— Вот и поздние птички явились, — ласково приветствовал молодых людей полковник. — Ну, здравствуй, милая моя племянница, здравствуй, мой друг Володя... Видно, вчера ужинал, а? — подмигнул глазом полковник. — *Было дело под Полтавой*, дядюшка! — весело смеясь, отвечал Володя» (К. Станюкович. Женитьба Пинегина).

Как мы уже замечали, во фразеологии наблюдается довольно странное явление: речь идет о суровых, серьезных событиях, а фразеологизмы имеют шуточный характер. Видимо, временное расстояние снимает тяжелые воспоминания о самих событиях, а поскольку фразеология вообще «веселый» материал языка, то этот шуточный или иронический оттенок и накладывается на значение фразеологизма.

Наполеоновское нашествие народ определил как *нашествие двенадцати языков*. Старинная форма числительного *двенадцать* — *дванадесять* или *двунадесять* и старинное значение слова *язык* — «народ» отражают в этом сочетании пестроту войска Наполеона. Ко времени Отечественной войны 1812 г. относятся также выражения *стоять насмерть* и *попасть как ворона в суп*.

Первое из них приписывают М. И. Кутузову. Когда русская армия отступила от Москвы и заняла оборону возле села Тарутино, Кутузов, выйдя на берег реки Нары, сказал, обращаясь к войску: «Теперь ни шагу назад. *Стоять насмерть*».

А выражение *попасть как ворона в суп* пришло из басни И. А. Крылова «Ворона и Курица». Басня высмеивала людей, не проявивших патриотизма в войне. Одновременно она показывала положение французов-«завоевателей», которые голодали в Москве. В газете «Сын Отечества» была помещена такая заметка: «Очевидцы рассказывают, что в Москве французы ежедневно ходили на охоту — стрелять ворон и не могли нахвалиться своим *soupe aux corbeaux* (супом из ворон. — Ю.Г.). Теперь можно дать отставку старинной русской пословице: «Попал как кур во щи», а лучше говорить: «Попал, как ворона во французский суп».

Смысл, который несет в себе выражение *попал как ворона в суп*, заключен в морали басни И. А. Крылова:

Так часто человек в расчетах слеп и глуп,
За счастьем, кажется, ты по пятам несешься:
А как на деле с ним сочтешься —
Попался, как ворона в суп!

Конечно, нельзя, говоря о защите Родины, не рассказать, как отразилась в русской фразеологии Великая Отечественная война. Исследователь этого вопроса А. Н. Кожин обнаружил значительное количество различного рода устойчивых сочетаний, рожденных в эти годы. Среди них «чисто» военные сочетания — *огневой налет, воздушное нападение, воздушный десант, передний край, походный марш, линия огня, темп огня, огонь с места, держать фронт, смять оборону, держать под огнем* и т. п.

Но это выражения, в которых мы не наблюдаем образности. Более выразительны фразеологизмы типа *вбить*

клин, завязать мешок, взять в клещи, разжать клещи, загнать в котел и т. п.

В годы войны рождались также перифразы, косвенно называющие людей, предметы и действия: *воздушная крепость* — «самолет штурмовой авиации», *снежная кавалерия* — «подразделение лыжников», *карманная артиллерия* — «ручные гранаты», *крылатая пехота* — «десантники».

Рождались новые перифразы, но и переосмыслились старые. Так, еще во времена Пушкина употреблялась перифраза *бог войны*. Так именовался Марс. А во время Великой Отечественной войны *богом войны* стала артиллерия, а пехота величалась *царицей полей*. В повести В. Катаева «Сын полка» встречаем оба этих выражения: «Пошла *царица полей* в атаку, — сказал Горбунов. — Сейчас *бог войны* ей будет подпевать. — И как бы в подтверждение его слов, опять со всех сторон ударили на разные лады сотни пушек самых различных калибров».

В отдельных частях войск, среди различных военных профессий рождались фразеологизмы. У шоферов — *жать на всю железку* — «ехать с предельной скоростью», у летчиков — *заводится с полубороты* — «о легко возбудимом человеке», у связистов — *на полную катушку* — «предельно», у артиллеристов — *выровнять пузырек* — «отдохнуть» (по положению буссоли в нерабочем положении).

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ НАРОДНОЙ

В жизни нашего народа, кроме битв с врагами, есть немало событий, память о которых заложена в составе фразеологизмов. Конечно, далеко не всегда связь выражений с такими событиями осознается нашими современниками. Но эту связь обнаруживают ученые и напоминают людям о прошлом народа.

Одно из таких важнейших событий отражает выражение, на первый взгляд ничего «исторического» в себе не содержащее, — *вот тебе, бабушка, и Юрьев день*. В наше время это выражение употребляется как междометие в тех случаях, когда происходит что-то неожиданное: «К у р о с л е п о в. ...Поди за мной, Силантий, я тебе его пачпорт отдам. [Гавриле] А то у меня и в остроге насидишься. Г а в р и л о. *Вот тебе, бабушка, Юрьев день!* Куда ты теперь, Гаврилка, денешься?» (А. Островский. Горячее сердце); «Передают по радио: «Днем ветер северо-западной четверти, облачность» и так далее. К ночи — со значительным выпадением осадков. *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*» (С. Сартаков. Горный ветер).

В Юрьев день свершилось важное и печальное событие — народ был окончательно закабален, закреплен за феодалом. В XV в. крестьяне были обязаны весь год работать на землевладельцев-феодалов. Но один раз в году, когда кончались полевые сельскохозяйственные работы, они имели право переходить к другому хозяину. Таким днем и был Юрьев день, 26 ноября по старому стилю. Для перехода давалась неделя до Юрьева дня и неделя после. Юрьев день выбран тоже неспроста, это день святого Юрия (Георгия) «земледельца», покровителя земледельцев.

Но в конце XVI в., в период царствования Федора Иоанновича и после него, это право было отменено. Этнограф И. М. Снегирев так комментирует это выражение: «Поговорку, относящуюся к переходу крестьянскому — *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день* — также объясняют преданием о несбывшихся сборах бабки с внуком перейти от одного помещика к другому. Сюда же принадлежит поговорка: *Наряжается, что баба на Юрья*, т. е. на Юрьев день.

Как люди, обязавшиеся обрабатывать землю на год, нередко притесняемы были своими господами, которые преимущественно заведывали молочным хозяйством, то

иногда говорили про себя или самим лихим господам: *Вот тебе, бабушка, будет Юрьев день*, т. е. вот мы с тобой разделаемся в Юрьев день!

Юрьев день, кроме значения угрозы или утраты чего-либо, принимается иногда в смысле беды или напасти. Сие последнее знаменование, вероятно, придается этой поговорке от бедствия, случившегося с кем-либо в Юрьев день...»

С «кем-либо», собственно говоря, — со всем русским народом, с крепостным крестьянством.

А вот еще одна история из народной жизни. Речь пойдет о *шемякином суде*, которого мы уже слегка коснулись.

История с этим выражением сложна и очень туманна. Как уже говорилось, если в составе устойчивого выражения попадает собственное имя, исследователи начинают разыскивать человека, с которым оно связано. Решить эти вопросы далеко не всегда удается, но общее состояние дел позволяет делать прогнозы. Уже говорилось ранее о том, что у народа в силу различных причин складывалось отношение к тому или иному имени; например, имя *Варвара* не пользовалось любовью.

Но вернемся к Шемяке. Исследователь русской фразеологии М. И. Михельсон связывал это выражение с Дмитрием Шемякой, князем, который был известен тем, что ослепил другого князя — Василия (Темного), завладел его престолом, а потом, в 1450 г., был свергнут.

Само имя, а точнее прозвище, *Шемяка* зафиксировано в «Ономастиконе» академика С. Б. Веселовского. В этой книге, составленной на основе изучения документов XV—XVII вв., представлены все имена и фамилии, прозвища, клички, которые были обнаружены; причем указывается дата документа или годы жизни человека. Так вот, под словом *Шемяка* читаем: «**Шемяка** кн. Дмитрий Юрьевич, умер в 1453 г.; кн. Александр Андреевич Шаховской, вторая половина XV в.; кн. Дмитрий Давыдович Гагарин, 1550 г.; кн. Иван Васильевич Пронский, боярин, умер в 1550 г.»

Немало было «Шемяк» в этот период, причем всем известных. Правда, пока мы не можем ответить на вопрос, что значит само слово *Шемяка*.

М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» приводит такую справку по поводу выражения «**Шемякин суд**»: «пристрастный, продажный с. Названо

на основании рассказа о суде Шемяки (XVII в.), с добавлением моментов из сказок о продажном судье». Обратите внимание на время возникновения выражения, по мнению Фасмера, — XVII в.!

Действительно, рассказ (повесть) о шемякином суде был очень популярен на Руси в XVII в. По поводу появления повести есть противоречивые сведения. Одни считают, что повесть пришла к нам из Польши, другие — из стран Востока. Но это, собственно, не так важно. Быструю популярность повести можно объяснить тем, что она очень точно изображала положение дел с судом на Руси.

А факт существования подлинных «шемяк» наводит на мысль о возможном влиянии их действий на повесть и сказку о шемякином суде.

С судопроизводством так или иначе связаны еще два выражения — *круговая порука* и *повальный обыск*. О них можем прочитать у И. М. Снегирева: «*Повальный обыск*, или искус, бывал опрос посторонних людей в случае подозрения на кого-либо, или сумнительного спора о землях. Оporугивание *головы по голове* и обыск встречаются в Судебнике и Уложении. Оно известно также в древних грамотах судных под именем *круговой поруки*. Судебник § 52 предписывает сперва обыскать приведенного в первый раз с поличным и ежели скажут, что он добрый человек: то дело вершить по суду; а ежели назовут его лихим человеком: в таком случае пытаться его. Когда при обысках люди говорят двои речи, то Судебник, § 112: повелевает из тех двуязычных людей, из ста выбрав прикащиков и лучших людей человек пять или шесть, бить кнутъм... *Повальный обыск*, хотя ныне не имеет прежней силы, но употребляется в сомнительных случаях, когда общественным мнением определяется качество человека-гражданина...»

Средневековые способы ведения следствия отразились в выражении *узнать подноготную*. Фразеологизм восходит к пословице *Не скажешь подлинной, так скажешь подноготную*. Слово *подлинная* здесь обнаруживает свое первичное значение, которое теперь утрачено. Оно образовано от слова *длинный* и связано с пытками в Разбойном, Сыском и Тайных дел приказах, где начало «признаться во время пытки под «длинником» — длинным хлыстом». Более жестокий способ пытки заключался в забивании игл и гвоздей под ногти.

Вот что рассказали нам о старинном судопроизводстве несколько фразеологизмов.

Рассматривая различные стороны жизни народа, следует выделить особую группу фразеологизмов, связанных с народными играми. «Делу время, а потехе час», — говорит народ. В этой пословице слово *потеха* означает развлечение, от глагола *тешить*.

Однако игра не просто забава, отдых от работы. Ученые так не думают. В очень интересной книге «Создано человечеством», написанной академиком Ю. В. Бромлеем и писателем Р. Г. Подольным, авторы пишут: «Игра была спутником человечества с незапамятных времен. Причем здесь культуры разных народов опять-таки демонстрируют и сходство и неистощимое многообразие». И еще: «Мир игры — это, кроме всего прочего, своеобразный грандиозный музей истории культуры в самом широком ее понимании».

Так вот, заглянем в этот «музей культуры». Во что играли наши предки? Какие игры можем мы признать национальными играми?

Игры и развлечения были очень разными, рассчитанными на определенное время года, на определенную аудиторию. Одни предназначались для скучных и длинных зимних вечеров, другие — «для широкой потехи» на большом пространстве, с участием многих людей. К последним относятся, например, кулачные бои. Не те мрачные и тяжелые драки с печальным концом, которые известны нам по произведениям художественной литературы. Речь идет об иных боях, напоминавших спортивные состязания, проводимые по определенным правилам.

Кулачным боям придавалось большое значение как народной забаве. Издавались даже царские указы, устанавливающие правила боя. Один из них, от 1726 г., предписывал: «Кто упадет, лежащих никого не били бы». Указ запрещал бои, «в коих бойцы с ножами гонялись друг за дружкой, кидали песком в глаза, а иначе положив в рукавицы ядра, камня, кистени, били бы своих многих без милости смертными побоями, от которых причинялась смерть».

Нетрудно теперь вспомнить фразеологические выражения, связанные с этой потехой, — *лежащего не бьют, пускать пыль в глаза, бить смертным боем*.

Разумеется, что каждое из названных выражений уже

изменило свое значение. Так, *пускать пыль в глаза* означает просто «создавать ложное впечатление о себе».

Что касается выражения *лежащего не бьют*, то о нем еще пойдет речь впереди.

Наряду с такой «широкой» игрой существовали «камерные» игры, рассчитанные на небольшой круг людей и на зимние вечера. К ним относится игра в бирюльки. Суть ее заключалась в том, чтобы из кучки бирюлек — маленьких вещичек: топориков, бочоночков, веничков, лопаток, специально сделанных для этой игры, — с помощью крючка вытащить заданную бирюльку, не затронув остальных. Игра тихая и не очень веселая. И это нашло выражение в значениях фразеологизма *играть в бирюльки*. А значений таких два: 1) «заниматься пустым делом», 2) «попусту тратить время»: «— Пристыдили меня, мать. Говорят — война, а ты *в бирюльки играешь*» (Г. Николаева. Талант); «*Это тебе не в бирюльки играть!*» (В. Липатов. Стрежень).

И еще одна игра для зимних вечеров, для деревенских посиделок — в Курилку. Играющие садились в кружок и передавали друг другу горящую лучинку, приговаривая: «Жив, жив, Курилка, ножки тоненьки, душа коротенька...» У кого лучинка затухала, тот проигрывал. В этой игре с огнем нетрудно увидеть отголоски языческого отношения к огню как священной стихии.

Таким образом, игра в Курилку связана с глубочайшими славянскими верованиями. Да и не только славянскими. Как отметил известный английский этнограф Э. Тейлор в книге «Первобытная культура», игра в Курилку существовала и во Франции, и в Германии еще в XIX в. И сегодня можно увидеть, как дети во дворе поют «Гори, гори ясно, чтобы не погасло...» и при этом передают из рук в руки предмет, символизирующий огонь. Такая игра, по мнению Ю. А. Бромлея, могла зародиться еще в палеолите.

Но вернемся к Курилке. Выражение *жив курилка* носит иронический характер, оно сообщает о существовании человека, чья жизнь не приносит пользы обществу. Это выражение использовал А. С. Пушкин в эпиграмме на журналиста М. Каченовского:

— Как! жив еще Курилка журналист?

— Живехонек! все так же сух и скучен,

И груб, и глуп, и завистью размучен,

Все тискает свой непотребный лист,
И старый вздор, и вздорную новинку.
— Фу! надоел Курилка журналист!
Как погасить вонючую лучинку?
Как уморить Курилку моего?
Дай мне совет. — Да... плюнуть на него.

Л. Н. Толстой в повести «Казачья» также использовал это выражение, но с несколько иным значением, в основе которого — длительный характер игры: «Вспоминал он первое время своей светской жизни... и вспоминались ему эти разговоры, тянувшиеся как *жив-жив курилка*».

А уже в более поздних употреблениях об игре и не упоминалось: «Через минуту Леденев уже сидел у него и радостно тряс ему руку: — А, *жив курилка*? Ну, чем меня порадуешь?» (Н. Островский. Как закалялась сталь).

Игры более позднего времени — карты, шашки, шахматы, домино — также дали немало выражений: *остаться при пиковом интересе* — «ничего не получить», *сорвать банк* — «получить крупную прибыль», *идти ва-банк* — «решиться на смелый ход, поступок», *пройти в дамки* — «добиться успеха», *поставить мат* — «выиграть в каком-то деле», *сделать ход конем* — «провести неожиданную для противника комбинацию», *попасть в цейтнот* — «не укладываться во время» и т. д.

Обратим еще внимание на одну из главных сторон жизни народа — на ремесла и профессии русских людей. Если бы мы о них ничего не знали, то фразеология могла бы нам немало подсказать.

Были столяры и плотники и оставили след в языке — *точить лясы, ни сучка ни задоринки, разделявать под орех, снять стружку, топорная работа* и др. В первом выражении есть непонятное слово — *лясы*. Так назывались точеные столбики под перила (или *балясы*). Данное выражение, означающее «пустословить», связывают с тем, что мастера, точившие эти самые лясы, были веселыми людьми и много болтали во время работы, не требующей особых усилий. А выражение *топорная работа* не очень-то справедливо, если учесть, какие чудеса творили народные зодчие с помощью одного только топора. Но, с другой стороны это выражение очень понятно, так как топор все-таки остается топором.

Портные подарили русскому языку выражения: *семь раз отмерь, а один отрежь; на живую нитку; неладно*

скроен, да крепко сшит; шито белыми нитками; кузнецы — доводить до белого каления; ковать железо, пока горячо; рыбаки — попасться на крючок; клюнуть на приманку; закидывать удочку и др.

Немало выражений пришло от сапожников: *два сапога пара, в подметки (кому-то) не годиться, на одну колодку сделаны*. И здесь, однако, не обошлось без обиды.

Любопытное выражение — *холодный сапожник*. Так теперь принято называть людей нетворческих, работающих без вдохновения: «Жур сделал свое замечание. Он сказал, что Зайцева надо немножко сдерживать. Зайцев слишком горячий. Ну что же!.. Работа тут, в общем, не холодная. *Холодные сапожники* тут не требуются» (П. Нилин. Испытательный срок).

Чем же провинились «холодные сапожники»? Да и провинились ли вообще?

Нашлись у них защитники. С. Шатров писал в своем фельетоне «Не оскорбляйте холодных сапожников»: «Сперва несколько добрых слов о холодном сапожнике. Вспоминаю эту колоритную фигуру, олицетворяющую сапожный сервис моих студенческих лет. Вот он сидит на сосновом чурбаке где-то на задворках базара. Поверх двух кирпичей фанерный лист, и на нем обрезки кожи, воск и нехитрый инструментарий. Мастер шила и дротвы работает споро, потому что клиент в прохудившихся носках и у него мерзнут ноги. — В таком штиблете не советую идти свататься, — беззлобно острит мастер. — Щиблет, прямо скажу, не модель. Однако носить будешь, потому как чиним мы на совесть».

И это было истинной правдой. Холодные сапожники чинили на совесть».

Далее автор удивляется, почему все-таки бракоделов называют холодными сапожниками. А в самом деле, почему?

Холодные сапожники, работающие под открытым небом, конечно, были менее «престижны», как теперь говорят, чем те, кто работал в мастерских. Вот и рассматривался их труд как более плохой. Но это еще не все. Слово *холодный* имело значение «отличающийся бесстрастием», а слово *сапожник* обозначало еще и неумелого, неискusstvenного человека. Да можно и вспомнить, как в довоенном кинотеатре, когда рвалась лента, мальчишки дружно кричали киномеханику: «Сапожник!»

У НАС ТАК ВЕДЕТСЯ

В каком народе живешь, того и обычья держись; Не сошлись обычьем, не бывать и дружбе; Свой обычай в чужой дом не носи. Эти и многие другие пословицы русского народа говорят об обычаях как о чем-то очень важном.

Обычаи и обряды играют очень важную роль в жизни народа. Они связывают поколения, обеспечивают преемственность культуры, способствуют сохранению национальной культуры. И еще одна важная особенность обычаев. Они, как отмечает Ю. В. Бромлей, способствуют скреплению человеческих связей: «Во время обрядов непосредственные участники их и зрители соединяются общими мыслями и чувствами, сближаются сопереживанием».

Поскольку обычай предписывал правила поведения, он должен был иметь хорошую запоминающуюся форму. Такой формой и стали пословицы.

В пословицах заключались не только правила поведения, но и народная мораль, например: *Не хвались отцом, а хвались молодцом* (т. е. сыном); *Не спеши языком, торопись делом* и т. д.

Нередко пословица использовалась в иной ситуации, чем та, в которой она родилась. Возникало у нее переносное значение. А отколовшийся от такой пословицы фрагмент становился фразеологизмом.

Конечно, связь фразеологизма с обычаем или обрядом далеко не всегда лежит на поверхности. Например, выражение *закрывать глаза* кому-то, т. е. «присутствовать при чьей-то смерти», непосредственно выражает обычай закрывать покойникам глаза.

И выражение *правая рука* на этот счет раздумий не вызывает. Каждый знает, что так определяется первый помощник, главное доверенное лицо кого-то: «То был воевода князь Холмский, муж благоразумный и твердый — *правая рука* Иоаннова в предприятиях воинских...» (Н. Карамзин. Марфа-посадница).

Но за этим выражением стоит обычай. Самым почетным местом, после места хозяина, было место по правую руку. И все-таки почему по правую? Здесь следует вспомнить, что правая сторона у русских, как и у многих других народов, всегда связывалась с добром, а левая — со злом. Отсюда и выражения: *правое дело, на правду выведет* и т. д.; *с левой ноги встать, что левая нога хо-*

чет, левый заработок и т. п. Следовательно, почетность места определялась стороной. Вот выражение *правая рука* и получило значение важного поста.

С обычаем связано и выражение *на лбу (на лице) написано*. Во время царствования Алексея Михайловича бунтовщикам ставили клеймо, сначала на щеке, а затем на лбу. Таким образом, прошлое и впрямь было *написано на лбу*. В наше время выражение имеет значение «видно по выражению лица».

Если человек попусту болтает, ему обычно говорят: *Мели, Емеля, твоя неделя*. Почему Емеля? Разве что по созвучию: Емеля — неделя? Но нет, все не так-то просто. Во-первых, имя Емеля содержит элемент — *мель-*, соотносящийся с глаголом *молоть*, который имеет одно из значений «болтать, врать». Во-вторых, имя *Емеля* ассоциируется с глупым человеком, что видно, например, в сказках (хотя, как известно, дурачки в сказках оказываются отнюдь не такими глупыми). Неспроста в выражении и слово *неделя*. В. И. Даль пишет в Словаре: «Молоть языком — вздор, пустословить. Мели, Емеля, твоя неделя! (на ручном жернове женщины в семье мелют понеделю)».

Еще более определенно на связь выражения с народным обычаем указывает М. И. Михельсон: «С этими словами обращаются к болтуну, который *мелет вздор*; тут намек на обычай распределять домашние труды между членами семьи поочередно — на неделю — кто стряпает, кто мелет зерно и проч.»

Часто употребляется сокращенный вариант выражения: «— Эко! — усмехнулся Семен. — Не просто привычка, а особая врожденная... Ну, *мели, Емеля*, еще и врожденная» (В. Тендряков. Суд).

Установить связь фразеологизма с обычаем бывает нелегко. Вот, например, есть такое выражение *свесь все жданки*. Его встречаем у К. Федина в романе «Костер»: «— Дождаться еще надо... помогу-то твою. — Нашу, нашу с тобой помогу, — опять шепотом сказала Мавра. — *Все жданки свесь...*» Смысл выражения в тексте понятен — «долго ждать придется», но откуда оно возникло?

В русской фразеологии известен такой способ образования фразеологизмов, когда слово ассоциируется с другим внешне несколько сходным и это обыгрывается. Например, захрапеть — *здать храповицкого*, дрожать —

продавать дрожжи. Есть такие примеры и в других славянских языках. Может быть, и здесь также: *ждать* — *съесть жданки*. Но почему именно *съесть*?

В повести В. Распутина «Живи и помни» есть такой эпизод: «Побывка сорвалась, но приготовленное для встречи по какой-то старой суеверной примете не трогали: *изведешь жданки* — не дождешься и встречи». Упоминание о примете, об обычае подтверждается в говорах. В донских говорах, например, есть слово *жданка*, которое означает «жена казака, отбывающего службу»; есть здесь и слово *жданки*, которое употребляется только во множественном числе и означает ожидание. Таким образом, обнаруживается обычай готовить заранее все необходимое для встречи и не трогать это до самого приезда ожидаемого. И уж если очень долго человек не возвращается, тогда могут *поесть все жданки*. Отсюда и смысл фразеологизма — «долго ждать».

За отражением во фразеологии обычаев зорко наблюдают писатели. М. Горький в романе «Жизнь Клима Самгина» писал: «Существует старинный обычай: перед тем, как отлить колокол... распространяют какую-нибудь выдумку, лить, от этого медь будто бы становится звучней». Действительно, существует выражение *лить колокола* со значением «врать». Впрочем, есть и еще одно выражение с этим же значением — *лить пули*.

Установить связь выражений со старинными обычаями помогает сопоставление материала различных периодов развития языка. В наше время употребительны два выражения, сходные между собой, — *не храброго десятка* и *не трусливого десятка*. Но в XVIII в. круг таких выражений был гораздо шире; говорили *незабывайлова десятка*, *разбродливого десятку*, *замотайлова десятка*. Языковой факт приводит нас к мысли, что люди делились на десятки. Действительно, это подтверждается существованием слова *десятский*, а также *сотский*, *тысяцкий*.

Контексты употребления названных выражений в XVIII в. подтверждают приведенную этимологию; например, в «Вергилиевой Енеиде» Осипова: «Еней имел всегда догадку и все точь-в-точь в себе смекал. *Незабывайлова десятка* он в шайке молодцев бывал».

Житье улицами как административными единицами отразилось в выражении *будет и на нашей улице праздник*; *на нашей улице праздник*.

Немало выражений связано со свадебными обычаями: *на чужой каравай рот не разевай*, *играть свадьбу*, *не выносить сор из избы*.

Последнее выражение стоит рассмотреть подробно. Оно связано с обычаем заставлял невестку после свадьбы делать два дела: принести воды и вымести из избы сор. Последнее задание сопровождалось советом *не выноси из избы сору*. Выражение это имело двойной смысл: во-первых, по обычаю сор наружу не выносили, а сжигали в печи, во-вторых, оно означало «не разглашай домашние секреты». Сор же сжигался потому, что, по суеверным представлениям, частицы человека, живущего в этом доме, можно было использовать для колдовства против него.

В РАЗДУМЬЯХ О ЖИЗНИ

Жизнь — движение. Именно этот образ прежде всего и отразился во фразеологии: *пройти жизнь с кем-то*, *чей-то век прошел*, *идти по дороге жизни*, *выйти на широкую дорогу*, *вернуть кого-то на путь истины...* Фразеологизмы показывают, что жизнь представлялась в русской фразеологии в образе дороги, пути, колеи — *выйти из колеи*, *вернуть в свою колею* и т. д.

Как свидетельствуют устойчивые выражения, для каждого человека в жизни определяется своя дорога, свой путь: *идти своей дорогой*, *идти своим путем*, *сбиться с пути*.

Переходить дорогу человеку нельзя, это нехорошо. Отсюда и суеверный запрет: нельзя переходить идущему дорогу, иначе ему не будет удачи: «Николай Матвеевич отличался суеверием. На охоту или рыбную ловлю он обыкновенно выходил самым ранним утром. Делалось это с той целью, чтобы — боже сохрани — какая-нибудь баба *не перешла дороги*» (Д. Мамин-Сибиряк. Зеленые горы).

С таким запретом соотносятся различные фразеологизмы, которые объединяет общее значение — «создавать кому-то препятствие в жизни», «становиться на жизненном пути кого-то, мешать в достижении цели»: «— Я не обвиняю вас, а только прошу *не становиться мне беспрерывно поперек дороги*» (А. Писемский. Тысяча душ); «*Любовь Яровая*. Знаю, Кутов чем-то *на вашей дороге стал*» (К. Тренев. Любовь Яровая).

Идея дороги усматривается и в оценке образа жиз-

ни людей: *сбиться с дороги, свернуть на кривую дорожку, вернуться в свою колею.*

Выражение *дороги (чьи-то) разошлись* означает, что жизненный путь людей разошелся: «Вот еще когда у двух братьев *дорожки разошлись* в разные стороны. Один волчьей тропой побежал, свою добычу вынюхивать. Другой — трудовой дорогой с народом пошел, для всех счастье добывать» (Е. Пермьяк. Сказка о сером волке).

Понятие движения, следования, поступи заложено в словах, в которых встречаем корни, обозначающие движение, названия обуви, след, оставляемый обувью. *Найти свое счастье* значит обнаружить его, идя к нему. Подобными словами обозначаются и поступки человека, поступки нравственного характера: *вСТУПить в сговор, СЛЕДовать советам* старших, *вести себя поСЛЕДовательно* и т. д. Нарушение правил называют проСТУПком, преСТУПлением.

Жизнь не просто дорога, а еще как бы живое существо: *жизнь прошла, пролетела, век прошел* и т. д. Здесь мы встречаемся с олицетворением понятия «жизнь».

Отвлеченные понятия в сознании нашем обычно заложены парами слов-антонимов. Вполне понятно, что понятие «жизнь» противопоставляется понятию «смерть». Эти антонимы мы легко обнаружим в русских пословицах: *Смерти бояться — на свете не жить; Всякий живот смерти боится; Сколько ни жить, а смерти не отбыть.*

И еще один образ человеческой жизни, тоже представленный в русской фразеологии. Его нетрудно усмотреть в выражениях *жизнь оборвалась, жизнь тянется, время тянется, нить жизни.*

Образ нити использован и в ряде фразеологизмов. В одних он имеет значение связующего между людьми: «Лопнула, *порвалась нить дружбы*, связывавшая их с детских лет» (В. Липатов. Стрежень); в других — значение надежды на что-то, средства к достижению цели: «Тут были и воспоминания об институте, в котором они воспитывались, и вычитанные урывками мысли о людях труда, и робкая надежда, с помощью институтских связей, *ухватиться за какую-то нить* и при ее пособии войти в светлое царство человеческой жизни» (М. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы).

В качестве основы жизни образ нити не раз обыгран в художественных текстах писателей.

СДАЕТСЯ В АРХИВ

Язык, как и всё в жизни, постоянно развивается. Этот процесс имеет две стороны. С одной — что-то в нем устаревает, уходит и постепенно забывается носителями языка, переходит в разряд архаизмов. С другой стороны — рождается новое. Новые слова, новые выражения. Все это позволяет языку оставаться вечно молодым.

Читая произведения писателей прошлого, мы встречаемся с выражениями, которые нам непонятны. Тогда приходится обращаться к словарям и справочникам, но и по ним далеко не всегда можно узнать, откуда взялось и что означает данное выражение. У нас пока нет специальных словарей, в которых можно было бы узнать о фразеологизмах-архаизмах. А знать это полезно, потому что в языке существует определенная преемственность: новое возникает на базе и по образцам старого.

Давайте рассмотрим несколько устаревших выражений и попытаемся понять причины их устаревания.

Существовал в России XVIII в. такой порядок: при наборе в армию рекрутам *брили лбы*, выбривали переднюю часть головы. Поскольку все люди носили длинные волосы, стриженные «в кружок» рекруты выделялись среди них, и это мешало им сбежать. Вот как описан набор рекрутов в Приговоре Военной коллегии от сентября 1719 года: «Когда в губерниях рекрут сберут, то сначала из домов их ведут скованных и, приведши в города, держат в великой тесноте по тюрьмам и острогам немалое время, и таким образом еще на месте изнурав, отправят, не рассуждая, по числу людей и далекости пути с одним и то негодным офицером, или дворянином, при недостаточном пропитании...» Действительно, было от чего бежать!

Выражение *брить лоб* употреблялось до Октябрьской революции, а затем стало исчезать, забываться.

Царское правительство не заботилось о народном образовании. Более того, дети простых рабочих не допускались в гимназии. Это было даже официально подкреплено Положением в виде специального циркуляра министра просвещения Делянова в 1887 г. В циркуляре, одобренном царем, указывалось, чтобы в гимназии допускать «только таких детей, которые находятся на попечении лиц, представляющих достаточное ручательство о правильном над ними домашнем надзоре и в представлении им необходимого для учебных занятий удобства». Тем самым закрывался доступ в гимназии «детям кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей». Дети эти и получили название «кухаркиных детей». Выражение использовалось и после революции для описания прошлого. Так, М. Горький в 1930 г. писал: «А давно ли «кухаркиных детей» не пускали в гимназии, а идеолог и вдохновитель самодержавия организатор церковно-приходских школ безграмотности Победоносцев цинически откровенно говорил, что «безграмотным народом легче управлять».

Октябрьская революция уничтожила несправедливость, исчезло и выражение.

Причиной, способствующей устареванию фразеологизмов, может быть устаревание слов, входящих в их состав. Есть немало выражений, содержащих устаревшие старославянские слова или формы слов. Поскольку внутренняя форма этих выражений, их образная основа уже не осознается, они склонны к устареванию. Например: *сема и овамо* — «туда и сюда», *ничтоже сумнящеся* — «не сомневаясь», *разверзлись хляби небесные* — «о сильном дожде», *не смыкать вежды* — «не спать» и т. п.

Интересно в этом отношении выражение *витать в эмпириях*. В нем два непонятных слова — «витать» и «эмпирии». Первое старославянского происхождения, оно означало «жить, пребывать». Второе, от греческого слова *empeiros* — «объятый огнем», имело два значения: 1) «наиболее высокая часть неба, где, по представлениям древних христиан, жили боги»; 2) *перен.* «область блаженства, неземного существования». Исходя из значений этих слов, определяется и общее значение фразеологизма — «пребывать в мечтах, уходя от действительности».

Далеко не всегда можно объяснить причины устаревания фразеологизма. Существовало, например, выражение *класть малину в рукавицу* со значением «хитрить»: «— Невдомек, ваше благородие: ведь твои речи умные да наши головы глупые. — Да ты полно *малину-то в рукавицу класть!* Что ты на себя клепаешь! У него Васька кафизмы читает, а сам будто печатного не разумеет. Возьми бумагу-то, читай; ведь я не морочу тебя» (А. Мельников-Печерский. Поярков). Почему оно исчезло — объяснить трудно.

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

От того, что многие фразеологизмы устаревают, фразеология отнюдь не беднеет. Она постоянно обогащается за счет новых «поступлений». Но новое обычно рождается на базе старого. Так и во фразеологии — привычные сочетания получают новые значения, иногда существенно отличающиеся от старых. При этом словесный состав «родителей» либо полностью сохраняется, либо немного видоизменяется: заменяются отдельные компоненты, изменяется порядок их следования и т. д.

Переосмыслению подверглось большое количество сочетаний, связанных с производственными процессами, — устойчивых терминологических сочетаний. Одно из них — *спускать на тормозах*. В новом, переносном значении оно употребляется уже не в связи с механизмами, а в связи с какими-то делами, отношениями между людьми: «Не зря, пожалуй, вот уже несколько месяцев Лею не предъявляют никакого официального обвинения, и, кто знает, может быть, *спустят дело на тормозах*» (А. Полторак. Нюрнбергский процесс).

Перенос значений на терминологические устойчивые сочетания начался уже давно. Например, Л. Н. Толстой употреблял выражение *центр тяжести* не в научном (физическом) значении, а в ином: «Он продолжал свои занятия, но чувствовал, что *центр тяжести* его внимания перешел на другое и что вследствие этого он совсем иначе и яснее смотрит на дело» («Анна Каренина»); «Иван Ильич все более и более переносил *центр тяжести* своей жизни на службу. Он стал более любить службу» («Смерть Ивана Ильича»).

Такие же фразеологические значения получили терминологические сочетания *приводить к общему знамена-*

телю — «уравнивать, уничтожать различие между чем-то», *торичеллиева пустота* — «отсутствие чего-либо или кого-либо», *абсолютный нуль* — «о ничтожном человеке» и др.

Переосмыслению подвергается большое количество сочетаний технического характера. Так, выражение *нулевой цикл* возникло у строителей и означало работу по созданию фундамента здания. Однако вскоре оно получило новое, уже переносное значение, как «вообще начало чего-то»; более того, уже возникла и краткая форма: «Начни с начала, Все начни с нуля», — слышим мы в песне на слова А. Вознесенского.

Наблюдения за новыми образованиями подтверждают так называемый «закон Шпербера». Сущность его в том, что в языке развиваются те области, которые в данное время наиболее активны в жизни народа. Что же в наше время наиболее активно? Видимо, можно указать несколько областей, и среди них, конечно, техника и спорт.

Действительно, среди выражений, получивших новые значения на базе устойчивых сочетаний, есть немало спортивных. Так, в спорте хорошо известно *второе дыхание*, когда у бегуна на дальние дистанции появляется новый прилив сил. Но в словаре-справочнике «Новые слова и значения» под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина (М., 1971) уже зафиксировано значение, не связанное со спортом: «О новых силах, о приливе энергии, бодрости у кого-либо после периода усталости, апатии, неудач». Метафорическое основание нового значения очевидно, о нем также говорит космонавт Г. Титов в книге «Голубая моя планета»: «По-моему, почти у каждого человека, овладевающего искусством управления самолетом, бывает такой барьер, преодолев который он начинает верить в себя, в самолет, вообще в успех. Это можно сравнить со *вторым дыханием* у бегуна. Кажется задохнулся человек, вот-вот сойдет с дистанции, но пересилил себя, организм перестроился на новую нагрузку, и появилось оно, *второе дыхание*. Снова легко бежит человек».

Сегодня можно сказать, что *второе дыхание* открылось у монтажников, конструкторов и т. д. Выражение вышло из спортивного круга.

Вошел в активное употребление фразеологизм *делать погоду* — «определять ход, течение чего-либо, оказывать решительное влияние на что-то»: «Когда по выражению

лица Полякова стало ясно, что машин он не даст, Вертин поторопился предупредить отказ: — Конечно, пять-шесть машин *не делают погоды*: кирпича надо перевезти несколько миллионов штук» (А. Рыбаков. Водители); «—...Конечно, — пораздумав, продолжил Бахрушин, — одна-две газеты погоды в Америке не делают, но все же моросят...» (Е. Пермяк. Сказка о сером волке).

Выражение это, надо думать, родилось в среде метеорологов. Но, как обычно, получило новое значение. Были ли у него предшественники? Видимо, да. Вспомним, например, выражение *Одна ласточка не делает весны*.

И еще два выражения, созданные по одному образцу: *попасть в струю* и *попасть в жилу*. Они различны по словесному составу и скорее всего родились в разных сферах человеческой деятельности. Но образец у них общий. Представьте себе, что человек очень удачно что-то сделал. Попал именно в ту точку, в которую требовалось. И вот это представлено по-разному — *в струю* или *в жилу*: «— Я вам открою секрет. В будущем году в Москве открывается всемирный конкурс. — Ну? — Имени Чайковского. — Ну! — Не понимаете? Получается очень *в жилу*» (А. Крон. Бессонница).

Мы рассмотрели сочетания, которые просто изменили свое значение, не меняя или почти не меняя своего состава. Но есть гораздо больше новых образований, которые оригинальны и по своему составу. Вот к ним мы и перейдем.

НОВЫЕ РОЛИ СТАРЫХ СЛОВ

Рождение новых фразеологизмов связано с развитием у отдельных слов новых, фразеологически связанных значений. Об этом уже шла речь. В частности, именно так возникают фразеологические сочетания, у которых один член со свободным значением, а другой — с фразеологически связанным.

А теперь возьмем словарь-справочник «Новые слова и значения» (М., 1971), в котором представлены ранее не зафиксированные слова и значения слов. Словарь этот построен на основе наблюдений за текстами газет и журналов, где и появляются прежде всего новые слова и фразеологизмы. Нас интересуют выражения, выделяемые как фразеологизмы. Итак, открываем:

Бархатный путь — «о бесстыковом пути» («Чем меньше стыков на рельсах, тем более мягко и плавно идет трамвай. Это достигается созданием так называемого «бархатного» пути, на который идут тяжелые длинномерные рельсы по 25 метров» (Лен. правда, 20-XI-66)).

Диким образом — «неорганизованно, без путевки (отдыхать, ехать на отдых)».

Книжкины именины — «о неделе детской и юношеской книги».

Но мы возвращаемся к собственно фразеологическим единицам. Они реализуют фразеологически связанные значения, уже закрепленные в языке, или образуют совсем новые.

Давайте проследим это на материале тех трех групп, которые уже анализировались нами: названия частей тела, названия цвета и наименования животных. Как обстоит дело с этими группами слов-компонентов?

Со словом *голова* можно указать лишь такие фразеологизмы: *голова два уха* — «о наивном простоватом человеке», *брат в голову (что-то)* — «задумываться, беспокоиться о чем-то», *винтика в голове не хватает* — «о странностях человека», *с головой погрузиться* (в работу, заботы и т. п.); выражения эти реализуют уже ранее сформировавшиеся значения слов-компонентов *голова*.

В словарных материалах «Новое в русской лексике» за 1977—1980 гг. со словом *глаз* находим лишь одно выражение: *на сегодняшний глаз*, т. е. преобразование на базе выражений *на чей-то взгляд*, *на сегодняшний день*. Составители приводят один пример из газеты, так что это вполне можно считать оригинальным авторским образованием.

Со словом *рука* в новейших изданиях обнаруживается только одно-единственное выражение *последняя рука*. И приводится пример: «На каждом собрании спорят о принципе «*последней руки*» и правиле «обратной связи». *Последняя рука* — «работник, завершающий выпуск продукции».

Как видим, новых выражений с названиями частей тела очень мало, и по сути дела новые значения у них не появились.

Мы уже говорили о цветowych прилагательных (см. с. 98). Теперь проследим, какие значения этих слов развиваются у новообразований. Обратимся к изданиям «Новое в русской лексике. Словарные материалы» за 1977—1980 гг.

Предварительно нужно заметить, что все рассматриваемые новообразования еще не заняли прочного места в русской фразеологии, многие из них, вполне возможно, в недалеком времени забудутся. Но вместе с тем эти образования обнаруживают определенные тенденции к развитию значений у слов и у фразеологии в целом и поэтому заслуживают внимания.

Установившееся выражение *белое золото* — «хлопок» развивается в новых сочетаниях: *белая жатва* — «уборка хлопка», *белая страда*.

По цветовому признаку представлен снег в выражениях, связанных со снежными опасностями: «Грозное имя лавин — «*белая смерть*» — известно на всех континентах...»; «Снежной зима была в городах Рудного Алтая... С гор в ущелье были спущены миллионы тонн снега. «*Белые тигры*» — как называют здесь снежные лавины — укрошены» (Из газет).

Символическое значение слова реализовано в неологизме *белая зависть*, созданном как антоним к *черной зависти*: «[Соревнование] пронизывает все наши деяния, оно источник вдохновения, радостей и печалей тоже... «*Белая зависть*» к идущему впереди — разве не им порождается?» (Из газет).

У нас давно уже медики ассоциируются с белым цветом, что и породило соответствующую перифразу — *люди в белых халатах*. Но в странах капитала, где медицинское обслуживание разоряет простых тружеников, складывается иное отношение к работникам здравоохранения. И вот их новое определение — *белые акулы*: «Пришедшие к управлению социал-демократы пробуют в последние годы обуздать «*белых акул*», как называют в народе служителей здравоохранения». (Из газет).

Прилагательное *черный* не очень обогатилось новыми значениями за последнее время. В основном это развитие и закрепление старых, уже привычных значений. Словом *черный* представляется нефть, как и в выражении *черное золото*. Ажиотаж последних лет вокруг черного золота, приведший к увеличению добычи и переработки нефти, отразился в выражениях, связанных с загрязне-

нием окружающей среды, отходами от нефтеперерабатывающей промышленности и авариями при транспортировке нефти. Таковы выражения *черный прилив*, *черный прибор*. Месторождения нефти стали называться *черным пятном*.

Слово *зеленый* по-прежнему связано с растительным миром: например, *зеленая страда* — «напряженная пора ухода за овощами, их уборки», *зеленый конвейер* — «система непрерывной заготовки кормов для скота», *зеленая революция* — «значительное повышение урожайности в связи с интенсификацией сельского хозяйства», *зеленый мост* — «прямая связь производства и продажи овощей», *зеленая аптека* — «о дикорастущих лекарственных растениях».

Слово *зеленый* по-прежнему представляет лес: *зеленые легкие* — «растения как важный фактор газообмена в атмосфере», *зеленый цех* — «лесное хозяйство страны». Новое выражение *зеленая стоянка* вошло в обиход туризма как остановка для отдыха «на природе».

Со словом *красный* появилось мало новых выражений. О некоторых из них уже говорилось (см. с. 106). Возникло выражение *красный рейс* — «образцовая перевозка грузов».

Продолжает традиционное употребление слово *желтый* в новом выражении *желтая карточка*, *показать желтую карточку*. Ею судья предупреждает о нарушениях правил игры спортсменом на поле: «Цена *желтой карточки* достаточно высока. В положении о проведении чемпионата страны и розыгрыша Кубка СССР говорится: «Игрок, получивший второе предупреждение, автоматически дисквалифицируется на одну игру, за каждое последующее предупреждение — на две игры».

Прогнозы во фразеологии (как и в языке вообще) — дело рискованное. Но есть, на наш взгляд, все основания полагать, что это выражение может перейти в разряд подлинных фразеологизмов уже с новым значением.

В новом плане развивается значение слова *голубой*. В неологизмах оно связано с газом как одним из важных видов топлива. Назван так газ по цвету его горения. Выражение *голубое золото* пополняет известный ряд словосочетаний со словом *золото*: *черное золото*, *мягкое золото*, *белое золото* и т. д.

Еще одно значение слова *голубой* родилось в связи с телевидением, понятие которого воплощено в выраже-

нии *голубой экран*, как теперь называют и само телевидение, и непосредственно телевизор.

Можно вспомнить выражение *голубые дороги*, как определялся водный путь. Ассоциация «вода — голубой цвет» живет в новых образованиях, например в выражении *голубая ферма*: «Теперь я знал, что там, в волнах, работает «голубая ферма», поставляющая нам тонны знаменитой «царской рыбы» (Из газет).

Обратите внимание на один факт: в текстах новые выражения даются в кавычках, что и свидетельствует об их новизне.

Нетрудно увидеть в неологизме *мазать розовой краской* образование, возникшее «по образу и подобию» другого — *мазать черной краской*. В данном случае речь идет о приукрашивании чего-то неблагоприятного.

Стремление обнаружить в новых образованиях названия животных не приводит к успеху. Нет их в неологизмах фразеологии. Это дает основание для печального вывода: в суматохе технического прогресса люди перестали присматриваться к «братьям меньшим». Вот и не находим мы во фразеологических новинках ни собаки, ни коровы, ни овцы; даже слона нельзя заметить. А ведь сколько в прошлом создано выразительных фразеологизмов, основанных на наблюдении за этими животными!

Заметили, и то немного, не слона, а... муху! Два новых выражения включили это слово: *ловить мух* и *до мушки*. Первое пополняет ряд фразеологизмов о бездельниках, а второе выступает как вариант (менее активный!) к выражению *до лампочки*.

Известный отрицательный персонаж фразеологии — волк — попал в одно-единственное новое выражение, но в своем амплуа: «Они еще не перевелись тут, эти «северные волки», этикие лихачи, бегающие с одной экспедиции в другую» (Правда. — 1980. — 6 дек.).

Не повезло и коту, особенно кошке. Кот попал в одно выражение, правда не в лучшем виде, — *тянуть kota за хвост*, т. е. «медлить, тормозить дело». Выражение *тянуть kota за хвост* продолжило ряд выражений с этим же значением: *тянуть канитель*, *тянуть время*. Сюда же относится и новое выражение *тянуть резину*.

Вот и все внимание, которое уделено в новых образованиях животным — известным персонажам фразеологии прошлого. А жаль!

Как и в прошлом, основу новых выражений составляют и серьезные стороны жизни народа, и его юмор.

Порядок проведения собрания, заседания отражается в ряде фразеологизмов, хотя они, конечно, уже изменили свое первичное значение на новое, фразеологическое. Всем хорошо известны выражения *ставить вопрос, подводить черту, заострять вопрос, повестка дня*. Но *повестка дня* — это не только порядок рассмотрения вопросов и их перечень. Теперь можно сказать, что *на повестку дня поставлен вопрос* об интенсификации и ускорении производства. Это уже не «собственно повестка дня», а иное — то, о чем говорится, стало актуальным и начнет осуществляться.

Выражение *подводить черту* употребляется как форма окончания обсуждения доклада, окончания прений. Но вот иное значение этого выражения: «Долго наблюдали ребята за поведением товарища, но наконец решили *подвести черту*» (т. е. «принять решение»).

Многие выражения, рожденные в наше время, имеют довольно прозрачные образные основы, которые легко угадываются. Например, выражения *заполнить пробел, разложить по полочкам, выходить в тираж. Заполнить пробел* заставляет вспомнить выражение *белые пятна*, о котором шла речь ранее.

Нетрудно увидеть и образность выражения *выходить в тираж*: «Наука заметно помолодела, теперь раньше начинают и раньше *выходят в тираж*, большая часть открытий делается молодыми людьми» (А. Крон. Бессонница).

Легко понять и смысл выражения *получить постоянную прописку*, так говорят, когда хотят передать значение «войти в обиход»: «Проблема эта *получила постоянную прописку* на страницах наших литературных газет и журналов» (Из газет).

Сложнее понять, например, смысл выражения *гнать волну*: «— Все будет в срок. Так что зря *волны не гони*» (Гусева. Год спокойного солнца). Однако, подумав, мы можем соотнести это выражение со словом *волноваться*, и тогда значение выражения становится ясным. Более сложно сходное с ним выражение — *гнать тюльку*. Означает оно то же, но здесь слово *тюлька*, т. е.

«маленькая рыбешка», предстает перед нами в виде причины, не стоящей серьезных волнений.

Жив и народный юмор. Все время рождаются смешные, а иногда лишь внешне смешные шуточные выражения. Например, *спускать Полкана*: «— Пишу вот... — Пиши, Упырев. Нужно ведь... А что я на тебя *Полкана спускала* и *баллон катила* — извини» (Из газет).

Выражение *катить баллон* можно рассматривать как новый вариант «автомобильного» происхождения — от более раннего — *катить (на кого-то) бочку*. И первое и второе выражения означают одно и то же — «кто-то подвергается несправедливым нападкам».

Как и раньше, народ зорко следит за моральными качествами людей. Увидели подхалима и определили его характер через позу, через особенности передвижения: *на полусогнутых идет*. Правда, это выражение имеет и второе значение — «быстро»: «Б а к л а н о в. Пленного — сюда. Быстро, *на полусогнутых*» (А. Крон. Второе дыхание); «— Машина скоро будет. Леху Шаблова послал — рванул *на полусогнутых*» (В. Тендряков. Кончина).

Как и в прошлом, в наше время одним из наиболее значительных центров фразеологических новообразований остается человек и его характеристика.

У людей немало забот, но свои как-то всегда кажутся более значительными, чем чужие. Это передается новым образованием — *нам бы ваши заботы*.

Число метонимических новообразований невелико по сравнению с метафорическими. Но вот одно из метонимических выражений, характеризующих человека, — *человек с последней скамьи*. Опять-таки в прошлом было выражение — *человек двадцатого числа*. Так называли чиновников, получавших «жалование» 20 числа каждого месяца. А *человек с последней скамьи* — характеристика неважная. Каждый школьник хорошо знает, кто любит сидеть на последних партах — чаще всего не отличники учебы. Вот и определяется этим выражением человек, не блистающий знаниями.

В числе выражений, имеющих шуточный характер, есть и такие, которые пополняют и так довольно многочисленный ряд фразеологизмов со значением «умереть». О них уже шла речь. Новые образования продолжают этот «юмор». Говорят, например, *подать заявление на два метра*. Или вот несколько вариантов выражений, связанных с Шопеном, марш которого обычно играет на похоронах. Например: «— Надо за собою следить. У меня приятель вот так погулял с гриппом, потом воспаление среднего уха, потом осложнение, потом трепанация, а третьего дня мы *сыграли ему Шопена*» (К. Федин. Костер).

Встречаются среди новых фразеологизмов и заимствованные. Вот, например, выражение *промывать мозги*. Возникло оно в английском языке и связано с воздействием на психику людей специальными медицинскими препаратами с целью идеологической обработки. Такое наблюдалось в тюрьмах некоторых капиталистических стран. В английском языке это выражение представлено одним сложным словом — *brainwashing*. Слово было переведено на русский язык по частям — это так называемое калькирование. Сначала выражение *промывать мозги* употреблялось с тем же значением, с каким оно было в родном его языке. И у нас оно передавало капиталистические порядки: «Как *промывают мозги*... Я располагаю фактами, подтверждающими принудительную отправку из женской тюрьмы Бедфорд-Хилс семи узниц в [тюремный] психизолятор Мэттеван (в США). Им устроили *промывание мозгов*» в качестве «дисциплинарного взыскания» (Из газет).

Как видим, образование фразеологизмов происходит примерно теми же путями и из тех же источников, что и в прошлом. Это говорит об устойчивости традиций в языке.

НАПУТНОЕ СЛОВО

Вот и окончена наша экскурсия в мир русской фразеологии. Автор стремился показать, насколько увлекателен этот мир, как он неразрывно связан с жизнью народа-языкотворца.

Фразеологизмы делают речь более емкой и образной, в чем, надеюсь, вы убедились. Однако это происходит только в том случае, когда говорящий не только знает общее значение фразеологизма, но и понимает его внутреннюю сущность: оценочный характер, историю возникновения, которая часто и определяет сущность.

Рассказывая о раскрытых и нераскрытых тайнах русской фразеологии, автор стремился заинтересовать читателя, сделать его исследователем русской фразеологии, возбудить у него желание самому заняться наблюдениями за этими удивительными образованиями.

Как вы уже, наверное, убедились, в области изучения русской фразеологии сделано немало. Но любое познание бесконечно. Мы призываем вас в путь, в дальнейший путь, который никогда не окончится, но всякое новое знание обогащает нас.

Начнем с того, что в наше время рождаются новые выражения. Они впервые появляются в устной речи. Запоминайте, записывайте их. Проследить путь возникновения таких выражений — дело увлекательное и полезное. Ваши наблюдения принесут пользу делу изучения нашего родного языка.

В годы Великой Отечественной войны рождалось немало фразеологизмов. Часть из них, как вы узнали из книги, закрепилась в языке, стала общенародным достоянием. Но многие оказались забытыми. При встречах с ветеранами войны, при чтении произведений, посвященных тем годам, обращайтесь внимание на такие выражения, выписывайте их, пытайтесь узнать, в какой среде и по какому поводу они возникали.

Есть особые устойчивые выражения и у людей разных профессий в наше время. Они, как правило, известны только людям этой профессии. А выявление их для науки тоже очень важно, ибо в их образовании действуют те же закономерности, что и в образовании общенародной фразеологии.

В каждой работе нужны надежные помощники. Такими помощниками вам могут стать книги, приведенные в списке «Литература для дальнейшего чтения».

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЧТЕНИЯ

Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 1966.

Вартаньян Эд. Из жизни слов. — 3-е изд. — М., 1973.

Введенская Л. А., Баранов М. Т., Гвоздарев Ю. А. Русское слово. Факультативный курс «Лексика и фразеология русского языка (VII—VIII классы)». — 4-е изд., испр. и доп. — М., 1987.

Гвоздарев Ю. А. Пусть связь речений далека. Очерки по русской фразеологии. — Ростов-на-Дону, 1982.

Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. — М., 1967.

Жуков В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка. — М., 1980.

Мокиенко В. М. В глубь поговорки. — М., 1975.

Мокиенко В. М. Образы русской речи. — Л., 1986.

Откупщиков Ю. В. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии. — 3-е изд., испр. — М., 1986.

Пословицы русского народа. Сборник В. Даля: В 2 т. — М., 1984.

Успенский Л. Слово о словах. Ты и твоё имя. — Л., 1962.

Фразеологический словарь современного русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. — М., 1967.

Шанский Н. М. В мире слов. — 3-е изд., испр. и доп. — М., 1985.

СОДЕРЖАНИЕ

Первое слово 3

Глава первая. Сущность довольно сложных явлений 5

Глава вторая. Как рождаются образы 35

Глава третья. «Верь в звук слов...» 79

Глава четвертая. Свое и чужое 131

Глава пятая. «Древняя рассыпанная повесть» 159

Глава шестая. Вечно юный язык 179

Напутное слово 191

Учебное издание

Гвоздарев Юрий Анатольевич

РАССКАЗЫ О РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Зав. редакцией *А. В. Прудникова*

Редактор *И. И. Нестеренко*

Мл. редактор *Т. Л. Тихомирова*

Художник *Э. Л. Десятник*

Художественный редактор *И. В. Короткова*

Технический редактор *Н. Т. Рудникова*

Корректор *Н. В. Бурдина*

ИБ № 10568

Сдано в набор 23.10.87. Подписано к печати 17.08.88. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бум. кн.-журн. отечеств. Гарнитура литер. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,61. Уч.-изд. л. 10,11. Тираж 100 000 экз. Заказ № 975. Цена 40 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной роши, 41.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.